

МНЕМОЗИНА,

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗЪ,

и з д а в а е м а х

Кк. В. ОДОЕВСКИМЪ И В. КЮХЕЛЬБЕКЕРОМЪ.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА.

Въ Типографіи Императорскаго Московскаго
Театра, 1825 года.

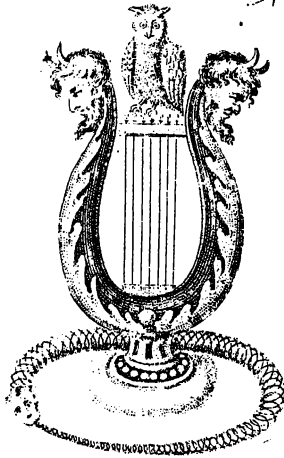
У Содержателя А. Пожорскаго.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1824 года Октября 13 дня, книгу сію разсматривалъ Адъюнктъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

1824

МЕМОРИАЛЪ

Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. О способахъ изслѣдованія природы (л. п.)	1.
II. Еще два Аполога:	
1. Новый Демонъ	35.
2. Моя управительница (Кн. Одоев- скаго)	42.
III. Жертвы Амуру (— й)	49.
IV. Мысли (Нечаева)	52.
V. Спутники жизни (Н. Полеваго)	56.
VI. Амуръ Живописецъ (В. Кюхельбе- кера)	63.
VII. Отрывокъ изъ путешествія по По- луденной Франціи (В. Кюхельбекера)	66.
VIII. Гимнъ Бакхусу (В. Кюхельбекера)	92.
IX. Олимпійскія игры (В. Кюхельбекера)	96.
X. Къ морю (А. Пушкина)	102.
XI. Тимонъ или Мизантропъ, изъ Лукі- ана съ Греческаго (С. Шевырева)	105.
XII. Очки (Елегія)	153.
XIII. Ливонія (Н. Языкова)	156.
XIV. Пѣсня	158.
XV. Секта Идеалистико-Елеатическая — отрывокъ изъ словаря Исторіи Фи- лософіи (Кн. Одоевскаго)	160.
XVI. Буря (****)	214.
XVII. Отрывки изъ Поэмы: Эда (****)	216.
XVIII. Леда (****)	221.

- XIX.** Различныя потребности (С. Н.) . . . 223.
- XX.** На свиданіе съ сестрою (С. Н.) . . . 224.
- XXI.** Спашьи особенныя :
- Короткій отвѣтъ Кн. Одоевскаго
Г-ну Булгарину; Замѣчанія на
письмо къ Изд. Л. Л. Госп. Й-ова;
Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ са-
михъ Издашелей; Одиссеевъ конь,
(Кн. Одоевскаго) 227.

О П Е Ч А Т К А.

Послѣ страницы 191 сдѣлана ошибка
въ числахъ страницъ и спашей, вмѣсто
214 должно чипашь 192 и такъ далѣе.

I.

О СПОСОБАХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПРИРОДЫ.

Все сотворенное, подлежащее нашему изслѣдованію и вообще называемое природою, есть или 1) познаваемое только, или 2) познаваемое и познающее вмѣстѣ. Первому названіе: *природа*, дается исключительно, второе именуется *разумнѣеиѣ* (*intelligentia*) и относится къ познающему въ чловѣкѣ духу.

Природа своею обширностію, разнообразіемъ частей и гармоніею цѣлаго не могла не поразить познающаго духа; сей, по ограниченности бытія, спѣсненнѣй въ почкѣ вѣществу, а познавательною способностію своею носясь по всему царству творенія, не могъ въ послѣдствіи не обратиться и къ самому себѣ, какъ предмету не менѣе природы достойному изслѣдованія. Чловѣкъ, говорю, съ самаго начала своего появленія среди природы, пораженный ея

величіемъ и вмѣстѣ изумленный самимъ собою, невольно долженъ спросить себя: что все это, что въ меня? И что такое я самъ на семъ великомъ зрѣлищѣ? Остановимся на первомъ вопросѣ?

Всѣмъ извѣстна скорость, съ какою разпространяется свѣтъ; опъ звѣзды называемой Сиріусъ. доходитъ онъ до насъ (по вычисленію Астрономовъ) въ теченіи 6 лѣтъ и 4 съ половиною мѣсяцовъ. Ежели въ 8 минутъ и 7 съ половиною секундъ пробѣгаетъ онъ опъ солнца до земли болѣе 20 милліоновъ географическихъ миль; но какое ужасное пространство долженъ пробѣгать въ теченіи 6 лѣтъ и 4 съ половиною мѣсяцовъ? Ешаго еще мало; еспъ звѣзды, которыхъ лучи, по Гершелю, не прежде достигнутъ нашей планеты, какъ по испеченіи двухъ милліоновъ годовъ; какъ же велико должно быть разстояніе, на которомъ онъ находящся опъ земли? Мысль перенесъ въ семъ ужасномъ пространствѣ! Но постигаемые предѣлы вселенныя можно ли принять за дѣйствительныя? Природу, какъ вмѣстилище всего сотвореннаго, легче вообразить сферою, которой центръ всюду, а окружность нигдѣ. Природа въ семъ значеніи взятая не

есть предметъ изслѣдованія, но составляешь только предметъ благоговѣйнаго удивленія величію Творца ея.

Неизмѣримое пространство вселенной неминуемо предполагаетъ и многообразіе существующаго въ ономъ чрезвычайное. Ежели съ сею цѣлю обратимъ вниманіе на одну нашу планету, и плушь не можемъ довольно надивиться оному: роды описанныхъ только распѣній счисляются цѣлыми десятками тысячъ; но сколько еще неизвѣстныхъ, сколько въ каждомъ родѣ видовъ, а въ видѣ различій? Въ животномъ царствѣ многообразіе еще разительнѣе: не говорю о наливникахъ (infusoria), открываемыхъ посредствомъ микроскопа; одинъ классъ насѣкомыхъ представляетъ легіоны. Чтожь если погрузишься въ океанъ, и спустишься до центра земли; какимъ мы будемъ поражены многообразіемъ плѣль, имѣющихъ намъ встрѣниться?

Если мы смопримъ на природу съ епой стороны, т. е. если спараемся постигнуть совокупность всего видимаго, усиливаемся, такъ сказать, сдѣлать счетъ плѣлямъ, природу составляющимъ; въ такомъ случаѣ она представляется намъ храмомъ безпредѣльной обширности, въ коемъ усам-

*

приваюцца безчисленныя предметы, уже произведенныя (producta), или: съ той стороны, разсматриваемая природа представляется намъ темъ, о чемъ можно сказать: *esse* (amplexus eorum, quae sunt), и кажется находящеюся въ покой, какъ нѣчто содержимое.

Но ежели на сіи произведенія обратимъ болѣе вниманія; если будемъ проникать глубже сію совокупность видимого; то не можемъ не замѣтить, что сіе нѣчто содержимое, произведенное, издали кажется покойнымъ, все находится въ движеніи; тамъ міры, постоянно вращаясь на осяхъ своихъ, съ невѣроятною быстротою носясь вокругъ центральныхъ свѣтилъ; здѣсь моря дышатъ, такъ сказать, въ опливѣ и приливѣ воды своихъ; тамъ грохотъ громовъ колеблетъ атмосферу, и изъ ней: по льются дожди, по сыплются раскаленные камни; здѣсь потрясается земля; сгнѣщенные во внутренности оной огни, прорываясь на поверхность, выносятся съ собою рѣки расплавленныхъ жаромъ ихъ металловъ и земель; а тамъ милліоны распѣній и живописныхъ, возникая и исчезая, представляютъ непрерывное волненіе. Природа, разсматриваемая съ этой

спороны, не кажешся болѣе произведенною полько, но непрерывно измѣняющеюся (*amplexus eorum, quae fiunt*), и что надобно замѣпить особенцо, при всей измѣняемости оспаешся неизмѣняемою: всѣ живописныя и растѣнія, однѣ медленнѣе, другія скорѣе, но всѣ вообще умирають, разрушаются; и не смотря на то природа не успѣепь; одно умираеть, другое родится; словомъ: природа постоянно измѣняется и постоянно оспаешся темъ же, чемъ по манію Всемогущаго вышла изъ ничтожества. Назовемъ епу всегдашнюю измѣняемость природы *производимостію*, а то, что она при всегдашней производимости, оспаешся одинаковою, назовемъ *пробываемостію*; и выразимся такъ: *въ природѣ мы находимъ всегдашнюю пробываемость при непрерывной производимости*; ш. е. природа ежемгновенно измѣняется и постоянно оспаешся одинаковою, производится и пробываешь. Что епо значить? Чпобъ не шеряться полько въ общемъ, оспановимъ наше вниманіе на часномъ и именно: возьмемъ въ примѣръ живописное шѣло: оно пока живешь, непрерывно измѣняется: однѣ начала превращаються въ его вещьство, другія извергаются; и епо совер-

шающа ежемгновенно; не смотря на то оно прѣ своей непрерывной измѣняемости, оснается одинаковымъ, производимся и пребываетъ, — оно *живетъ*. Главнѣйшій признакъ, существеннѣйшее опличіе жизни есть пребываемость въ производимости. Замѣшивъ сіе, обратимся къ природѣ: она, какъ сказано выше, находится во всегдашнемъ дѣйствіи, въ непрерывномъ движеніи, и симъ сохраняется ея цѣлость; всегдашнюю производимостию, непрерывною измѣняемостию поддерживается ея неизмѣняемая пребываемость; непрерывно разрушается и непрерывно возникаетъ, производимся и пребываетъ — она *живетъ*. Произведение всеовершенной Жизни мертво бытъ не можетъ.

Солнечныя системы представляюща умспвующему наблюдателю отдѣльными органами великаго живаго цѣлаго, органами всеобщаго организма; каждая солнечная система относится къ цѣлой природѣ какъ часть, къ частямъ же, ея составляющимъ, содержится какъ цѣлое своего рода; пономъ каждая планета относится къ солнечной системѣ, какъ часть къ своему цѣлому; сама по себѣ есть также цѣлое и цѣлое живое. Тѣло наше живетъ, цѣлолику всѣ

органы, имѣя собственную жизнь и дѣйствуя отдѣльно, содѣйствуютъ общей жизни, поддерживаютъ цѣлостность нашего организма; уничтоженъ напр. органъ дыханія; маше шло болѣе не живешь—разрушаешься; такъ цѣлая природа живетъ въ своихъ частяхъ, а части поддерживаются жизнью цѣлаго; такъ живетъ и наша планета; ея основа (partes solidae) — земля; ея кровь (humores) — воды; ея дыханіе — воздухъ; органы ея вѣчнаго возникновенія — распенія и живопныя; органъ мышленія — чело-вѣкъ, вѣнецъ творенія, коимъ временное примыкается къ вѣчному.

При всемъ несмѣшномъ многообразіи существующаго, при всей безчисленности дѣйствій и явленій, мы замѣчаемъ постоянный, непремѣняемый порядокъ въ ходѣ природы; во множествѣ находимъ единство; съ етой стороны природа кажется самою гармоніею, въ безчисленныхъ движеніяхъ обнаруживающеюся и безконечною оныхъ разнообразностію поддерживаемою.

Сорвавъ завѣсу, сокрывающую отъ насъ пружины сей гармонической машины; открьши главную причину всѣхъ ея несмѣшныхъ движеній и шамъ — при самомъ началѣ дѣятельности природы, водрузиши

знамя истины, словомъ: образовавъ общую теорію природы и при ея свѣтѣ благоговѣйною мыслию погружаться въ дѣла Всесошворшаго, проходя всѣ многоразличныя явленія въ пространствахъ и времени — вотъ цѣль нашихъ изслѣдованій! Къ сему-то знанію, къ сей-то истинѣ спремился духъ челоѣка такъ постоянно во всѣхъ вѣкахъ. Пусть невѣжество — сіе могучее чудовище — искомый свѣтъ опдѣляетъ опъ него ужасными безднами; пусть покрываетъ онѣй самымъ хаосомъ; "онъ не прѣстанетъ усиливаться, прорываться сквозь всѣ мраки, перелезаетъ всѣ пропасти, спремясь къ своему высокому назначенію.

Спременіе сіе направляется съ двухъ противуположныхъ почекъ, кошорыя суть: *опытъ* и *умозрѣніе*, или природа изслѣдывается двумя способами: аналитическимъ — эмпирическимъ и синтезическимъ — умозрительнымъ. По первому способу во главу угла полагается опытъ, и на немъ зиждется все знаніе; по второму — умозрѣніе; по первому опъ явленій восходятъ къ началамъ, по второму опъ началъ къ явленіямъ. Совокупность свѣдѣній первымъ способомъ пріобрѣтенныхъ называется *эмпирическими*, а вторымъ — *умозрительными* Еспеспивен-

ными Науками. Какой способъ превосходнѣе, елико было и есть предметъ прѣдній; большинство голосовъ на споронѣ эмпири; но большинство голосовъ не всегда служило доказательствомъ справедливости; собственное разсужденіе и изслѣдованіе никогда не вредятъ истинѣ.

Спрямленіе познающаго въ насъ духа въ изслѣдованіи природы таково: что, что воспрѣчаетъ онъ являющимся въ пространствѣ и времени, силится свести на понятія; картину явленій силится превратить въ картину дѣйствій, силъ и законовъ; словомъ: силится списать природу. И такъ, науки, имѣющія предметомъ природу, составляютъ списокъ оной.

Списокъ цѣнится по мѣрѣ его приближенія къ подлиннику; по сему, чтобы оцѣнить Естественныя Науки—есть списокъ природы, надобно изслѣдовать: имѣетъ ли онъ сходство съ своимъ подлинникомъ.

Сходство понятій съ познаваемымъ предметомъ называется истиною, елико же есть и знаніе; ибо „знаемъ,“ можемъ только сказать о томъ предметѣ, съ которымъ наши понятія сходны; въ противномъ случаѣ мы его не знаемъ.

Теорія въ наукахъ, какъ изображеніе вну-
 преннаго хода явленій, есть представитель-
 ница нашихъ объ нихъ понятій; по сему увѣ-
 рившись въ истинѣ теоріи можемъ только
 тогда, когда убѣдимся въ сходствѣ нашихъ
 понятій съ внутреннимъ ходомъ явленій.

Сходство понятій съ предметомъ мо-
 жетъ быть только одно; по сему и гово-
 рившись: *истина одна*; многихъ сходствъ
 понятій съ предметомъ быть не можетъ;
 если же гдѣ встрѣчаемъ различныя пред-
 ставленія одного и того же предмета; то
 на вѣрное сказанье можемъ: здѣсь господ-
 ствуетъ ложь; ибо истина и ложь вмѣстѣ
 существовать не могутъ; истина одна, —
 изъ ея царства исключается все съ нею
 разнородное. Естественныя Науки имѣютъ
 одинъ предметъ—природу; по сему и сход-
 ство понятій съ оною должно быть одно;
 теорія природы, какъ представительница
 сего сходства, должна быть одна; всѣ Есте-
 ственныя Науки должны образоваться по
 одной формѣ, подъ вліаніемъ одной теоріи,
 по одному сходству понятій съ природою;
 ибо многихъ сходствъ быть не можетъ.
 Таковы ли Естественныя Науки, обрабаты-
 ваемыя эмпирически? Въ ешомъ списокѣ
 природы замѣтна ли та гармонія, которая

господствуетъ въ его подлинникѣ? Физика, говоряшь, объемлетъ всю природу; по сему бы она должна бытъ первою образовательницею общей теоріи для всѣхъ Естественныхъ Наукъ; но мы въ ней самой не видимъ единства началъ; въ ней находимъ столько же теорій различныхъ, сколько и предметовъ; а иногда и на одинъ предметъ не одну, а многія теоріи. Естественная Исторія считается также однимъ цѣлымъ, и именно: Естественнымъ описаніемъ; но стоишь только бросишь поверхностный взглядъ на части сей науки, и не даясь не замѣшишь въ ея спискѣ природы ужаснѣйшаго безобразія; но, что должно бытъ картиною прехъцарствъ природы, въ прелепнѣйшей связи между собою соспѳящихъ, предспавляется картиною безпорядка, неустройства, безсвязности; ибо раздѣленіе минераловъ, растеній и живопныхъ основывается на различныхъ началахъ. Физиологія въ Медицинѣ должна играть ту же роль, кака свойственна Физикѣ въ общемъ кругѣ Естественныхъ Наукъ; Физиологія равно кака Физика должна образоватъ такую теорію, кою она бы отражалась во всѣхъ частяхъ цѣлаго, въ коему она принадлежитъ; но ешаго въ Медицинѣ нѣтъ; Физиологія имѣетъ

однѣ начала, свои теоріи; Паталогія, которая есть нечто другое; какъ обратная Физиологія, имѣеть другія; Фармакологія свои; Терапія также свои, и всѣ вообще имѣють не одну, а многія теоріи. И такое разноначаліе, вывѣска несовершенства, существуетъ въ этой наукѣ, которой поборники горько испещили все краснорѣчіе, всѣ умствования для доказательства, что опыты есть единственное, прочтѣйшее основаніе знанія.

Опытъ чего-либо зависитъ ликое несовершенство? Эмпирическихъ Наукъ? Неужели занимающіеся ими доселѣ еще обманываются, что опыты есть вѣрнѣйшій путь къ истинѣ? Неужели великіе мужи, коихъ имена внесены уже въ книгу безсмертія, какъ напр. Галилей, Бэконъ, Ньютонъ, Бюффонъ, Соссюръ, и проч. были такъ слабы, что не могли поставитъ себя выше всеобщаго предразсудка и опыты были ихъ кумиромъ? Важность дѣла, когда дѣло идетъ объ истинѣ, ничего незначитъ: *amicus Aristoteles, amicus Plato, sed magis amica veritas.*

Природа, какъ явленіе въ пространствѣ и времени, находится въ непрерывной производимости, состоящей въ превра-

щеніи одного и того же вещества въ многоразличныя формы. Сіе положеніе проповѣдуетъ апокрифическую теорію, господствующую въ эмпирическихъ наукахъ; по сей послѣдней находятся многоразличныя вещества, начала; и ежели природа кажесть производящею; то она, не другое что дѣлаеть, какъ только соспавляетъ сіи вещества, коихъ различное содержаніе причиною различія стѣль. Сія теорія совершенно неправильна. Въ органической природѣ часто въ глазахъ нашихъ совершается образованіе стѣль съ такими началами или соспавными частями, какихъ со всѣмъ не было въ той средѣ, въ коей ихъ образованіе совершалось; такъ напр. извѣстно изъ опытовъ извѣстнѣйшихъ еспесивоиспытателей, что много находится извести въ пеплѣ деревь, возросшихъ въ землѣ, не содержащей ни пылинки извести. Въ крови живошныхъ находится желѣзо тогда, какъ въ пищѣ, ими употребляемой, не открывається и слѣдовъ сего металла. Нѣкоторыя растѣнія, будучи сожигаемы зелеными, даютъ въ произведеніи щелочи, а въ пеплѣ стѣхъ же самыхъ растѣній, но сожженныхъ высохшими, находится известь. Однѣ и стѣ же живошныя, будучи сожжены, през-

вращаются въ пепель, въ коемъ находятся различныя минеральныя вещества, а, будучи разрушены посредствомъ гніенія, образуютъ черноземъ (humus). Нѣкто Шрадеръ въ Берлинѣ дѣйствительность образованія новыхъ веществъ во время расширительнаго процесса доказалъ самымъ убѣдительноѣйшимъ образомъ посредствомъ выращивания въкопорохъ хлѣбныхъ расѣній, посаженныхъ сѣменами въ чистѣйшемъ сѣрномъ порошкѣ, поливаемыхъ одною перегнанною водою и пакъ сохранныхъ, что ни пыль, ни дождь не могли на нихъ падать, словомъ: земляныя частицы имъ ни откуда и ни какимъ образомъ не могли быть доставляемы; между тѣмъ, по разложеніи оныхъ, найдено довольное количество вновь образовавшихся минеральныхъ веществъ, какъ то: кремнистой и квасцовой земель, углекислой извести и углекислой мыловки, окисловъ: желѣзнаго и марганцоваго. Очевидно, что сія вещества образовались во время расширительнаго процесса изъ перегнанной воды; ибо она только въ семъ опытѣ испреблялась, а сѣрный порошокъ оставался въ прежнемъ количествѣ.

Сего довольно, чтобъ показать всю неосновательность атомистической теоріи.

рїи и вмѣстѣ подтвердитъ противоположное оной положеніе, а именно, какъ сказано выше: производимѣсть природы соспоитъ въ превращеніи одного и того же вещества въ многоразличныя формы.

Различіе формъ въ природѣ органической, какъ замѣчено выше, чрезвычайно; но вещество, служащее матеріаломъ ихъ образованія одно — слизь. Изъ сравнительной Анатоміи извѣстно, что основа пѣль органическихъ есть клѣпчатая плева; изъ ней образуются всѣ плосныя часпи, а плева образуется изъ слизи; изъ слизи же образуются начально жидкія часпи пѣль органическихъ.

Очевидно, что многоразличіе формъ вещественныхъ зависишь не отъ самаго вещества, оно одно; вещество, какъ нѣчто непроницаемое въ пространствѣ, служишь только основою явленія — массою, изъ которой образуются различныя формы, а то, что въ веществѣ проявляется, отъ чего зависишь образованіе той или другой формы, есть нѣчто отъ вещества отличное, совершенно оному противоположное. Назовемъ условно сіе нѣчто веществу противоположное, въ немъ проявляющееся, *идеальнымъ*, а законъ, по коему идеальное

дѣйствуетъ — идею вообще, въ тѣлахъ живыхъ — идею жизни. Послѣ сего касательно образованія различныхъ формъ изъ одного и того же вещества можемъ выразиться такъ: вещество принимаетъ ту или другую форму, смотря по тому, какому идеальнаго вліянію подвергается, напр. одинъ и тотъ же черноземъ, подверженный дѣйствию на него различныхъ сѣменъ, превращается въ различныя распахивельныя тѣла. — Чтобы убѣдиться въ сей истинѣ, такъ сказать, оцупью; слѣдуетъ только заглянуть въ шеплицы и оранжереи.

Въ сѣмени не содержится, какъ нѣкопоре даже и теперь думаютъ, цѣлое растѣніе вещественно; по ихъ мнѣнію ростъ растѣнія есть только развитіе того, что въ маломъ видѣ находится въ зародышѣ. Заблужденіе! — Сѣмя растѣнія до оплодотворенія есть шарикъ, въ окружности плотный, а въ нутри жидкій; въ немъ послѣ оплодотворенія чрезъ нѣсколько дней появляется бѣлая почка, начало зародыша; ему въ актѣ оплодотворенія сообщается одна только возможность опредѣленнаго образованія — идея. Въ сѣмени каждаго растенія содержится форма всѣхъ послѣдующихъ племенъ его рода, но невещественно, а идеально, въ возможности

(in potentia). Сія форма въ возможности—идея и есть та внутренняя модель, по которой матеріалъ питанія распѣній превращается въ распѣтельное плѣло, какъ спрощельный матеріалъ превращается въ зданіе по фигурѣ, родившейся въ гсловѣ Архитектора. Такъ же образуется и живописное плѣло; мы удивляемся красотѣ павлина, огромности слона, кита, словомъ: поражаемся несмѣпнымъ многообразіемъ живописныхъ; всѣхъ ихъ плѣламъ начало одно—слизь; различіе формъ, въ которыхъ сія превращается, зависитъ отъ идеальнаго.

Формы, которыя вещество принимаетъ, временны; ибо оно дѣйствию того или другаго идеальнаго подвергается случайно; по сему ежели опредѣленный видъ вещественнаго назвать его существованіемъ; то ясно, что сіе существованіе есть только случайное, мнимое; ибо оно служитъ только оппечаткомъ существованія идеальнаго. Но такъ какъ формы вещества при всей ихъ случайности и недѣйствительности, находясь въ природѣ постоянно: то слѣдуетъ само собою, что дѣйствительно существуетъ только идеальное, а вещественное существуетъ случайно. Чтобъ пред-

ставишь мысль сію въ чувственномъ видѣ, вообразимъ безпредѣльно обширное море, сильнымъ въпрямь непрерывно волнуемое; первое, что поразитъ насъ при взглядѣ на оное, будутъ пѣнисыя волны, съ ужаснымъ шумомъ воздымающіяся; къ нимъ прикованный взоръ будетъ только видѣть многоразличныя формы пѣнисныхъ возвышеній; замѣшитъ только, какъ одна волна изъ другой рождается и поглощается послѣдующею, какъ онѣ ежемгновенно, исчезая и возникая, представляющъ постоянное явленіе волненія. Море — природа; волны — переходящія формы, явленія; вода въ разныхъ формахъ: пл. е. въ волнахъ, по исчезающихъ по возникающихъ являющаяся — вещественное; вѣтры — идеальное; все вмѣстѣ взятое явленіе — производимость природы, а начальная причина сего общаго волненія океана вещественности

Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени Превѣчный!

Видимое для насъ въ каждомъ явленіи есть только случайное, мнимое существованіе, волны въ морѣ (ρηνωτοπον); а сущность онаго (πουτοπον) скрывающа въ идеаль-

номъ. Все видимое движется въ слѣдствіе дѣятельности идеальнаго.

Теперь возвратимся къ способамъ изслѣдованія природы.

Аналипически или эмпирически изслѣдывающіе природу утверждаются на опытности; опытность предметомъ можетъ имѣть только то, что подлежитъ чувствамъ; чувствамъ подлежитъ только внѣшнее въ каждомъ видѣ существованія (phenomenon), а сіе есть только случайное, несущественное въ природѣ; симъ путемъ слѣдуя, т. е. путемъ опытности, можно только дойти до понятія о случайномъ; но случайнымъ управляешь нѣчто постоянное, и ещо есть идеальное; а идеальное не подлежитъ опытамъ, его не лзя заключить ни подъ воздушной колоколь, ни въ папиновъ горшокъ. Послѣ сего понятно, почему въ эмпирическихъ наукахъ, идущихъ къ своему совершенству путемъ опытности, доселѣ вѣтъ ничего положительнаго; онѣ зиждутся на зыбяхъ взволнованнаго моря, на однѣхъ видимыхъ явленіяхъ; взоръ эмпирическихъ естественно-испытателей прикованъ къ однѣмъ волнамъ; онъ въ морѣ природы, кромѣ пѣнистыхъ колебаній, ничего невидитъ.

*

Изъ предыдущаго видно, что природа имѣетъ двѣ спороны: внѣшнюю (φωσποη) и внутреннюю (πωσποη). Внѣшняя спорона есть область *опыта*, *empiriū*, а внутренняя *улюзрвнiя*. Наружность поражаетъ прежде; и потому душа наша, сообщаясь съ міромъ посредствомъ наружныхъ чувствъ, прежде обращается къ внѣшней споронѣ природы; поражаясь многообразіемъ, силится все привести къ единству, находя все условнымъ, спремится привести къ безусловному. Единство и безусловное, вошь цѣль, къ которой мыслящій въ чловѣкѣ духъ спремится непосредственно и не упоминается; всѣ спольшія ознаменованы слѣдами его усилій.

Тотъ моментъ дѣйствія души, когда она, чрезъ наружныя чувства обращаясь къ внѣшней споронѣ природы, все видимое многообразіе силится привести къ единству, все условное свести на безусловное, называемъ *разумомъ*: противоположный—*уломъ*. Послѣдуемъ за нею въ первомъ моментѣ дѣйствія и съ должнымъ вниманіемъ вникнемъ: много ли она успѣваетъ, другими словами: далеко ли простираются дѣйствія разума? Душа, обращенная посредствомъ чувствъ къ внѣшней споронѣ природы, при

первомъ взглядѣ поражаетъ многообразіемъ, ещо есть *воззрѣніе*. При воззрѣніи многообразіе вещей представляется смѣшаннымъ. Разумъ, видя въ оное, скоро находить, что во множествѣ вещей различныхъ находяща и сходныя между собою; по сему размѣщаетъ ихъ въ особые ряды, приводитъ къ единству (*Collocatio similium rerum*); потомъ разбираетъ: въ чемъ состоятъ ихъ сходство, или: что онѣ имѣютъ между собою общаго? Наконецъ *отвлекая* (*Abstractio*) отъ нихъ то, что всѣмъ имъ общимъ находить, частныя ихъ изображенія оставляетъ въ забвеніи, удаляетъ отъ себя, и удерживаетъ только то *общее*, почему онѣ всѣ сходны; общее, отвлеченное отъ подобныхъ частныхъ, есть *понятіе*, напр. Роза, павлинь.

При воззрѣніи душа извѣщается только о многообразіи, которое она должна привести къ единству и первый къ тому порывъ есть составленіе понятій, при чемъ замѣчаются три момента. 1) *Совмѣщеніе подобныхъ* (*collocatio*), 2) *Разборъ сходства* (*comparatio, analysis*), 3) *Отвлеченіе того, что составляетъ сходство* (*abstractio*). — Но поелику и понятія, какъ особыя сферы, вмѣщающія общее частныхъ,

иѣющихъ между собою сходство, представляющъ не единство, а многообразіе; посему разумъ спремится далѣе: и многообразныя сферы спарается соединить въ одну общую; при чемъ поступаетъ также, какъ и при составленіи каждаго понятія порознь, т. е. особыя сферы, споса вмѣстѣ, разбираетъ, что между ими есть общаго, и, отвлекая отъ нихъ сіе общее, составляетъ новую сферу; но и сіи высшія сферы дущѣ кажутся еще частными, представляюща многообразіемъ, а ея цѣль — *единство*; поэтому и сіи сферы силился подвести подъ общее единство. Такимъ образомъ отъ понятій *видовъ* поступаетъ къ понятію *рода*, *порядка* и ш. д. Самое высшее понятіе, до котораго доходитъ разумъ, есть *бытіе*, *общее*, отвлеченное отъ всего, о чемъ можно сказать: *есть*. Бытіе есть единство; оно не имѣетъ никакого сказуемаго, кромѣ того, что оно есть подлежащее безъ сказуемаго. Все, о чемъ можно сказать: *есть*, составляетъ его видъ, отъ него уже нечего болѣе отвлекать; оно есть самое простѣйшее, самое *общее*.

Невходя въ подробный разборъ понятій, замѣтимъ, что составленіе оныхъ есть процессъ восхожденія, въ которомъ

каждая ступень къ низшему содержица какъ общее, а къ высшему какъ частное, напр. понятіе *растѣнія* къ понятію *розы* содержица какъ общее, а къ понятію *тѣла*, какъ частное.

Чѣмъ выше восходитъ разумъ, или чѣмъ сфера понятія по объемлемости значительнѣе; тѣмъ она болѣе, такъ сказать, рѣдѣетъ, утончается; ближайшія къ предметамъ полнѣе, болѣе имѣютъ сказуемыхъ; отъ нихъ, какъ отвлеченій общаго частныхъ, отвлекается еще общее и т. д. *Предметы* (особыя, individua) и *бытіе* составляютъ крайности, конечныя ступени сего восхожденія. Первыя ступени суть ближайшія къ дѣйствительности (realitas), но и здѣсь, т. е. въ первой сферѣ отвлеченія предметы уже исчезаютъ, а остается только то, что есть между ими общаго напр. понятіе *розы* заключаетъ въ себѣ только общность признаковъ розъ, а не самыя особыя (экземпляры).

Далѣе восходитъ значить постепенно удаляться отъ предметовъ, отъ дѣйствительности; каждое понятіе содержица только общее, гдѣ частныя, отъ коихъ оно общее отдѣлено отвлеченіемъ, исчезаютъ, на прим. въ понятіи *растѣнія* не узнается

уже ни роза, ни сосна, ни липа; словомъ: ни одно изъ особыхъ, опъ коихъ взятое отвлеченіемъ общее соспавили понятіе растѣнія. Пошому каждая сфера понятій представляется пустою, гдѣ дѣйствительность потеряна, и чѣмъ выше сфера понятія, тѣмъ она пустѣе, а самая высшая находится общею пустою всѣхъ сподчиненныхъ пустошъ. На каждой ступени низшія подчиняются высшимъ, а чрезъ то первыя изъ послѣднихъ, такъ сказать, выпадаютъ; въ сихъ опъ первыхъ оспзается только общее. Пошому самая высшая дѣлается общею пустою, въ которой всѣ частныя потеряны; а пошому самая высшая сфера есть самая большая пустота, гдѣ все многообразное не къ единству приведено, а обращено въ пустоту.

Разумъ, замѣшивъ такой недоспашокъ въ понятіи (если кому покажется спраннымъ, что разумъ здѣсь какъ бы олицетворяется, представляется самостоятельнымъ, живымъ, дѣйствующимъ по усмотрѣнію, пому слѣдуетъ припомнить, что подъ именемъ разума понимаемъ душу, обращенную къ внѣшней сторонѣ природы; а душа есть дѣйствительно нѣчто самостоятельное, живое, дѣйствующее по усмо-

прѣнію. Мысль сія сдѣлается еще яснѣйшею, если подъ именемъ разума; будемъ понимать разумъ не одного челоуѣка, но разумъ всѣхъ людей вообще (и во всѣхъ вѣкахъ, усиливающейся все многообразное привесни къ единству); разумъ, говорю, замѣливъ такой недоспашокъ въ понятіи, дѣлаетъ новое усиліе; чшобъ оный пополнить, а именно: *общее* какъ нѣчто пустое, стараешся свесни на *частное*, общее поставишь на видъ въ частномъ, и ешо есть *сужденіе*, второе дѣйствіе разума, въ которомъ онъ общее, какъ нѣчто пустое, несущественное спасаетъ, такъ сказать, на частномъ, какъ существеннѣйшемъ въ сравненіи съ первымъ, или частное подчиняетъ общему, чшобы общее, исчезнувшее внѣ дѣйствительнаго, свесни на частное и тѣмъ соединишь оное съ дѣйствительнымъ, на пр. Роза есть распѣніе, роза красна.

Во второмъ дѣйствіи замѣчаются также при момента: частное (подлежащее) общее (сказуемое) и моментъ ихъ соединенія, связь (*copula*).

Частное въ отношеніи къ общему держишся какъ преходящее, случайное къ постоянному на пр. роза есть распѣніе; здѣсь частное *роза*, а общее *растѣніе*; розы

могутъ измѣняться, переходить; быть случайными, а распѣніе поспоянно. Съ другой стороны общее предспавляется пуспымъ, виѣ существеннаго исчезающимъ, а частное кажепся существеннымъ. Разумъ во второмъ дѣйствіи, частное подчиняя общему, случайное силится сообщити съ поспояннымъ; дѣлая сіе, онъ пополняетъ найденный имъ въ понятіи недоспапокъ: общее, какъ виѣ существеннаго исчезающее, спасаетъ на частномъ. Онъ сдѣлалъ все случайное свести на поспоянное, все много-различное привести къ единству; вмѣстѣ не хотеть удалиться отъ существенности. Въ первомъ дѣйствіи онъ замѣчаетъ сіе удаленіе, во второмъ хотеть возвратиться къ существенности, но не достигаютъ сей цѣли; подчиняя частное общему, онъ не низходитъ еще до самыхъ предметовъ, до дѣйствительности; въ частномъ не видны еще особья (individua disparent). И потому дѣлаетъ еще новое усиліе; особое спарается соединитъ съ общимъ посредствомъ частнаго, и епо есть заключеніе—третье дѣйствіе разума; его моменты: *общее, частное, особое*, на прим. разумъ, разсмапривая людей, какъ особья, находитъ во всѣхъ нѣчто общее и епо общее есть человекъ, какъ

понятіе, или какъ видъ (species); разсматривая челоѣка вообще, находишь на прѣ что онъ смертенъ. Смертностъ въ семъ случаѣ будетъ высшее понятіе слѣд. общее; челоѣкъ будетъ въ отношеніи къ нему частное; сказать: *челоѣкъ смертенъ* будетъ сужденіе; но въ понятіи: челоѣкъ, не видно особыхъ, челоѣкъ какъ видъ (species) не умираетъ; умираютъ люди, какъ особыя (individua), потому разумъ общее спарается свеспи на особое посредствомъ частнаго, или особое подчиняетъ общему посредствомъ частнаго, на пр.

Челоѣкъ смертенъ,

Петръ челоѣкъ,

Слѣд. Петръ смертенъ.

Ето будетъ заключеніе.

Разборъ сихъ прехъ дѣйствій души, обращенной къ внѣшней сторонѣ природы, есть теорія разума, что обыкновенно называютъ *Логикою*.

Начать съ того, что поражаетъ чувства, естественнo; но не естественнo имъ кончить всѣ изслѣдованія. Справедливо, что прежде начинаемъ съ видимаго, начинаемъ узнавать эмпирически; но и то неоспоримо, что симъ путемъ не можемъ дойти до дѣли естественнoгознанія, до един-

ства, изъ котораго бы можно объяснить видимое.

Разумъ доходитъ до единства, но сіе единство есть *пустота*, въ которой все дѣйствительное (*reale*) исчезаетъ; изъ единства разумомъ найденнаго нельзя вывести многообразное, а это и есть важнѣйшая задача; найди единство, которое должно быть внутреннимъ началомъ каждаго явленія, изъ котораго бы можно объяснить внутреннюю сторону природы, кѣмъ внѣшняя служитъ только тѣнію. Такое единство есть *идея*; понятіе объ оной назовемъ условно *мыслію*. — Мысль есть также понятіе, но понятіе ума; понятіе разума говоритъ о формѣ вещи, понятіе ума — о самой сущности. Мысль слѣдовательно касается значенія совершенно противопологается *понятію*. Понятіе есть общность частныхъ, со внѣшней стороны разсматриваемыхъ; мысль есть сущность оныхъ; понятіе есть формальное единство; ибо основаніемъ имѣетъ видимыя формы, внѣшность вещи; мысль есть существенное единство; ибо основаніемъ имѣетъ сущность вещи: мысль извѣщаетъ о внутренности явленія, понятіе только о поверхности онаго; понятіе составляетъ; мысль рождается и

развиваеися: понятіе естъ предметъ *Логики*, мысль — *Философiи*; понятіе естъ произведеніе разума, души обращенной къ вѣншней споронѣ природы; мысль естъ произведеніе ума, души погруженной внутрь себя; понятіе естъ луна отраженнымъ свѣтомъ освѣщающая гемисферу ночи — спорону вещественнаго; мысль естъ солнце, озаряющее собсвеннымъ свѣтомъ, гемисферу дня — спорону идеальнаго. Душа, обращенная къ вѣншней споронѣ природы, можетъ только обогатиться понятіями, а сіи оспаются при одиѣхъ только формахъ видимаго. Разумъ во всѣхъ прехъ дѣйствіяхъ своихъ не простираетъ далѣе понятій, и пошому онъ ограниченъ; онъ не можетъ проникать во внутренность явленій природы, имѣя удѣломъ скользить только по поверхностямъ оныхъ.

Вѣншняя спорона природы естъ область эмпирии; слѣд. поприще разума; внутренняя естъ область умозрѣнія, слѣд. поприще ума; надъ тою мерцаетъ луна-понятіе, надъ сею горитъ солнце-мысль; идущіе по первому находятъ только отраженіе, оппечашки идеальнаго; идущіе по второму созерцаютъ или силлтъся, по крайней мѣрѣ, созерцаютъ самое отражающее—*идею*.

Начало эмпириі — явленія; умозравнiя — самопознанiе; ходъ эмпириі — *наведенiе* (inductio), умозравнiя — *выводъ* (deductio, constructio); эмпирия отъ окружности усмремляется къ центру на удачу; умозравнiе отъ центра посшупаетъ къ окружности на вѣрное. Эмпирикъ весь хаосъ, который ему представляется многообразiе шѣлъ естественныхъ, силится привести въ порядокъ, основываясь на шѣхъ или другихъ признакахъ, нимало не заботясь о томъ, какое понятiе родитъ его система о природѣ; потому эмпирическiя системы такъ сухи, не занимательны. Для умозравнителя признаки шѣлъ суть буквы, коими, идеальное проявляясь въ вещественномъ, даетъ себя разумѣть, равно какъ и каждая мысль, облеченная словомъ въ нашихъ книгахъ; его система шѣлъ естественныхъ есть картина развитiя царствъ природы: для эмпирика природа — груда матерiи, которую онъ силится разложить и описать; для умозравнителя она есть Гiероглифъ, начертанный Высочайшею Премудростию, которого онъ силится постигнуть значенiе.

Впрочемъ умозравнiе при всемъ его преимуществѣ предъ эмпирией, безъ сей послѣдней недостапочно. Каждое явленiе, слѣд,

и природа, какъ совокупность явленій, есть соединеніе прошивуположностей (synthesis oppositorum), — совмѣстность идеальнаго съ вещеспвѣннымъ; посему умозрительное познаніе и эмпирическое каждое опдѣлено, какъ одностороннее—нецолно. Для эмпириковъ сіе положеніе не понятно; ибо для нихъ извѣстно только то, что подлежитъ чувстввамъ. Умозрители напротивъ убѣждены въ необходимости обоюднаго познанія; и посему нимало не чуждаются эмѣрии, какъ древніе метафизики; они также, какъ и эмпирики, пользуются сдѣланными досель опытами и наблюденіями и сами занимаются оными; но для нихъ опыты и наблюденія — повѣрка началъ, выведенныхъ изъ самопознанія, а не самыя начала!

Часто можно слышать: мы живемъ въ просвѣщеннѣйшія времена; науки идутъ къ своему совершенству исполинскими шагами; однѣ открытія дѣлаютъ за другими. Меч-па! число открытій увеличивается—ни слова, а природа остаётся по прежнему не рѣшенною задачею; открытіе электричества считается блистательною эпохою въ исторіи наукъ; но объяснилась съ сими хопя нѣсколько природа? Ни мало! Что такое электричество, еша явларность? Откры-

ціе газівъ преобразовало, говоряшь, Хлорію, но что такое газы? Разложеніе щелочей причисляется также къ важнымъ открытіямъ, но что такое металлическія ихъ основанія? Содержаніе составныхъ частей воздуха опредѣлено въ разныхъ частяхъ свѣта и въ разныхъ слояхъ атмосферы; но проникнула ли напура воздуха? Милліоны процессовъ совершающихся на земной поверхности измѣняютъ содержаніе составныхъ его частей; почемужъ оно остается всегда одинаковымъ во всѣхъ климахахъ и во всѣ времена года? Замѣчено вліяніе гальванизма на магнитную стрѣлку; но объяснилось ли симъ электричество, или гальванизмъ?

Чѣмъ болѣе дѣлается открытій; тѣмъ болѣе предстоить вопросовъ для рѣшенія; эмпирическія открытія не болѣе значать, какъ умноженіе числа явленій природы; разувъ чрезъ то обогащается, правда; но въ познаніи природы, онъ не поступаетъ далѣе; по' прежнему остается въ границахъ случайнаго, по прежнему теряется въ пустотѣ понятій.

Опытъ можетъ, доводитъ до открытій, но до знанія оныхъ никогда. Эмпирическія свѣдѣнія никогда не могутъ быти

выше обыкновеннаго разсказа; ихъ совокупность не болѣе значить, какъ собраніе матеріаловъ знанія, разбросанныхъ въ безпорядкѣ.

Пусть Эмпирики выдумываютъ теоріи, чтобы устроили сей хаосъ: но ихъ усилія тщетны; они одну ложь замѣняютъ другою: напр. предположеніе Флогистона въ горючихъ тѣлахъ сослужило въ свое время теорію Химію, и она казалась тогда истиною; открытія Лавуазье показали всю ея ложность; послѣ сего водворилась антифлогистическая теорія, но и она оказалась ложною. Новое открытіе ведетъ къ новой Теоріи, и то, что предъ тѣмъ принимали за истину, выдается за ложь. Узнавать теоріи Эмпириковъ значить переходить отъ старой лжи къ новой. Теорія есть представленіе внутренняго хода явленія; слѣд. не дѣло эмпириі; внутренняя сторона природы доступна для ума, а не для разума.

Поэтому ежели теоріи въ Естественныхъ Наукахъ необходимы, и ежели для облегченія успѣха въ оныхъ общая теорія, кою бы всѣ прочія служили только отраженіемъ, должна быть цѣлюю подвизающихъ на поприщѣ Естествознанія;

по умозрительный способ изслѣдованія заслуживаетъ большее вниманіе ученыхъ, нежели сколько обыкновенно удоспоевается онаго; мудрая древность не безъ причины въ самопознаніи полагала начало всякаго знанія.

п. п.

II.

ЕЩЕ ДВА АПОЛОГА.

I.

НОВЫЙ ДЕМОНЪ.

Съ какимъ сумрачнымъ наслажденіемъ читалъ я произведеніе, гдѣ Поепъ Россіи такъ живо олицетворилъ тѣ непонятныя чувствованія, которыя холодятъ нашу душу посреди воспоговъ самыхъ пламенныхъ. Глубоко проникнулъ онъ въ сокровищницу сердца человѣческаго, изъ нее похитилъ шкани, неприкосновенныя для простолюдина, — которыми облекъ онъ своего таинственнаго Демона (*). Но не только внутри существуетъ сей злобный Гений, онъ находится и внѣ насъ; послѣдній не такъ опасенъ, какъ первый — но не менѣ мучителенъ.

Въ бесѣдѣ *избранныхъ* сидѣлъ Каллидоръ, юноша исполненный огня, вдохновенія. Пламенные глаза его были обращены

(*) См. Стихотвореніе А. Пушкина: Мой Демонъ. Мнем. часть III, стр. 11.

на *возвышенныхъ*; въ ихъ взорахъ, рѣчахъ онъ встрѣчалъ непонятное черни; неземному — земное въ немъ покаялось. Едва разцвѣтавшая жизнь его развивалась въ наслажденiяхъ высокихъ, и созрѣвала вмѣстѣ съ ними.

Проходилъ день за днемъ. Молча, погруженный въ глубокую думу, юноша не оставлялъ своего созерцанiя, но болѣе и болѣе къ нему прилеплялся. Все плѣняло его въ храмѣнѣ *избранной*; и тихой свѣтъ, и спокойная швердось *возвышенныхъ*: и прелесныя, хопя недокончанная украшенiя.

Но вдругъ — хлынулъ вѣтеръ, дверь настежь и человекъ пожилыхъ лѣтъ вбѣжалъ въ храмину; онъ былъ зашлянутъ въ модный фракъ; золотая цѣпочка гремѣла у жилеша; на заботливо сложенномъ галстукѣ — пронцапельносць считала часы убишаго времени. Лице его было — смѣсь всѣхъ характеровъ; и не оипъ сильныхъ чувствованiй изрышо морщинами, копорыя ему тщепно бѣлилами хопѣлось загладитъ; безчувственныя глаза — перебѣгали опъ предмета къ предмету; во всѣхъ движенiяхъ его суетливосць, вершляносць спорила съ какою-шо важносцю и педан-

пизмомъ. — Улыбка его была насмѣшлива; но онъ умѣлъ ее дѣлать необыкновенно привѣшливою; она нравилась, но плачь его не возбудилъ бы сожалѣнія; никто между избранными не зналъ незнакомца, хотя онъ имъ былъ извѣстенъ по слуху; не испугались они его, но смутились, какъ будто онъ заспалъ ихъ въ какомъ пресупленіи.

Незнакомецъ подошелъ къ Каллидору:

„Что ты здѣсь дѣлаешь!“ говорилъ онъ ему „прекрасна естъ храмина, но по-смотри: уже обвѣщали ея недокончанныя украшенія; всѣ усилія обипающихъ въ ней не могли довести ихъ до совершенства, даже самая храмина не совсѣмъ достроена. Почтенны мужи въ ней сидящіе, но кромѣ ихъ естъ люди на свѣшѣ; — я знаю, понимаю тебя; ты хочешь совершенствоваться; въ своей храминѣ ты еще не многое видѣлъ; познакомься съ тѣми, которые живутъ въ ея! — Опытность великое дѣло.“

Незнакомецъ пріятно улыбнулся, протянулъ Каллидору руку, юноша по какому-то невольному чувству подалъ ему свою и послѣдовалъ за незнакомцемъ.

Они выходятъ изъ храмины: и яркія краски ослѣпляютъ глаза Каллидора; разнообразныя предметы развлекаютъ вниманіе;

(новость покрывала ихъ радужными цвѣтами); непрерывный — не непріятный шумъ, оглушаетъ его. Предъ нимъ воздвигнуты высокія зданія, пышно украшенныя; казалось и малѣйшій недоспашокъ въ нихъ не гнѣздилися. Каллидоръ изумляется сему совершенству.

Онъ входитъ въ опромныя палаты—его встрѣчаютъ толпы незнакомыхъ, но прелестныхъ существъ, — какъ будто носящихъ образъ человѣческій; всѣ онѣ были, по видимому, въ великой дѣятельности, но оставляли свои занятія и подходили къ Каллидорову спутнику: одни привѣтствовали его, другія жали руку; всѣ спрашивали его насавленій и съ благоговѣніемъ ему внимали. — Епо еще болѣе увеличило Каллидорово почтеніе къ незнакомцу. Онъ не переспавалъ изумляясь, забывалъ о своей прежней храниль, былъ въ упоеніи — но вдругъ подудъ легкій выперъ — и палаты заколыхались. Епо. поразило Каллидора, прервало минутный воспоргъ его — онъ всматривается съ большимъ вниманіемъ на существа его окружающія и что же видитъ? не людей, но несмѣшное количество звѣрей, окововъ, гадовъ разнаго рода,

Онъ проходишь изъ зданіи въ зданіе — и вездѣ видишь тѣхъ же живописныхъ ; къ большому прискорбію замѣчаешь, что вездѣ *пресмыкающіяся* властвовали надъ прочими; что къ нимъ послѣ его спутника, болѣе всего оказывалось уваженія, а что напропивъ ближайшія къ человѣку живописныя — оспавались безъ вниманія.

„Гдѣ же люди, которыхъ ты обѣщаль показашь мнѣ?“ восклицалъ неперпѣливый юноша своему спутнику.

Незнакомецъ не отвѣчалъ ему на вопросъ, швердилъ безпреспанно объ опытности и водилъ его изъ зданія въ зданіе.— Бѣдный юноша заблуждался часъ отъ часу болѣе, вспоминалъ о своей храминѣ; но уже не зналъ какъ найши къ ней дорогу—боялся еще болѣе заблудиться и успалый, въ сукѣ, шомленіи уже невольнo, какъ слѣпецъ слѣдовалъ за своимъ пугеководителемъ.

Тщешно юноша хотѣлъ вспомнить о высокихъ помыслахъ, прежде волновавшихъ душу его. Незнакомецъ не давалъ ему ни на минушу задуматься. Когда въ красотахъ Поезіи Каллидоръ спремился найши опраду,—незнакомецъ вершѣлся передъ нимъ на одной ногѣ и гремѣлъ побрекушками; когда онъ прикасался къ мусикійскому орудію,

чиробѣ въ согласіи звуковъ, неопредѣленныхъ — поглотишь разногласный, рѣзкой шумъ его упомлявщій — незнакомецъ на помъ же инструментиѣ наигрывалъ модную пляску; когда несчастный даже въ объятіяхъ сна, въ видѣніи предспавлялъ себѣ прежнюю храмину — незнакомецъ будилъ его холодною, косплявою рукою. — Когда же выведенный изъ шерпѣнія, испыхнувши опъ дѣсады, юноша съ гнѣвомъ взглядывалъ на своего знакомаца: незнакомецъ или опвѣчалъ ему насмѣшкою, или принималъ на себя важный видъ и педантическимъ пономъ шолковалъ о своей важности и достоинспвахъ.

Между тѣмъ дни проходили за днями. Каллидоръ мало по малу привыкалъ къ своему спутнику; онъ боялся его, онъ нуждался въ немъ, ибо лишь незнакомецъ могъ защитишь его опъ звѣрей и гадовъ, ихъ окружавшихъ.

Наконецъ, зданія не колыхались болѣе въ глазахъ Каллидора; къ чрезвычайному его удивленію живописныя нечувствительнопспали для него облакащся въ одежду человѣческую; наконецъ онъ въ самомъ дѣлѣ людьми ему казались; онъ не понималъ прежняго своего соспоанію; лишь изрѣдко

взглядывая въ зеркало — мнилъ видѣть себя въ образѣ пѣхъ живописныхъ, которыхъ прежде ужасался, но почтпалъ епо мечпою; день опо дня болѣе и болѣе душою привязывался къ своему спутнику; душою вѣрилъ пышнымъ словамъ его и обѣщаніямъ; по его внушенію подружился съ окружающими ихъ существами, вступилъ въ ихъ кругъ дѣятельности; старался всячески подражать имъ: и пресмыкашья предъ пресмыкающимися и порхашья съ насѣкомыми; животныя не могли нахвалиться Каллидоромъ, и лишь избранные жалѣли, за чѣмъ онъ познакомился съ свѣтскою жизнью:

2.

МОЯ УПРАВИТЕЛЬНИЦА.

На сихъ дняхъ посѣщилъ я одного моего пріятеля, котораго знавалъ еще въ молодоспій; тогда онъ, какъ водился у насъ, подавалъ великія надежды: учился славно, имѣлъ память оспрую, умъ гибкій; всѣ думали, что онъ будетъ осьмое чудо міра; Журналисты прославили его Геніемъ, добрые чистатели имъ повѣрили; слава его обошла всѣ гостинныя и кабинетны; но прошло нѣсколько лѣтъ—о Геніи нѣтъ ни слуха, ни духа, какъ въ воду канулъ. Меня чрезвычайно огорчало это происшествіе, которому впрочемъ подобныя каждый день у насъ встрѣчаются; мнѣ хотѣлось узнать причину онаго.

Вхожу къ моему пріятелю, и не узнаю ни его самага, ни его комнашы: пыль покрывала всѣ книги и бумаги его,—на нихъ даже и признака прикосновенія не было; самъ онъ сидѣлъ, или, лучше сказать, лежалъ въ пуховыхъ креслахъ; безопасно курилась

прубка въ устахъ его; ни огня въ глазахъ, ни жизни въ лицѣ; предъ нимъ лежалъ исписанный листокъ бумаги; я развернулъ его и прочелъ слѣдующее:

„Было время, когда добрыя, почтенныя пещушки гладили меня по головкѣ, глубокомысленныя дядюшки давали денегъ на лакомство; въ это счастливое время я почиталъ ихъ существами, подобными человѣку; ихъ занятія казались мнѣ чѣмъ-то важнымъ, возвышеннымъ; ежели и случалось мнѣ звать оныхъ ихъ разговоры, я въ помѣ самого себя обвинялъ.

„Однажды — о счастливое время! когда вышедши изъ Пансіона, я первый разъ въ жизни видѣлъ какъ пещушка моя раскладывала грань-пасіансъ, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на нее и мечталъ о той блаженной минутѣ, когда и я буду въ состояніи поспигнуть сію высокую пайну; вдругъ пещушкинъ споль зашатался и изъ подъ него вылезло существо, котораго описать не умѣю; это меня такъ испугало, что я изъ гостиной опрометью, въ кабинетъ и — спрятавшись за грудой книгъ. Съ тѣхъ поръ лишь загляну въ гостиную, а непонятное существо уже тамъ, валяется по поламъ, по диванамъ и я снова бѣжашь.

„Робость моя не понравилась ни почтеннымъ пешушкамъ, ни глубокомысленнымъ дядюшкамъ; я съ ними разсорился; они, какъ водилося, назвали меня безбожникомъ, вольнодумцемъ; я зашкнулъ уши и лишь изрѣдка изъ за груди книгъ съ насмѣшкою на нихъ поглядываль.

„Но еша насмѣшливость не прошла безъ наказанія. *Кто противъ дяди и невѣжества?* Между грудями книгъ, за которыми я пряпался находились и цворенія въ которыхъ нашихъ модныхъ Поеповъ. Чпо ни разверну — все вижу изображеніе непонятнаго существа, котораго я шакъ испугался; вездѣ его хвалили, превозносили, утѣшались имъ, какъ игрушкою; вездѣ явственнно изображался оппечатокъ моего пугалища.

„Я сперва удивлялся, потомъ мало по малу пересталь дивипсья, а наконецъ непоняпное сущесшво не казалось мнѣ болѣе страшнымъ.

„Однажды, когда я не могъ довольно налюбоваться мною чипаннными описаніями златой безпекности, милой кѣви и проч. играль въ *саше саше* съ нашими Поепами п. е. опыскиваль мысли между словами, и не успѣвая въ семъ предпріяшн, восхищаль ихъ піипическою хиппростію, — дверь

наспежь и непоняшное существо ввалилося въ койнапу. Спарая моська моя весьма ему обрадовалась, бросилася, легла, съ почпеніемъ у ногъ его, распинулася и заснула; множесиво книгъ запрыгали на полкахъ, какъ будто опозвалося въ нихъ родное чувсство; и лишь молодой кошенокъ, съ негодованіемъ выпустилъ когти. Я успремилъ на чудное существо неподвижные взоры и сначала мнѣ показалося, что ешо Каллидоровъ спущникъ: вѣчная сонливоссть въ глазахъ, изнѣженныя, ослабѣвшіе члены, подпверждали мое мнѣніе; но всмашриваюсъ, и что-же? Ешо была женщина, одѣлая въ мужское плашье, вѣрояшно, для большей увершливоспи, — свойство, которое какъ я послѣ узналъ, по спранному прошиворѣчію, было опличительнѣйшимъ въ сей Богинѣ; она не могла нрависья; но небрежно повязанный галспукъ, кое-какъ наброшенная одежда придавали ей какую-то прелессть; она казалося угадала мысли мои и сказала: ты почишаешь меня Каллидоровымъ спущникомъ — ошибаешься, я его подруга—*Лѣнь*, Богиня, не одними Русскими Поешами обожаемая. Древніе не хотѣли и знашь меня; они меня приковывали къ спулу, складывали креспъ на креспъ руки и забывали

обо мнѣ;— но теперь благодаря Каллидорову спутнику и моднымъ Поешамъ, я вышла на свѣтъ, брожу всюду, во все мѣшаюсь, заступаю мѣсто Философіи и Поезіи и какъ увѣряюшь многочисленные мои почтшатели, даю щаспіе истинное, необманчивое; я хочу бытъ швоею управительницею.

„Тутъ она ко мнѣ начала ласкаться такъ привѣшливо, раскурила мнѣ шрубку, послала пуховую постель, положила меня, окупала къ теплое одѣяло — — кто усшомишь пропивъ женщины, и такой услужливой;— я совершенно опдался въ ея волю.

„Весело мнѣ жить съ нею, ни о чемъ не забочусь; но только правду сказать владычество ея спановишься иногда несноснымъ.

„Моя управительница безпрестанно спарается усыплять меня — ешо-бы и шуда и сюда; кажется сама спишь, а между шѣмъ имѣешь все время проказишь: то засыпаетъ пылью книги мои, то распроиваетъ форшопьяны, то ссоришь съ знакомыми. Хочу узнать о какомъ либо новомъ открьшии — она начинаешь доказывать, что съ меня довольно и спараго, начинаешь приводишь въ примѣръ своихъ пріятелей, нашихъ сочинителей руководѣльныхъ Риторикъ — кто усшомишь пропивъ такого доказа-

пелъспва? — Едва хочу я приняться за сочиненіе, черниллы мои высушены, перья испорчены, — кто виноватъ? — Управительница. — Хочу рано проснуться, она оспанавливаешь, или переводитъ назадъ часы, увѣряешь, что еще рано и между лѣтъ удупыиваетъ меня одѣломъ. Придепъ-ли кто смѣяться надъ моею неволею, она за меня опвѣчаешь, начинаетъ зѣвать и наконецъ прогонитъ насмѣшника. Хочу-ли даже когда подашь милоспыню, она хватаешь меня за руку, не выпускаешь ее, успавишь на меня сонливые глаза свои и засыпаетъ вмѣстѣ со мною. Словомъ, она совершенно обладаетъ мною, распоряжаетъ всѣмъ домомъ, всѣми дѣлами, все поршитъ, не плашитъ долговъ, выкидываетъ напрасно изъ кошелька деньги, люди называютъ меня скупымъ и распочительнымъ, неучью и педанпомъ, а кто виноватъ? право не я, все управительница. Случается, что я разсерженный, хочу вышолкнушь ее за двери, тогда опкуда возмешся у ней живоспъ и уверпливоспъ, она прыгаетъ изъ мѣста въ мѣсто; и искусно подмѣнитъ важную книгу романомъ, и примется очинивать перья и очиниваетъ ихъ такъ долго, долго,— между лѣтъ, начинаетъ жалѣть, что я изнуряю

себя, попомъ—шакъ привѣпливо улыбаешься, что я снова неволью приклоню къ ней оцѣжелѣвшую голову.

„И теперь едва имѣю время написать сіи строки въ ея отсутствіе, — она отправилась въ гости къ знашному барину, которому недавно поручена судьба милліоновъ — — — но я слышу шаги ея, идетъ моя милая мучительница, вырываетъ изъ рукъ перо, нахлучиваетъ на глаза колпакъ, доброй ночи, читашели!“

О д в с к.

III.

ЖЕРТВЫ АМУРУ.

Sed fieri sentio.

Catullus.

Вездѣ, всегда швое я вижу шоржество,
 Ушѣхъ и радости коварно божество,
 Любовь! Твой жершвенникъ священный,
 Всегда богатый, окруженный
 Молельщиць набожной толпой,
 Не преклоняется предъ Зевсомъ и судьбой,
 Усердный славится земными племенами.
 Чело украсивши цвѣтами,
 Мы Дію скудную не часто носимъ дань;
 Забывъ Ареевъ храмъ, когда забыта брань;
 И дикіе цвѣшы, и сотъ пчелы яншарный,
 Кошница овощей и гроздія румяны:
 Вошь жершвы рѣдкія хранителямъ ошъ бѣдъ!
 Судьбѣ не жершвуемъ — украдкою берешъ
 Она дары себѣ нерѣдко драгоцѣнны.
 Напрасно передъ ней мы падаемъ смущенны,
 Напрасно милое желаемъ возвращишь:
 Пусть жершвы силою добышыя, презрѣнны,
 Намъ горькихъ слезъ о нихъ во вѣкъ не осушишь!
 МНЕМОЗИНА. ЧАСТЬ IV. 4

IV.

МЫСЛИ.

Справедливо сравнивають младенчество съ старостию. Подъ конецъ жизни болѣзни и молитва возвращаютъ многихъ въ царство сердечной чистоты, изъ коего страсти пылкихъ лѣтъ всѣхъ насъ изгоняютъ.

* * *

Лишенный зрѣнія охотно вѣряется руководству дѣляши, въ которомъ не подзрѣваетъ лукавства возмужалаго возраста: такъ точно и слѣпецъ въ нравственномъ отношеніи не найдетъ способнѣе для управленія его спонами, какъ людей младенчествующихъ незлобіемъ сердца.

* * *

Есть вѣрное средство выводить пятна—на совѣсти: благодарныя слезы облагодѣшательства.

* * *

Прекрасно простить обиду; еще прекраснѣе принять съ любовію одолженіе отъ оскорбителя.

*

Мстительный оправдываетъ свои возмездія справедливостию ; но кто сказалъ ему, что онъ не погрѣшилъ въ своемъ сужденіи ? Онъ человекъ — следовательно можешь обмануться, следовательно не долженъ опираться на свою справедливость въ дѣлахъ, гдѣ опрѣчься отъ своего рѣшенія уже невозможно.

* * *

Человекъ, посягающій на дѣйствіе оскорбительное, грубо ошибается, полагая, что дѣлаетъ вредъ одному предмету своей злобы : онъ безвинно огорчаетъ тѣмъ еще многія тысячи добрыхъ людей, которые когда либо узнають о поступкѣ его съ сожалѣніемъ.

* * *

Время убиваетъ тѣхъ, которые думаютъ убивать его.

* * *

Жизнь празднолюбца есть непрерывный сонъ, который чѣмъ долѣе продолжается, тѣмъ тяжелѣе становится.

* * *

Чувства можно упоминуть, но не насытить.

* * *

Люди столь дорого цѣнятъ хорошее

объ нихъ мнѣніе другихъ, что даже искренно любящъ ихъ только, которыми могутъ его вперить дѣломъ или обманомъ.

* * *

Свобода есть одна изъ ихъ идей, которыя не удалось еще осуществить чедовѣческому роду: врядъ ли и удастся когда!

* * *

Государь не долженъ имѣть другихъ друзей, кромѣ друзей опечесива.

* * *

Многіе писатели не перяютъ цоспоронныхъ поправокъ въ своихъ сочиненіяхъ. При всѣхъ могущихъ быть въ нихъ недоспашкахъ, сія неуспупчивость мнѣ кажется имъ естесственнѣе, что каждому родителю приятно видѣть въ дѣтяхъ собсвенныя свои черты, хотя не совсѣмъ правильныя и не весьма красивыя.

* * *

Спора нѣтъ, что риема должна повиноваться здравому разсудку; но что для риемы многое говорится, о чемъ прежде не приходило въ голову Поешу, епо такъ же не подвержено сомнѣнію. Не вѣрьтежъ, милыя женщины, всему шому, что въ спишахъ вамъ напѣваютъ. Чѣмъ прелеснѣе сочинены они, шѣмъ менѣе принадлежанъ

вамъ: еино достояніе публики, для которой спихопворецъ никогда за грѣхъ не почитаетъ жершвованъ испиной.

* * *

Авторъ, который выводитъ на сцену дураковъ, дурачитъ публику, или самого себя.

* * *

Умъ и память связаны между собою тѣснѣйшимъ союзомъ, и безъ взаимной помощи обойтись не могутъ; не должно однако полагать, чпобъ они соспавляли одно и то же. Человѣкъ можетъ употреблять ихъ иногда, ошдѣля другъ отъ друга: такъ, на примѣръ, можетъ онъ по памяти читать молитву, а умъ устремлять совсѣмъ къ другому предмету, измѣняя устамъ своимъ.

* * *

Память ослабѣвшая отъ умственныхъ напряженій, отъ продолжительныхъ несчастій или шѣлесныхъ спраданій почерпаетъ малую пользу отъ книгъ, не сохраняя болѣе въ своемъ запасѣ ни предметовъ ихъ содержанія, ни сущесшвующей между ими связи. Положеніе грустное для человека, спрашнаго къ познаніямъ, но не совсѣмъ еще лишенное средствъ, распро-

спранишь ихъ область безъ пособія начинности. Науки естественныя не въ теоріяхъ, но въ приложеніяхъ своихъ, дѣйствуя на чувства, осцавляютъ сильнѣйшія впечатлѣнія, нежели одни размышленія, опіе простиго чтенія происходящія. Но что еще вѣрнѣе можетъ замѣнить книги въ размноженіи понятій, такъ это безспорно путешествія непоропливыя, съ обозрѣніемъ неповерхностнымъ; по мѣстамъ достойнымъ любопытства.

Н е т а е в ъ.

V.

СПУТНИКИ ЖИЗНИ.

Было время, когда у меня госпила Юность и каждый день бывало шүмное сборище и Печалей и Радбстей: и радовался, печалился — и былъ невесель. Вдругъ сказали мнѣ, что Юность распалась со мною навсегда. Я жалѣлъ о въпренномъ другѣ. Въспникомъ разлуки нашей была Печаль она очень обласкала меня, но я зашворилъ двери предъ угрюмою посѣпшительницей, опказался опъ плаксиваго Сожалѣнїя — и умѣлъ, зазвашъ къ себѣ нѣсколькo спаринныхъ моихъ Радбстей; но, милья, въпренныя богини мимоходомъ полько навѣспили мою хапу, прежде всего спросили объ Юности — — не знаю: испугало ли ихъ одиночество моего убѣжища или, я не умѣлъ угощашъ званныхъ гостей, полько Радбсти не оспались со мною. Я сѣшовалъ, жалѣлъ и спалъ жалѣлъ еще болѣе, когда въ слѣдъ за ними, завернула ко мнѣ блѣднолицая Пе-

чаль и учтиво объяснила, что она идетъ впереди и послѣ Радосшей, навѣщаетъ всѣхъ шѣхъ, у кого бываетъ Радосшь и шѣмъ съ большимъ удовольствіемъ — старыхъ знакомыхъ; что охотно готова погоспишь у меня, желая укрѣпиться въ силахъ и помочь скорѣе догоняшь убѣжавшія мои Радосши.

Госпья была не по сердцу — она медленно уходила и ко мнѣ явилась новая, небывалая — явилась Груспь и поселилась со мною: она раздѣлила со мною и прогулки, и заботы и бездѣйствіе. Дыханіе Груспи плетворно — съ нею шѣсно въ городѣ, душно на полѣ — груспно вездѣ: вездѣ, гдѣ я хотѣлъ полюбоваться милымъ, порадоваться прекраснымъ, забыться — Груспь спановилась предо мною; — она заслоняла ясное солнце, она шуманила предо мной природу, она клѣвешала на людей — усыпляла меня шопомъ недовѣрчивости, будила говоромъ ожеспоченія, и когда Надежда шѣснями хотѣла усыпить насноящее, Груспь шепшала мнѣ о прошедшемъ; когда Забвеніе закрывало прошедшее — Груспь раздирала мрачную завѣсу будущаго, и бѣлый свѣтъ мнѣ не взмиллся!

Не найдите ее, друзья мои, епой убийственной спутницы нашей: и Печаль убиваетъ, но ударъ ея легче: онъ мгновенный, рѣшительный; Грусть — поминъ и съ горькою улыбкою, по капльъ вливаетъ ядъ свой въ полную чашу жизни. Грусть суежлива, — знакомыхъ у ней толпа, куда ни явитесь съ ней въ деревни, въ городъ — вездѣ ея услужники, въ видѣ пощихъ ученыхъ; вялыхъ приятели, навязчивыхъ друзей, беспалансныхъ Поетовъ, крикливыхъ спорщиковъ, жеманныхъ красавиць. Грусть знакома съ Зависью — и кого познакомила она съ епою злодѣйкою, пошь погибъ навсегда! Меня уволили отъ епой чести — можете быть пошому, что звонъ золота не оглушалъ меня и смотря на огромныя палаты богачей, я видѣлъ, какъ Грусть дружески пожимала руки швейцаровъ и отдавала визитныя карточки хозяевамъ. Но другая знакомка ея Скука повадилась ко мнѣ и когда подъ разговорами ихъ засыпалъ я, нерадостныя, но злобщце сны посѣщали меня. — Есть спарикъ, посѣдвшій съ юныхъ лѣтъ: онъ опирается на костьюль познаній, вѣчно думаетъ о прошедшемъ, не знаетъ будущаго, не понимаетъ наспоющаго — его зовутъ Опышомъ.

Онъ любитъ догонять людей и вѣчно отстае­
 тся назади, если Юноша и воображе­
 ніе ведутъ чело­вѣка; онъ вѣчно задумчивъ
 и угрюмъ, дѣлае­тъ добро тихонько, украд­
 кою, хмурясь — при улыбкѣ, улыбае­
 тся со вздохомъ — за то и люди не любятъ
 его, какъ росповѣдника, у котораго занима­
 ютъ деньги за большіе проценты. — Но я
 встрѣтился съ нимъ, когда онъ былъ ве­
 селъ, и прежде я видалъ его, но бывший
 спутникъ мой Юноша, разлучалъ насъ.
 Юноша не любитъ Опыта; говори­
 ть, что спарикъ епоша скученъ, мраченъ, —
 Опытъ признавался мнѣ, что они не дру­
 жны съ Юношею — „впрочемъ шакова
 моя доля,“ говори­
 ть, онъ со вздохомъ —
 „ни съ кѣмъ не могу сладить: люблю дѣ­
 лать добро и — не умѣю; приду ли совѣ­
 щивать — моя угрюмость дѣлае­
 ть совѣщанья мои несносными. Прибавь,
 что я вѣчно опаздываю: часто, спѣшу
 помогать — и застаю людей на смерт­
 ной постели — или съ Опчаяніемъ; а епо
 хуже смерти, — опчаяніе
 заклятой врагъ мой. Признаюсь
 еще въ слабости: я раздумчивъ,
 что узналъ вчера, передѣлываю
 сего дня, и не ручаюсь,
 что завтра не передѣлаю
 опять. По сіе время въ ~~7000~~
 лѣтъ, я открылъ правда

нѣсколько испинь и успѣлъ увѣришь людей въ ихъ правдѣ, шакъ, на примѣрь, что дважды два чешыре и другихъ теперь не вспомню...“—Видно ихъ много—подумаль я — но скажи: не знакома ли шебѣ неразлучная спущница моя Грусть. — „Кому жѣ незнакома она? Я часпо вспрѣчаюсь съ нею когда объ руку Скуки, ходить она и въ царскихъ черпогахъ и въ ученныхъ кабинетгахъ и въ диванныхъ красавицъ.“ — И шакъ она вездѣ, воскликнулъ я — вездѣ и всегда. — „Нѣтъ правила безъ исключенія — ешо шакже одно изъ моихъ открытій: вопъ идетъ врагъ ея и мой другъ, спроси у него — я знаю, что онъ умѣетъ избавляться самъ и избавлять другихъ отъ Грусти и Скуки.“ Я взглянулъ: мѣрными шагами приближался ко мнѣ юноша — *весь здорové*—сказаль бы я, если бы пожелаль двумя словами выразить видъ его. — Мы пошли вмѣстѣ: его ходьба упомила меня, я успаваль, но не опспаваль; заманиль его къ себѣ и при первомъ взглядѣ на юнаго моего спущника Скука, на шопъ разъ бесѣдовавшая съ Грустью, убѣжала не оглядываясь. — „А! ешо Трудъ,“ ворчала Грусть; добро пожаловать — „мы

уживемся.“—Врядъ ли — загремѣль Трудъ— и Грусть за шрепешала.

Не много прошло времени — въ самомъ дѣлѣ Грусть ссорилась съ Трудомъ, но не опсшавала опъ насъ, какъ совсѣмъ неожиданно милый, добрый поварицъ Труда — полнощокое Довольство пришло навѣспитъ насъ и оспалось съ нами: оно поставило цвѣшны на окнахъ моей хашы; сбросило съ полки Юнга и Верпера; развеселило меня своими рассказами; — вопъ начали къ намъ собирашъся друзья его — Грусть безпокоилась и задумывалась.

Тутъ ярко заиграли лучи солнечные, цвѣшны показались мнѣ душистѣе, небо лазурнѣе. „Пойдемъ, пойдемъ на встрѣчу лучшаго друга нашего,“ — сказали мнѣ всѣ мои спунники — всѣ, кромѣ Груспи. — Не помню, куда шли мы, не помню гдѣ мы были, гдѣ очутились — когда я могъ уже чувспвовашъ; могъ понимать себя и мнѣ было хорошо, хорошо какъ на небѣ: рука объ руку шла со мною подруга — не знаю небесная, не знаю земная — „она твоя — пы не *одинокъ*!“ говорили мнѣ люди.— Вы ее видѣли, друзья мои! — Но за чѣмъ не могу я перелипъ въ душу вашу ешаго чистаго, веземнаго воспорга, когда въ первый разъ

она сказала мнѣ: *люблю тебя!* и хапа моя показалась мнѣ храмомъ. Послѣ сказывали, что Зависть, Скука и Грусть набрасывали на дорогу нашу шернія — я не примѣшилъ ихъ: Трудъ и Веселье—другъ, копорого ходили мы встрѣчать, забросали шерны цвѣтами.

Грусти слѣдъ проспыхъ. Я помню ешу блаженную минушу, когда я въ первый разъ плакалъ въ объятіяхъ моей подруги и въ ешу минушу впорхнула къ намъ легкокрылая Радость — незваная и нежданная; Довольство обнималось съ Весельемъ; въ разпворенную дверь заглянулъ сѣдой знакомецъ мой Опытъ. — „Друзья! будущее!“ заворчалъ онъ — но я указалъ ему на мою подругу, на моихъ спутниковъ — и угрюмое лицо его завеселѣло

Н. Полевой.

VI.

АМУРЬ ЖИВОПИСЕЦЪ.

(Подражаніе Гёте).

До зари сидѣлъ я на утесѣ ;
 На туманъ глядѣлъ я недвижимый ;
 Простираясь будто холстъ безцвѣтный ,
 Покрывалъ сѣдой туманъ окрестность .
 Вдругъ предсталъ мнѣ незнакомый мальчикъ .
 „Что сидишь ты,“ говоритъ онъ , „праздный ?
 Что глядишь на епопѣ холстъ безцвѣтный ?
 Или ты на вѣкъ упрасилъ жажду ,
 Бодрой кистью вызывать картины ?“
 На него взглянулъ я и помыслилъ :
 Нынѣ ужъ учишь и дѣши спали !
 „Брось поску,“ вѣщаль онъ , „лѣнь и скуку !
 Или съ ними въ чемъ успѣшь мечтаешь ?
 Посмотри, что здѣсь я нарисую !
 Перейми, мой другъ, мои картины !“
 Тупъ онъ поднялъ пальчикъ, алый пальчикъ ,
 Схожій цвѣтомъ съ юной, свѣжей розой ;
 Имъ онъ водилъ по коври тумана ,
 Имъ онъ пишеть на холстѣ безцвѣтномъ . —
 Съ верху пишеть ясный образъ солнца
 И сѣпиль мой взоръ его сіяньемъ

И лучи сквозь облака проводить
 И огнем края их обливаешь.
 Онъ рисуешь зыбкія вершины
 Лѣса, напоеннаго росою;
 Протянувъ прелестный рядъ пригорковъ,
 Не забылъ онъ и воды серебристой;
 Въ даль онъ пролилъ свѣшлый ручеечикъ
 И казалось, въ немъ сверкали блески,
 Въ немъ струи кипѣли, будто жемчугъ!
 Вдругъ цвѣточки всюду распустились:
 Ими доли, брегъ, холмы нестрѣютъ,
 Въ нихъ багрець, лазурь и злато блестятъ;
 Дернъ подъ ними свѣтитъ изумрудомъ:
 Горы блѣдной сѣдиной одѣлись;
 Сводъ небесъ подъялся васильковый!
 Весь дрожалъ я — и восторга полный,
 На творца смотрѣлъ и на картину.
 „Не совсѣмъ дурной я живописецъ!“ —
 Молвилъ онъ: „признайся, — мой приятель,
 Подожди жъ: конецъ вѣнчаешь дѣло!“
 Вотъ онъ снова нѣжною рученкой
 Возлѣ лѣса рисовать принялся;
 Губки закусивъ, шрудился долго,
 Улыбался и чертилъ и думалъ!
 Я взглянулъ и что же вдругъ увидѣлъ?
 Возлѣ роши милая паспушка,
 Ликъ прелестный, грудь подъ снѣжной дымкой,
 Стройный станъ, живыя щечки съ ямкой;
 Щечки тѣ подъ прядью темныхъ кудрей,
 Отражали сладостный румянецъ,

Оспражали пальчикъ живописца!
 „Мальчикъ! мальчикъ!“ — я тогда воскликнулъ:
 „Такъ пишашь, скажи мнѣ, — гдѣ учился?“
 Восклицанья продолжать сбирался,
 Но Зефиръ повѣялъ вдругъ и; пронувъ
 Рощу и подернувъ рябью влагу,
 Быстрый за клубилъ покровъ паспушки —
 И тогда (о, какъ я изумился!)
 Вдругъ паспушка поднимаетъ ножку,
 Вдругъ пошла и близится къ утесу,
 Гдѣ сидѣлъ я и со мной проказникъ!
 Что же; шупъ, когда все всколебалось,
 Роца и ручей, цвѣты и ножка,
 Дымка и покровъ прелестной милой, —
 Други, вѣрьте, что и я не пробывъ
 На скалѣ одинъ скалой недвижной!

В. Кюхельбекеръ.

~~~~~

VII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО
ПОЛУДЕННОЙ ФРАНЦІИ.

ПИСЬМО XLIII.

МАРСЕЛЬ.

$\frac{31}{19}$ Января, 1821.

Съ того времени, какъ мы живемъ вдвоемъ, я познакомился гораздо короче съ нашимъ молодымъ художникомъ (*); съ дня на день нахожу въ немъ болѣе и болѣе расположенія ко всему прекрасному и высокому. — Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, оставилъ мнѣ здѣсь свою небольшую библіотеку Нѣмецкихъ Классиковъ: нашъ живописецъ еще очень мало читалъ; спараюсь его нѣсколько познакомить съ опеченспвенною его словесностію. — Иногда вечеромъ мы читаемъ вмѣстѣ или сильнаго,

---

(*) Живописцемъ, котораго А. Л. Нарышкинъ взялъ съ собою изъ Дрездена.

спрасшнаго Бюргера или божественнаго *летателя* — Шиллера или милаго пѣвца Гельши; нерѣдко книга упадаетъ у меня изъ рукъ и непримѣнно начинается у насъ разговоръ о природѣ, о поэзіи, о сердцѣ человѣческомъ.—Эпи вечера, Мой Д....., меня всякій разъ переносятъ въ нашъ родимой Лицей, въ нашъ фехшовальный залъ, гдѣ мы съ побою читали пѣхъ же самихъ поэшовъ и не рѣдко съ непоняпнымъ какимъ-то препеномъ углублялись въ пѣ же пайнспва красопы и гармоніи, спрасстей и спраданія, наслажденія и чувствительности! — Можесть бытъ, мой другъ, и ты вспомнишь лѣпа нашей безпечности и ея радости, когда сообщу тебѣ содержаніе нашего вчерашняго разговора.

Мой юноша признался мнѣ, что нѣкогда при имени поэта представлялъ себѣ полубога безъ слабостей и пороковъ. — Нынѣ, читая ихъ жизнь, онъ видитъ, что по большой части ихъ душа была возмущаема спрасшями, что они не рѣдко писали иначе, нежели жили: это противорѣчіе его мучитъ; онъ гошовъ счестъ ихъ лицемѣрами! — Что отвѣчашъ ему на его сомнѣнія? — Уже ли, кромѣ дарованія, ничто не возвышаетъ великаго пѣвца надъ толпою?

Поэтъ — принимаю эпо слово въ самомъ высокомъ значеніи — всегда говоришь по, что чувствуешь: искренность первое условіе вдохновенія. — И такъ въ по мгновеніе, когда онъ учить времена и народы и разгадываетъ тайны Провидѣнія, онъ почто есть полубогъ безъ слабостей, безъ пороковъ, безъ всего земнаго. — Но самая способность къ вдохновеніямъ предполагаетъ пламенную душу, ибо только пламя можетъ воспылать къ небу! Что же есть пища сего пламени? — Великія спраспи. — Онѣ молчатъ, они исчезаютъ, когда орелъ лепитъ къ солнцу; но попомъ голодъ гонитъ его съ высоты, онъ падетъ на добычу и вонзаетъ въ ея бока кохпи: уже ли за то вы уподобите орла ворону? — Есть сильныя или холодныя души, копорыя могутъ на всю жизнь сковать свои спраспи: но они не знаютъ вдохновенія! Курцій былъ пылкій юноша; я увѣренъ, что онъ не чуждался даровъ Венериныхъ и Вакховыхъ! Педантъ въ своемъ кабинетѣ и глупый мѣщанинъ въ харчевнѣ судятъ о великихъ полководцахъ и говорятъ съ видомъ рѣшительнымъ. „Наполеонъ здѣсь сдѣлалъ ошибку непроспительную; Суворовъ долженъ былъ предпринять такое-то движеніе; Ку-

пузовъ забылъ по, — опуспилъ другое, не успѣлъ совершить преніе!“ попомъ наши мудрецы, поржесвуя, смотрянь кругомъ себя и кажется, ожидаютъ, чшобы всѣ почтенные слушатели закричали въ одинъ голосъ : „о! въ сравненіи съ вами, Милоспивые Государи, Наполеонъ и Суворовъ школьники!“ — То же съ поэтами: имъ завидують и въ то же время желаютъ показать презрѣніе къ ихъ дарованію. — Но чернь не способна даже къ заблужденіямъ душъ великихъ. — Люди, спранныя, непоняшныя созданія! Вы гоните и ненавидите вашихъ благодѣшелей: наслаждайтесь ихъ геніемъ; идите по пуши, копорый вамъ указываютъ и помните, что они живутъ среди пороковъ и развращенія, живутъ между вами, что душа ихъ способнѣе вашей приниматъ впечатлѣнія и легче увлекается власпительной минушою. Почему брызжетъ жаба ядъ на смиреннаго свѣшляка? — Онъ блеспитъ, ибо блеситъ и жизнь для него одно и то же: онъ и не думалъ гордиться передъ нею блескомъ своимъ! И если бы вы знали, враги дарованія, если бы вы знали какую цѣною оно покупается! — Поэшь нѣкоторымъ образомъ перестаетъ бышь. человѣ

домъ: для него уже нѣтъ земнаго счастья. Онъ постигнулъ высшее сладоспращіе и наслажденія міра никогда не замѣнялъ ему порывовъ вдохновенія, споль рѣдкихъ и оставляющихъ по себѣ пустошу споль ужасную! онъ блуждаетъ по землѣ, какъ изгнанникъ, ищетъ и никогда не находитъ успокоенія. — Узы семѣйсвенной жизни для него милы, но пятгоспсны; онъ понимаетъ тихое счастье, но не способенъ къ нему. — Въ однѣхъ буряхъ, въ борбѣ съ неумолимою судьбою взоръ его проясняется и грудь дышетъ свободнѣе: — жизнь и движеніе — вопль его спихія! онъ съ радостію погибнетъ средь общаго разрушенія подъ гуломъ грома и при заревѣ пожаровъ, но не въ состояніи безъ ропоша доживать свой вѣкъ среди мѣлкихъ спрассей и сплепней, въ толпѣ набожныхъ Ксаншипъ, глупыхъ оспряковъ и шѣхъ презрительныхъ юношей, которые, будучи заранѣе посвящены во всѣ таинсва притворства и благопристойности, разврапны до гнусной отвращительности, но умѣютъ скрыть свое распушство опъ глазъ свѣша и пользуются особенною милостію молодыхъ и спарыхъ раздавательницъ добраго имени. Поэтъ предпочитаетъ спраданіе вялому, мершвому

спокойствію. — И такъ просшите ему, если онъ не всегда Стоикъ, если, желая чѣмъ нибудь наполнить душу, желая дань хотя какой нибудь предметъ своему внутреннему волненію, онъ иногда раздѣляетъ съ вами ваши нечистыя наслажденія и въ своей безопасности забываетъ оспороженость, которая прикрываетъ ваши заблужденія непроницаемою завѣсою!

Спраспный, пламенный, чувствительный юноша рѣшился быть поэтомъ: удивилесь по крайней мѣрѣ его отважности! — Онъ прочелъ опыты пѣхъ своихъ предшественниковъ, которыхъ смерть скосила не созрѣвшихъ или которыхъ спраспи, судьба и люди оборвали наконецъ крылія. — Онъ бродилъ между ихъ твореніями; между сими дикими развалинами пышнаго, недостроеннаго храма. Можеть быть, избытокъ дарованія погубилъ ихъ; можеть быть, они были бы безсмертны, если бы было слабѣ пламя, пылавшее въ ихъ персяхъ! — Онъ знаетъ все это, знаетъ, что его ожидають пруды Алкидовы, клевета, гоненія, бѣдность, презрѣніе, зависть, предательство, ненависть; — ненависть самыхъ друзей его и покровителей, ибо онъ не исполнилъ ихъ требованій и уничто-

жипть всѣ расчепы и надежды ихъ! — Умри онъ съ голоду, пожмушь плечьми и скажушь: мы эшо предвидѣли! и пусть благодаряшь ихъ всѣ поэшы времяъ наспоющаго; минувашаго и будущаго, если не прибавяшь: ничто же ему! — Юноша геній знаешъ все эшо — и рѣшаешся бышь поэпомъ.

Въ обществѣ живописецъ говоришь: „я живописецъ,“ — купецъ: „я купецъ,“ — и безполковой баринъ: „я Князь такой-по!“ и припомъ надуваешъ подзобокъ, носъ возносишь къ небесамъ и не замѣчаешъ смиренныхъ поклоновъ своихъ ласкапелей! скажи поэпъ: „я поэпъ“ — и со всѣхъ сторонъ подымешся громкій хохотъ. — „Почему?“ спросилъ я однажды двухъ моихъ знакомыхъ; они оба утверждали, что свѣпъ совершенно правъ, но долго не могли доказать, почему онъ правъ. — Бившисъ съ четвершъ часа, наконецъ одинъ изъ нихъ сказалъ въ полголоса: *c'est comme qui dirait, je suis vertueux!*

Мы замолчали. — Не знаю, чувспивовалъ ли мой пріятель всю силу, весь вѣсъ своего золошаго изрѣченія!

„Поезія еспъ добродѣтель!“ говоришь и Жуковскій; но чернь въ правѣ не повѣ-

ришь поэту Жуковскому. — Въ устахъ же челоуѣка вовсе непозшическаго это; „*comme qui dirait!*“ неопѣненно! — Повторимъ же: поэзія есть добродѣшель и душа вдохновенная сохраняетъ въ самомъ паденіи любовь къ добродѣтели, въ самыхъ порокахъ она ищетъ великаго; — ея заблужденія подобны грозному водопаду, изверженіямъ Везувія и рокошу грома небснаго: они разрушаютъ, но въ то же время изумляютъ и возбуждаютъ благоговѣніе! — Но не всякій — даже хороцій стихопворецъ можетъ назваться поэтомъ: напрошивъ всякій мужъ необыкновенный, съ сильными спрастями, пролагающій себѣ *свой собственный* путь въ мірѣ — есть уже поэтъ, если бы онъ и никогда не писывалъ стиховъ и даже не учился грамаіѣ. Апшила и Говардъ такіе же поэты какъ Руссо, Жанъ-Поль и Байронъ! Буало великій стихопворецъ, а Гг. Ф. и Ц. ввали, не смотря на рифмы и глупость произведеній ихъ. — Вѣрнѣйшій признакъ души поэшической спрасть къ высокому и прекрасному: для холоднаго, для вялаго, для сердца испорченнаго необходимы правила, какъ цѣпь для злой собаки, а хлысть для лѣнливой лошади; но поэтъ дѣйствуетъ по вдохновенію и сщоль же мало гордится:

своею, жизнію, какъ своими твореніями, ибо чувствуешь, что все ему данное есть даръ свыше, а онъ только бранный сосудъ той божественной Силы, которая обновляетъ и возрождаетъ человѣчество!

ВЪБЪЗДЪ ВЪ ИТАЛІЮ.

ПИСЬМО I.

Н И Ц Ц А.

20
2 Феврала, 1821.

Прелестная, благословенная страна Ерская; рай полуденной Франціи! — И я былъ на твоихъ вѣчно зеленыхъ, роскошныхъ горахъ; въ твоихъ благоуханныхъ долинахъ; и я дышалъ твоимъ воздухомъ, разтвореннымъ и въ зиму запахомъ фіялокъ, розъ, цвѣтовъ померанцовыхъ и дикаго левкоя! — Мое воображеніе иногда составляло себѣ на сѣверѣ образъ Эдема: но эпошъ образъ ничто въ сравненіи съ садами, рощами, лугами, Ерскими. — Друзья!

въ холодной Ингріи вы не можете представить себѣ живой лазури *этого* неба, неизъяснимо нѣжной, неизъяснимо восхищительной, подобной сладостной синевѣ незабудокъ: одни голубые глаза невинной, 16-ти лѣтней красавицы могутъ превзойти ее своимъ пыхимъ пламенемъ, — любовію и томностію, которыми исполнены! — Все здѣсь живетъ, все производитъ, все радуется: самыя разсѣлины скалъ покрыты цвѣтами, самыя стѣны разореннаго монастыря и разрушеннаго Сарацынскаго замка одѣны плющемъ, повеликою, виноградными лозами. — Гдѣ утесы хотя нѣсколько покрыты пескомъ или глиною, вездѣ распустились богатые свѣтлозеленые ковры, на которыхъ опдыхають усалые, но ненасытные взоры. — Миндальныя деревья здѣсь уже опцвѣли и развернули мягкіе листочки (*). Мы взошли на высоту до самаго замка; гора выше всѣхъ окружающихъ: передъ нами вдругъ открылось столь рѣдкое зрѣлище карпины ни съ какой стороны неограниченной; во всѣ направленія зрѣніе могло проспираться и ему не было предѣ-

---

(*) Миндальное дерево сперва цвѣтеть, потомъ уже распускается.

ловъ; кромѣ слабости чувствъ челоѣческихъ; оно блуждало по хребтамъ и высямъ холмовъ и горъ, въ сокровенной глубинѣ темныхъ доловъ, по блестящему морю и островамъ Споэхадскимъ, лежавшимъ передъ нами, какъ нѣкогда передъ Моисеемъ земля обѣшванная, по легкимъ, воздушнымъ вершинамъ ближнихъ миндальныхъ лѣсокъ и въ безднѣ неба, которое здѣсь необъяснѣе, нежели гдѣ нибудь, но въ поже время неизъяснимо привѣпливо. На сѣверѣ синева эеира всякій разъ напоминала мнѣ ничтожество всего земнаго и внушала душѣ поску и желанія; но здѣсь небо и земля одно дивное, прелестное цѣлое; здѣсь не рздѣляешь вселенной, наслаждаешься и чувствуешь ипшину совершенную.

Ерѣ (Huères) нѣкогда славился апельсинными, померанцовыми, лимонными садами; но въ ужасную зиму съ 1819-го на 1820-ой годъ онѣ всѣ погибли; въ извѣстномъ саду Филля въ одну ночь 18,000 деревъ сдѣлались жертвою снужи. — Старожилы не запомнятъ такихъ морозовъ, ибо за трицать лѣтъ въ 1789 году они хопя причинили много вреда молодымъ усадьбамъ, но крайней мѣрѣ пощадилъ всѣ старыя деревья; въ прошломъ

же году все умерло, все было испреблено: и спольшнїя маслины и праощцы Агрумїевъ (*) и огромныя пальмы, краса всей области. — Расказываюшь что за 111 лѣтъ такая же спужа прошла черезъ земной рай Ерскїй и что тогда бѣльшая часть жителей принуждены были оставишь родину. — И пакъ, не смопря на чудную прелестъ, въ коей видѣль я Еръ и его окрестности, въ мою бытность роскошныя красоты сей сладоспной спороны не лзя было и сравнишь съ тѣми, копорыя здѣсь нѣкогда цвѣли и блестяли. — Вопъ по чему, можешъ бышь, вы съ удовольствїемъ прочтете описанїе здѣшнихъ садовъ, каковы они были во время пребыванїя здѣсь госпожи Брунь (***) навѣспившей Еръ въ Декабрѣ 1806-го года. — Госпожа Брунь, какъ и мы, оспановилась въ госпиницѣ добраго Феликса Сюзанна.

„Передъ нашими окнами,“ говоришь она, „проспираются по обѣимъ сторонамъ Агрумїи густыми садами и рощами. — Они нынѣ предспавляютъ между блестящихъ лїспьевъ всю лѣспвиницу великолѣпныхъ Гесперидныхъ яблоковъ, начиная

(*) Родовое названїе апельсинныхъ, померанцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ.

(**) Извѣстной Нѣмецкой писательницы.

съ зеленѣющаго золота лимона полусозрѣвшаго до яркаго огня апельсиновъ и мрачнаго пламени померанцовъ. — Сии рощи наконецъ оканчиваются виноградниками, копорые въ свою очередь окружаются нѣжно-восходящими холмами, покрытыми великолѣпными лѣсами маслинъ ; на скапѣ передъ пышнымъ домомъ Филя, невольно подумаешь , что находишься въ краю басень и сказокъ , куда вдругъ ударомъ волшебнаго жезла перенесены дѣши отдаленнѣйшихъ странъ свѣта , и всѣ въ дивномъ согласіи зеленѣють , цвѣтуть , богашяся плодами: Азійскія пальмы и плакучія вѣплы Вавилонскія, Бананы , пришельцы изъ Америки, Мимозы съ береговъ Сенегала , надъ шумящимъ водоскапомъ Папиръ, оставившій оплогіе луга великаго Нила ; на спѣнахъ цѣпнѣющій Алоэ и , возвышаясь въ высоты воздушныя, дерева лимонныя и померанцовыя; вокругъ по всѣмъ пропамъ и грядамъ душистыя фіялки, резеда, цвѣтуція мирпы и геліотропіи , перемѣшанные съ раствннми съ мыса Доброй Надежды спранными; образованными , кажешся , по прихоти дикой фанпазіи: все эщо сошкано — въ одно волшебное цѣлое, и никогда я еще не вспо-

минала такъ живо царство Фей и очарованія!

Мы спустились въ садъ; простираясь въ необъятное насъ принялъ тѣнисный лѣсъ Агрумievъ: деревья, преклоняя долу вѣтви опягченныя золотымъ бременемъ, не могутъ даже прикрыть листьями избилія плодовъ своихъ. — Во всѣ направленія дорога пересѣкается длинными аллеями, копорыхъ конецъ убѣгалъ бы опъ зрѣнія, если бы не блестѣло даже изъ глубочайшаго опдаленія спѣлое золото. — Апельсинныя деревья можно раздѣлить на бѣлянокъ и смуглянокъ. — Вѣтви и листья первыхъ свѣтлозеленаго яблочнаго, плоды — чистаго палеваго цвѣта; вторыя горятъ мерцающею темною зеленою, а плоды яркимъ желтоватымъ пурпуромъ.“

Я прочелъ это описаніе, когда уже видѣлъ Ерѣ и наслаждался его оспальными прелестями. Признаюсь, въ противномъ случаѣ, я лишился бы и того, что еще уцѣлѣло.

ПИСЬМО LI.

НИЦЦА.

 $\frac{24}{12}$ Февраля.

Проѣзды нашъ опъ Ера до Ниццы до-
 ешавшль мнѣ два дня полной, богатой жи-
 зни и воспоминаніе о нихъ одно еще под-
 держиваешъ меня пѣперь, когда моя успа-
 лая душа ищешъ успокоенія или воспорга
 или боли и находитъ одну шоску и скѹку.
 Человѣкъ спранные, непоняпное созданіе!
 Меня не веселишъ роскошная природа Ипа-
 ліи! чувспвую, что мнѣ нужна независи-
 мость и нужно учаспіе, чшобы бышъ сча-
 спливымъ. — Но я удержусь опъ ропота
 и паспараюсь оживишъ себя, говоря съ
 вами о минушахъ радости. Мы выѣхали
 16 числа послѣ обѣда изъ Ера. — Солнце
 склонялось къ Западу: вокругъ насъ все
 цвѣло и жило и все раждало во мнѣ мечпа-
 нія. — Я мыслями былъ на лѣсиспыхъ бе-
 регахъ моей родимой Авиноры, — гдѣ я
 впервые вздохнулъ для чувспва и наслаж-
 денія; я былъ дитя и вся душа моя идил-
 лія. — Въ моемъ воображеніи не было
 опредѣленнаго образа; но то, что въ немъ
 мелькало и изрѣдка меня пѣщило, меня ис-

полняло шихаго веселіа. Когда день началъ погасанъ, мы выѣхали на большую дорогу и миновали выдающійся хребетъ холмовъ, по которымъ цѣпь деревень и мѣстечекъ проспирала въ воздухъ свои башни. Луна взошла и зажглись мои давніе знакомцы привѣщныя, мирныя звѣзды; вечеръ былъ нехолодень: едва ли въ Маѣ мѣсяцъ такіе вечера спускаются на пундры Ижорскія.— На первой спанціи распались мы съ А. Л.....емъ, потому что не было лошадей для всѣхъ насъ. — Черезъ часъ (я между тѣмъ бродилъ по полю съ живописцемъ) — оправились и мы въ дальнѣйшій путь, но снова принуждены были остановиться въ мѣстечкѣ Корнуиль, недоѣзжая Фрежюса и ждавъ возвращенія почпильоновъ. Мы зашли въ деревенскую бѣдную харчевню, велѣли сварить себѣ кофе и присѣли съ хозяйкою къ смиренному камельку, въ которомъ пылали передъ нами дерево лимонное и померанцовое, миршы и маслины: огонь самый роскошный и поэпическій, но въ то же время перзающій сердце, если подумаешь, что онъ слѣдствіе общаго несчастья! Черезъ полчаса зашли къ намъ молодой человекъ и двѣ очень хорошо одѣтыя, престарѣлыя женщины. Мы сочли ихъ съ

Мнемозина. Часть IV. 6

начала за проѣзжихъ; но вскорѣ узнали, что это здѣшнія помѣщицы съ племянникомъ. — Хозяйка имъ очень обрадовалась: спарушки присѣли къ огню и я вспомнилъ Фенелона, посѣщавшаго подобнымъ образомъ своихъ прихожанъ и подданныхъ. — Наши дамы принадлежали къ старому доброму времени и къ древнему Французскому дворянству: онѣ были ревностныя аристократки и всею душою вѣровали въ величіе Лудовика XIV. — Ихъ разговоры показывали большую начипанность и старинное воспитаніе: обращеніе было чрезвычайно занимательное соединеніе Французской живости, добродушія, простоты временъ патриархальныхъ и Феодальной величавости: племянникъ доброй неиспорченный сынъ природы и спрашный обожатель военной славы своего народа. Онъ повелъ меня и живописца въ садъ своихъ родственницъ. — Не люблю деревьевъ испорченныхъ ножницами садовника: здѣсь не было другихъ; кипарисы и миршы, карубень и земляничникъ являлись мнѣ въ спранныхъ, чудовищныхъ видахъ. — Но весь день проведенный мною былъ необыкновененъ; въ печеніи цѣлыхъ сушокъ я казался самому себѣ дѣйствующимъ лицомъ

волшебной сказки или романа: и въ первый разъ въ жизни я съ удовольствіемъ оспанавливалъ взоръ на дикихъ очеркахъ сихъ воспишанниковъ искусства, освѣщенныхъ очаровательнымъ свѣломъ мѣсяца и оплѣняемыхъ рѣшепкою. — Невольно забывался я при лепелѣ источника, упадающаго въ каменный водоемъ, обросшій повеликою, нарцисомъ и фіялками.

По утру мы прибыли въ Фрежюсъ и наскоро посмопрѣли здѣшнія примѣчательныя развалины. Фрежюсъ былъ въ Римское владычество важнымъ торговымъ городомъ; здѣсь много слѣдовъ великаго народа: арена, амфитеатръ, капище. — Съ Фрежюса начинается рядъ городовъ и мѣстечекъ прославившихся событіями Наполеоновой жизни. — Въ рыбачей деревушкѣ не подалеко Фрежюса вышелъ онъ на берегъ, возвращаясь изъ Египта и Франція пала къ ногамъ его; изъ той же самой деревушки 1814 года, сверженный съ престола Бурбонъ и Карла Великаго, онъ опправился въ свое первое заоченіе; потомъ по ту сторону лѣсиспаго Эстреля, по высотъ коего проложилъ въ свое царствованіе славный путь, соединяющій Италію съ Францією, между городами Канномъ и Ан-

пибами — онъ вдругъ снова явился съ горстью оипважныхъ ; и съ начала пробирался черезъ темные Эспрельскіе доли, по грознымъ скаламъ и спремнинамъ, по мрачнымъ роцамъ и болотамъ, непроходимымъ для всякаго другаго. — Когда мы спускались съ Эспреля почпильонъ указаль мнѣ мѣсто, гдѣ Буонопарть перешель большую дорогу, чтобы снова спустихься въ пустынную глушь, въ темному тѣсныхъ ущелинъ и проходовъ : я тогда живо вообразиль себѣ эшаго чуднаго человекъ, который промѣняль славу на власть, власть на уединеніе, уединеніе на жизнь разбойника и снова съ дивной быспропой приобрѣль попереянный пресполь и снова съ него палъ въ глухое започеніе ! — Онъ нынѣ еще дышетъ, читаетъ Англійскія вѣдомости, объдаеть и ужинаеть : но жизнь его уже кончилась ; онъ уже умеръ для свѣта.

Лѣсисный, дикій Эспрель напомнилъ душу мою Оссіановскими видѣніями ; я много шель пѣшкомъ и чувствовалъ себя счастливымъ, когда — видѣль себя совершенно однимъ посреди высокихъ деревьевъ, надъ пурпуровою бездною вечерѣющихъ долинъ, подъ небомъ, которое здѣсь напоминало мнѣ наше въ ясный осенній день ; чувствовалъ

себя счастливымъ , когда только издалека слышалъ стукъ приближающейся кареты, смонрѣлъ , какъ внизу зажигали паспужи ночные огни и солнце ушлопало въ раскаленныхъ облакахъ и разсыпало послѣднее золото по высотамъ маслинъ, соснъ и пиній. Мы прибыли въ Каннъ : луна освѣщала заливъ и городъ ; — воды тихо плескали въ берегъ и спруились чистымъ жемчугомъ.— Насъ хотѣли удержашь, увѣряя, что вороша будутъ уже запершы въ Анпибахъ, но, боясь заспавишь ждашь А. Л. мы рѣшились ѣхашь , полагая, что онъ ночеуеъ въ Анпибахъ, рѣшились, приѣхавъ дождашься въ каретъ отккрытiя ворошь. Между шѣмъ А. Л. предупредилъ на границѣ караулы; мы объѣхали послѣднiй городъ Францiи и насъ пропустили безъ малѣйшей остановки. — Я спалъ и когда проснулся въ Ниццѣ долго не зналъ, гдѣ я; долго еще думалъ, что мы въ Анпибахъ или въ какомъ нибудь другомъ пограничномъ мѣстечкѣ Францiи.

ПИСЬМО ЛII.

НИЦЦА.

8 Марта.
 24 Февраля. 1821.

Мы еще въ Ниццѣ и можешъ бышь , пробудемъ здѣсь еще недѣлю: пѣмъ лучше, ибо уже не заспанемъ худой погоды въ Парижѣ! — Не могу впрочемъ сказать, чтобы я проводилъ здѣсь время чрезвычайно весело: Ницца городъ небольшой, — театра здѣсь нѣтъ, о галлерейхъ не слышалъ; заводилъ знакомство въ моихъ обстоятельствахъ трудно, да кромѣ пого и не съ кѣмъ; одно семейство Ж. мнѣ нѣсколько ближе и любезнѣе прочихъ, по тому что они Русскіе. Но, не смотря на скуку, которая иногда помилъ меня, я долженъ благодарить небо: здоровіе быстро и видимо ко мнѣ возвращается. — Брожу по горамъ и улесамъ, по лѣсамъ и долинамъ, чтобы подкрѣпить себя еще болѣе. Прекрасная, дикая природа здѣшнихъ окрестностей теперь моя единственная подруга, мой единственный утѣшитель въ минуты тоски, которой я еще нигдѣ такъ живо нечувствовалъ во все наше путешествие.

спивіе. Мы съ начала оспановились въ городъ въ гостинницѣ: но теперъ живемъ на прекрасной дачѣ Госпожи Сентъ-Агашъ по Туринской дорогѣ. — Опсюда я выхожу каждое упро въ десяпомъ, хожу вцлонь до чепвертаго часа, обѣдаю въ чепыре; послѣ обѣда опправляюсь въ городъ пипь кофе; играю вечеромъ въ шахматы или перечипываю въ соный разъ Бапюшкова, Пушкина, Дмипріевс, Державина и ложусь спать, — чшобы завпра шакже начать, продолжашъ и кончить день свой: изрѣдка шолько едднообразный порядокъ моей жизни перерываешся приглашеніемъ на вечеръ. Для добраго ходока, каковымъ я теперъ снова могу назвашся, здѣсь много прекраснаго: гора и замокъ Монш-Альбанъ, съ которыхъ видишь подъ собою справа Ниццу, слѣва Вилла-Франку, длинный мысъ съ маякомъ, прекрасный заливъ между мысомъ и Вилла-Франкою; впереди море—безпредѣльное къ Востоку, ограниченное къ Западу прелесшными Аншібскими берегами и синѣющимъ въ дали хребтомъ Эстрельскимъ; позади, лѣса маслинъ почши до высоты сумрачнаго Винегрѣе — вошгъ зрѣлище, коимъ наслаждался я нѣсколькo разъ въ первые дни нашей бышности въ

окрестностей Ниццы!—Оба города Ницца и Вилла-Франка прижимаются такъ ска-
зашь къ ущесамъ, у подножія коихъ по-
строены; ихъ приспани уютны и непри-
ступны для бурь и порывовъ вѣтра; —
башни весело возвышаются въ голубой
воздухъ; строенія осѣнены роскошными
садами агрумиевъ, рощами смоковницъ, ма-
слинъ, плакучихъ вѣпель и деревъ минда-
льныхъ. — Изрѣдка только встрѣчаешь здѣсь
голой камѣнь; одряхшія стѣны всегда по-
крыты плющемъ, скалы обросли тѣми-
номъ, дикими анемонами, лиліями, гіацин-
тами; изъ расщелинъ вырастають алоэ и
какпуть. — Видъ съ гордаго Винегрѣ, у
подножія коего самый Монп-Альбанъ пре-
вращается въ пригорокъ, почти топъ же,
но огромнѣе и величественнѣе: съ него, въ
ясный день по упру видна Корсика, а къ
Сѣверу являюся изъ-за голой двуглавой
Фондской громады снѣжнія верхи Альпъ
Савойскихъ. — Я былъ на самой высотѣ
Винегрѣ и не жалѣю своихъ усилій: хопя
дорога трудна; однако же легче и несрав-
ненно приятнѣе, нежели на нагіе Тулон-
скіе ущесы. — Но намъ не нужно даже и
выходить изъ комнашы, чтобы насла-
ждаться прекрасными видами: передъ на-

шими окнами вдоль Пальона или Паг-
лиона, который теперь почти вовсе без
воды, но дикъ, широкъ и спремипе-
лень во время опшепли на снѣжныхъ
высопахъ Альпійскихъ, — вдоль Паль-
она тянется цѣпь лѣсистыхъ холмовъ до
самаго подножія горы Фондской: эти холмы
усѣяны бѣлыми, чистыми, красивыми заго-
родными домиками; посреди возвышается
монастырь Сень-Симье, обитель Капуцы-
новъ ордена Св. Доминика и нѣсколько по
ниже другой большой, но запустѣлый мона-
стырь Сен-Понсъ, — построенный, какъ
говорить преданіе, Карломъ Великимъ для
его племянника: возлѣ новаго великолѣпнаго
строенія видны еще развалины стараго. —
Вокругъ Сень-Симье также разбросаны об-
ломки; но они принадлежатъ другому вре-
мени и несравненно древнѣе: примѣчатель-
нѣйшіе — ошпшки амфитеатра сооруже-
наго, бытъ можеть, еще въ то время, ко-
гда въ Никеѣ, Массилійскомъ поселеніи раз-
давались звуки языка Греческаго: нынѣ
жители воспользовались однимъ изъ сво-
довъ и преврапили его въ вороша: лошаки
и мулы спокойно проходили подъ сводомъ,
который иѣкогда поддерживалъ зданіе по-
священное играмъ и празднествамъ въ

честь Геркулесу Менекескому. — Изъ саду монастыря съ одной стороны видишь далекія бѣлыя горы спокойныя, безмолвыя; съ другой прекрасный городъ, кипящій жизнью; его веселый дымъ и высокія башни; утешь, раздѣляющій Ниццу на двѣ половины, увѣнчанный крѣпостью, которую я готовъ назвать Кремлемъ или Капишполіемъ Никейскимъ, — море открытое оповсюду, придающее всему высокую прелесть; далѣе — большую Туринскую дорогу, дачи; густыя, кудрявыя рощи маслинъ. Безпрерывный ропотъ Пальона доходишь сюда, какъ будто гуль спрасшей и бѣдешвей челоуѣческихъ и, подобно ему, погружаешь въ уныніе.

Я здѣсь былъ въ два часа по полудни. Брашья мелькали между деревъ въ бурныхъ рясахъ; нѣкоторыя привязывали виноградныя лозы къ смоковницамъ; другіе воздѣлывали землю: я вспомнилъ опшельниковъ первоначальныхъ временъ Христіанства. — На холмѣ нѣсколько выше прочаго сада — роща кипарисовъ шемная, уединенная, насажденная для шихаго размышленія. „Сюда!“ подумалъ я — „сюда опъ суешь, шуму, опъ людей и пороковъ!“ Но я спустился въ садъ, я взглянулъ на монаховъ....

Мнѣ спало дѣшно въ эписхъ спѣнахъ и я изъ нихъ почши выбѣжалъ: казалось, мнѣ замедленія лишишь меня свободы, лишишь возможности возвратиться въ свѣтъ, гдѣ могу и долженъ думать, прудиться, спрадать, бороться съ жизнью. — Не знаю, каковы монахи прочихъ монастырей Римской церкви; а братья обители Сень-Симье не надѣлены духомъ шерпимости; я, было, хотѣлъ опспоять у нихъ вечерню: но они, узнавши, что я не Каполликъ не допустили меня.

В. Кюхельбекеръ.

VIII.

ГИМНЪ БАКХУСУ.

(Изъ Гомера).

Славлю дщя знаменитой Семелы, Царя Діониса!
 Юноша Богъ Діонисъ, на берегъ моря явившись,
 Тихій споялъ на приводномъ холмѣ, одинокопу-
 спынномъ,

Молодь, прелестень; роскошно волною до пяшь
 упали

Черныя кудри; лѣжала на сильныхъ плечахъ ба-
 грянца!

Быстро тогда, пѣснясь съ краснѣсоруженнаго
 судна,

Ринулись въ шемныя волны спремглавъ Тирсен-
 скіе мужи:

Злая судьба ихъ вела! увидѣли юношу мужи,

Подали знакъ и, море прошедь, его изловили!

Съ радостнымъ сердцемъ попомъ, возвращаясь на
 высокое судно,

Думали: „сына могущихъ Царей полонить мы
 успѣли!“

Туть на него возложишь кошѣли тяжелыя узы,

Но никакія связать не могли его узы и верви

Льняныя съ рукъ и съ ногъ упали; съ безмолв-
 ной усмѣшкой

Богъ черноокій сидѣлъ, Діонисось. Тогда челно-
 водецъ

Вдругъ задрожалъ и просперъ окрыленное слово
 къ дружинѣ :

„О злополучные! кто изъ безсмертныхъ вами
 поиманъ ?

Грознаго чолнъ не снесетъ ! То страшный Кро-
 нидъ, всемогущій

Юниперъ; Фебъ-Аполлонъ, носилель звонкаго лука,
 Или Непсунъ! не слабымъ онъ смертнымъ подо-
 бенъ, подобенъ

Жителеямъ неба: скорѣй отдайте опять его сушѣ!

Рукъ на него не дерзните поднять, да враждеб-
 наго вѣтра,

• Бури неистовой вамъ не пошлетъ, вашъ гнѣвный
 каратель!“ —

Но ненавистно ему отвѣчалъ пловцевъ повелитель:

„Робкій! не зришь ли по пупнаго вѣтра? предай
 ему нарусь!

Одаль, вѣщунъ, за руль усадись ! о плѣнномъ же
 будущъ

Мужи радѣшь : мы въ Египетъ и въ Кипръ , я
 и твердо увѣренъ,

Къ Ипербореямъ его повеземъ и далѣ ! но нынѣ
 Пусть назоветъ имена своихъ и друзей и сокров-
 ныхъ,

Скажешь богатства свои ; намъ добрый дарить
 его Демонъ!“

Такъ говоря , онъ щеглу поднялъ и парусъ раз-
 вѣялъ —

Вѣтромъ исполненный парусъ надулся : головы
къ опплышью

Были пловцы; но вдругъ они видяшъ неожиданное
чудо !

Палуба вся зажурчала виномъ : нектарная влага,
Свѣсплой рѣкой проліясь , вознесла къ небесамъ
ароматный,

Сладостный паръ : и шрепешъ нашель на мужей
изумленныхъ !

Вдругъ поднялось виноградное древо ; и гибкія лозы
Вдоль по снастямъ поозли, богатые гроздіе свисли ;
Щегли плющемъ обвились, зардѣлись вкусныя ки-
спи ,

Вспыхнули всюду цвѣшпы и весла и носъ увѣнчали !
Видѣли чудо пловцы и, моля, къ челноводцу, взы-
вали :

„Къ берегу правъ!“ — Но въ ревущаго льва пре-
вращенный ,

Вдругъ съ высоты корабля погналь ихъ неисто-
вый Бакхось ;

Тамъ же внутри космашый медвѣдь , сошворен-
ный незапно

Ужасомъ смерти, ярьсь , ужасаль и скакаль и
метался : —

Левъ же огненнымъ взоромъ глядѣль и пловцы
укрывались !

Къ кормчему всѣ пришекли, мудреца Медеида об-
стали ,

Страха полны, и вдругъ Бассарей, устремившись,
съ разбѣга

Выхватилъ въ сонмѣ вождя. Повелишеля гибель
 узрѣвши,
 Бросились въ море они, но щепотно хопяшъ ус-
 транишся
 Рока, несущаго казнь: всѣ мужи Дельфинами
 всплыли!
 Но милосердъ и благоспенъ къ кормчему былъ
 Діонисось,
 Онъ осчастливилъ его и къ нему обратилъ свое
 слово:
 „Радоспенъ будь, въ душѣ на меня уповай, чел-
 новодецъ!
 Я Діонисось, я шумно-веселый!—Семела младенца,
 Кадмова дочь родила опъ ложа всесильнаго Зевеа!“
 О черноокій, о сынъ Кадмеиды, — хвала! и пре-
 лесныхъ
 Пѣсней никто не поешъ, забывая шебя, Діонисось!

В. Кюхельбекеръ.

Царское Село

1817.

IX.

ОЛИМПІЙСКІЯ ИГРЫ.

Одинъ я наконецъ на камнѣ одинокомъ!
 Какой прелестный, дивный видъ!
 Тамъ подъ утесомъ Куръ шумишь;
 И виноградники хващаю жаднымъ окомъ;
 Внизу кипящій городъ зрю:
 То въ даль меня манишь огромный верхъ Казбека,
 Въѣкъ неуниженный ногою челоуѣка;
 То въ древній Персеполь парю!
 Но что — какой воспоргъ меня объемлетъ?
 Что такъ меня тѣснитъ и мой волнуешь духъ?
 Мой изумленный слухъ
 Не лепу Ангела ли внемлетъ?
 И хладъ меня и шрепетъ обуялъ;
 Въ очахъ моихъ мечпы и призраки мель-
 каюшь —
 Явятся вдругъ, вдругъ исчезаюшь:
 Мой волосъ на главѣ возспалъ!

* * *

Знакомецъ мощный и прекрасный,
 Въ свягомъ неисповспѣвѣ ужасный —

Ты въ душу мнѣ вливаешь страхъ!
 Куда съ земли ты восхищаешь
 Меня на огненныхъ крылахъ?
 На свѣтзарныхъ облакахъ
 Куда съ собою увлекаешь?
 На царскихъ не вели пирахъ
 Мнѣ славить гибель и сраженья;
 Потухнетъ пламень вдохновенья
 Въ ихъ ослѣпительныхъ лучахъ,
 Въ злыхъ цѣпяхъ порабоченья!

* * *

Онъ моей мольбы не слышитъ!
 Въ даль и въ даль меня влечетъ!
 Мнѣ Зефиръ на встрѣчу дышитъ;
 Въ свѣшлый край меня несетъ
 Бурный пламенный полетъ!

* * *

Мнѣ знакомы эѳи воды!
 Милъ мнѣ эѳопъ небосклонъ!
 Здѣсь цвѣли сыны свободы:
 О Пермессъ! о Геликонъ!
 О священная Эллада!
 Узнаю твоей храмъ, Паллада!
 Вошь народъ твой, Аполлонъ!

* * *

И се — я съ высоты Олимпа небу смѣжной
 Гляжу на Океанъ спокойный и безбрежной —
 Мнемозина. Часть II.

И вижу Пизу (*) подь собой!
 Воскресамъ предо мной младаго міра вѣки:
 Бѣгууть боговъ любимцы, Греки
 На славный, всенародный бой! —

* * *

О! дайше мнѣ злашую лиру,
 Набросьте на меня порфиру;
 Вѣложите на главу вѣковъ!
 Совмѣстникъ дерзоспный Пиндара,
 Я полонъ радости и жара:
 Во мнѣ пылающій, зміегубитель Богъ!

* * *

Сраженіе зрю пѣвцевъ; пеанамъ ихъ внимаю!
 Надъ сердцемъ согражданъ ихъ властвують
 уста:

Завидна ихъ и сладостна мѣта!

Такъ! соревнуня имъ, я слезы проливаю!

Паритъ надъ поприщемъ воспорженный мой
 духъ:

Свирѣли сладкій гласъ мой восхищаетъ слухъ;
 Мнѣ въ перси льбешся нѣга....

Вдругъ пыль взвилась отъ радостнаго бѣга:
 Топоча землю, юноши текутъ;
 На пламенныхъ коняхъ другіе славы ищутъ;
 Изъ рукъ иныхъ стрѣла и дискъ и дропикъ
 свищутъ.

Младымъ соперникамъ съ престоловъ
 раздають

(*) Пиза или Олимпія въ Элидѣ.

Сѣдые старцы безпристрастный судъ!
 Но что — какое новое сраженье?
 Я чувства всё, всю жизнь въ одно вмѣщаю зрѣнье!

* * *

Борцы поборають борцевъ!
 Толпа на нихъ смотритъ друзей и опцевъ:
 Ихъ руки и ногъ сплелись,
 Ихъ мышцы и груди срослись,
 И длится ихъ бой роковой!
 Но вдругъ молодой и прекрасной герой,
 Прелестнаго Родоса счастливый житель.
 Повергнувъ соперника — всёхъ побѣдитель!
 Рыдаетъ его престарѣлый родитель,
 Боецъ знаменитый, съдой Діагоръ;
 Ожившаго старца сіяющей взоръ
 Не хочешь съ любимцемъ разстаться!
 Что можешь въ сей мигъ изъ Пелажскихъ сы-
 новъ,
 Изъ внуковъ Таншала и внуковъ Боговъ
 Въ блаженствѣ съ одряхшимъ героемъ равняться?

* * *

Едва лишь сіяніе новой денницы
 Края золотитъ облаковъ:
 Бой новый для смѣлыхъ гоповъ!
 Какъ вихорь летятъ колесницы;
 До тучъ поднимается прахъ:
 Но вотъ на Родосскихъ, на бѣлыхъ коняхъ

*

Второй Діагоридъ! онъ всѣхъ упреждаетъ ;
Онъ пальму у цѣли срываетъ!

* * *

Живаго благочестья полны
Народа пошекли безчисленные волны
Въ священный, благодатный лѣсъ;
Тамъ самъ присуществуетъ Зевесъ,
Тамъ пламень жершвъ предъ нимъ и день и ночь
пылаетъ!

На свѣпныхъ юношей его маслистый жрецъ
Вѣнецъ безсмертный возлагаетъ.

Минувшихъ дней прославленный боецъ,
Въ небесномъ Діагоръ въ восторгъ упоаетъ:
Въ сынахъ былая жизнь предъ спарцемъ воскре-
саетъ!

Но вдругъ — они берутъ съ главы своей вѣнецъ,
Увѣчанъ ихъ вѣнцемъ, руками ихъ отецъ ;

Они родителя предъ хоромъ воздвигаютъ

И плещетъ и рыдаетъ хоръ:

„Умри, блаженный Діагоръ!

„Тебѣ здѣсь нѣтъ уже желанья ;

„Есть лучшія твои свершились упованья;

„Умри, блаженный Діагоръ!“

И се среди поржествъ и воплей восклицанья
Онъ радостный смѣжилъ въ объятыхъ милыхъ
взоръ!

* * *

Сіяй прелестное видѣнье

Изъ тѣмы промчавшихся вѣковъ!

Тебя постигло вдохновенье,
Но не возвыситъ даръ стиховъ!
Священна та страна, гдѣ ты могло явиться!
Тамъ цѣлый былъ народъ поэтъ;
Но нынѣ наша жизнь безъ радостей влачится
И состарѣлъ нашъ свѣтъ!

В. Кюхельбекеръ.

Тифлисъ

1822.

X.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія !
 Въ послѣдній разъ передо мной,
 Ты капишь волны голубыя
 И блещешь гордою красой.
 Какъ друга ропотъ заунывный,
 Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
 Твой грустный шумъ, пвой шумъ призывный
 Услышалъ я въ послѣдній разъ! —
 Моей души предѣлъ желанный,
 Какъ часто по брегамъ своимъ
 Бродилъ я тихій и шуманный,
 Завѣтнымъ умысломъ помимъ! —
 Какъ я любилъ твои опзывы,
 Глухіе звуки, бездны гласъ
 И шипину въ вечерній часъ
 И своенравные порывы! —
 Смиранный парусъ рыбаей,
 Твоею прихотью хранимый,
 Скользишь отважно средь зыбей ;
 Но ты выигралъ неодолимый,
 И понесъ спая кораблей —
 Не удалось на вѣкъ оставишь

Мнѣ скучный неподвижный брегъ,
 Тебя воспоргами поздравивъ
 И по хребтамъ твоимъ направивъ
 Мой поэтическій набѣгъ!
 Ты ждалъ, ты звалъ: я былъ окованъ!
 Вотще рвалась душа моя;
 Могущей спрасью очарованъ,
 У береговъ остался я!
 О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
 Я пулъ безпечный усремилъ,
 Одинъ предметъ въ твоей пуспыцѣ,
 Мою бы душу поразилъ, —
 Одна скала, гробница славы!
 Тамъ погружались въ хладный сонъ
 Воспоминанья величавы,
 Тамъ угасалъ Наполеонъ! —
 Тамъ онъ почилъ среди мученій!....
 И въ слѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
 Другой опъ насъ умчался геній,
 Другой власпитель нашихъ думъ! (*)
 Исчезъ оплаканный свободой,
 Оставя міру свой вѣнецъ —
 Реви, волнуйся непогодой,
 Онъ былъ, о море! твой пѣвецъ;
 Твой образъ былъ на немъ означенъ,
 Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ;
 Какъ ты могущъ, глубока и мраченъ,
 Какъ ты ничѣмъ неукрошимъ! —

(*) Байронъ.

Міръ опустѣлъ . . . . . (*)

Прощай же, море! не забуду
 Твоей шоржественной красы
 И долго, долго помнишь буду
 Твой шумъ въ вечерніе часы!
 Въ лѣса, въ нущыни молчаливы
 Перенесу, шобою полнъ,
 Твои скалы, нивои заливы
 И блескъ и шѣнь и говоръ волнъ!

А. Пушкинъ.

(*) Въ семь мѣстѣ Авшоръ поставилъ шри съ съ половиною строки шочекъ. Издашелямъ сіе Стихотвореніе доставлено Кн. П. А. Вяземскимъ въ подлинникѣ и здѣсь оппечатано шочно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ подъ пера самаго Пушкина. Нѣкоторыя списки оваго, ходящіе по городу искажены нелѣпыми прибавленіями.

И з д.

XI.

ТИМОНЪ или МИЗАНТРОПЪ.

(Изъ Лукіана — съ Грегескаго).

Т и м о н ъ.

О Зевсъ дружелюбный, гостеприимный, миролюбный, домовадыка, молніеносный, клятводержитель, дождеродный, браневластительный (1), ты, носящій безчисленные имена, особливо когда у безумныхъ Поеповъ не доспаешь мѣры, ты, подкрѣпляющій паденіе стиховъ ихъ, ты хранящій въ нихъ звучное согласіе — гдѣ нынѣ пвой всегремящій перунъ, далекогласный громъ и пламенная, блестящая и ужасная молнія? Все епо однѣ пѣсни, одинъ лишь дымъ піипической, одно шумное пуспословіе; прославленное, дальномешное, дѣяшельное

---

(1) Здѣсь Лукіанъ съ умысломъ собралъ всѣ Епишесы, которыми древніе Поепы величали Зевса.

пвое оружіе, не знаю, какимъ образомъ совершенно проспыло; оно холодно, ни искры гнѣва не сохраняешь прошиву преспуниковъ. Скорѣе желающій нарушить кляпву устращишься вчера горѣвшей свѣпильны, нежели пламени пвоего всесокрушительнаго перуна. Ему кажется, что ты проспирраешь проспую лучину, огонь и дымъ копорой не спрашиы для него; онъ думаетъ полько, что опъ удара ею нанесеннаго, лишь замарается копопью; даже Салмоней (2) дерзаетъ тебѣ прошивугремѣшь, презирая хладный гнѣвъ Юпитера — Салмоней дерзновенный и щеславный! Ужь не опъ мандрагоры ли (3) заснулъ ты и не слышишь кляпводреспуниковъ, не видишь неправыхъ? Ты ослѣтъ для насшоащаго; ты оглохъ онъ смаросши. Но когда былъ еще молодъ, живой духомъ, быспрый

---

(2) Салмоней — извѣстный Царь Елидскій, сынъ Еола, разѣзжалъ по мѣдному мосту въ колесницѣ, бросая искуспвенные огни съ намѣреніемъ получишь божескія почеети; но подражаніе его кончилось неудачю — онъ пораженъ былъ молніей.

(3) Мандрагора — усыпительное растѣніе.

во гнѣвъ, многое совершалъ ты прошиву
 злочеспивыхъ; никогда не провожалъ вре-
 мени въ праздности, но всегда дѣйствова-
 вали перуны, попрясаея щипъ, гремятъ
 громъ и непрестанная пробѣгала молнія,
 какъ будто на полѣ сраженья. Земля пря-
 слась, какъ мука на рѣшеть; снѣгъ валилъ
 кучами; градъ — камнями; наконецъ, чпобъ
 все высказашъ на зло тебѣ, дожди хлынули,
 каждая капля — рѣка — разверзлись ис-
 шочки и такой въ одну минути разлился
 при Девдаліонѣ пошопъ, чмо едва одинъ
 малый ковчегъ могъ присташъ къ горѣ Ли-
 коріи, сохранивъ жизнь скудному сѣмени
 смертныхъ для рожденія великаго зла. Дол-
 жныя награды ты получаешь отъ дидхъ
 за свое нерадѣніе: ништо тебѣ не прино-
 ситъ ни жершвъ, ни вѣнцовъ, развѣ на иг-
 рахъ Олимпійскихъ, и по, не считая необ-
 ходимостью, но сохраняя древній обычай.
 Мало по малу, о славнѣйшій изъ Боговъ!
 они, оставивъ тебя за старостию, отка-
 жуть тебѣ въ почестяхъ: не хочу уди-
 нать, сколько разъ они грабили двои храмы;
 и на тебя даже наложиди руки въ Олим-
 пѣ. И ты — гремящій съ высотъ, ты
 не дерануль или послашь прошиву нихъ

псовъ, (4) или созвать сосѣдей, дабы они, спешись на помощь, схватили ихъ, еще головящихся къ бѣгству. Но ты, о мужеславенный сокрушитель Гигантовъ, бичъ Типановъ, ты сидѣль, тогда какъ они брили тебѣ волосы, (5) сидѣль, держа въ десницѣ десятилакшевый перунъ! Когдажь, о чудопворный! кончился сіе небреженіе? Когда накажешь таковое нечестіе? Сколько надо Фаэтоновъ или Девкалионовъ, дабы унять буйную дерзость смертныхъ? — Но что мнѣ до другихъ! скажу тебѣ о самомъ себѣ. — Я, возведшій на высоту величія споль многихъ Аѳинянь, бѣдныхъ содѣлавшій богатыми, не щадившій злата для блага друзей, я когда] обѣднялъ, не только они не узнають меня, не только на меня не смотрять—они, которые доселѣ съ трепетомъ обожали меня, покорные одному знаку; но если случится мнѣ на

---

(4) Собаки почитались у древнихъ вѣрнѣйшими стражами храмовъ.

(5) Лукіанъ здѣсь упоминаетъ о какомъ нибудь похищеніи въ храмѣ Юпитера Олимпійскаго. На спатуяхъ Боговъ волосы обыкновенно были золотые и пѣшому не мудрено, что привлекли хищниковъ.

пуши вспрѣпшихся съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, они проходящъ мимо меня, какъ будто мимо гробовой упавшей колонны давнишняго покойника, разрушенной временемъ— проходящъ, и не узнающъ. Да еще издали завидя, сворачивающъ въ сторону, избѣгая меня, какъ зловѣщей и ужасной вспрѣчи— меня, давно ли бывшаго ихъ спасителемъ и благодѣшелемъ? Сими-шо несчастіями приведенный въ пустыню, накинувъ рубище, взрываю землю за чепыре овола, разсуждая въ уединеніи надъ заспупомъ. Одно мнѣ здѣсь упышеніе; здѣсь я не вижу толпы, безъ заслугъ богатѣющей — что всего для меня ужаснѣе. Когда же, сынъ Крона и Реи, когда, спряхнувши тяжельый сонъ (ибо ты спишь долѣе Епименида) (6), и снова низвергнувъ перуны, или бросивъ огонь изъ Епны, обымешь все великимъ пожаромъ и явишь гнѣвъ Діа грознаго, мужественнаго, если правду говорятъ Кришяне о тебѣ и о твоей гребницѣ? (7).

(6) Епименидъ — извѣстный Кришянинъ, копорый, по преданію, спалъ сорокъ лѣтъ. ,

(7) Кришяне говорили, что Юпитеръ похороненъ близъ города Гноза.

ЗЕВСЪ и МЕРКУРІЙ.

Зевсъ.

Кто ето, Меркурій, кричишь такъ сильно изъ Аппики у подножія горы Гиметта? Весь вымаранъ, изсохъ, въ рубищѣ, и кажешся, наклонившись, роешь землю — человекъ болшливый и дерзкій. Вѣрно онъ философъ, кто бы иначе осмѣлился такъ грубо говоришь съ нами?

Меркурій.

Что говоришь, родишель? Уже ли не узналъ Тимона, сына Ехекратова, Колиппейскаго? Ето шопъ, который такъ часно угощаль насъ изобильными жертвами, недавно былъ богатъ, соверщаль всѣ гекапомбы, у котораго мы привыкли великолѣпно праздновать шоржества свои.

Зевсъ.

О судьба, судьба превратная! — Такъ ето шопъ досшойный богатъ, который такъ часто бываль окружень многочисленными друзьями! Чѣмъ онъ спрадаешъ? Изсохъ бѣдный, копаешъ землю, какъ наемникъ и тяжелый заступъ ворочаешъ.

МЕРКУРІЙ.

Сказать просто, такъ честность, чело-
 вѣколюбіе и состраданіе ко всѣмъ бѣд-
 нымъ его погубили, а говоришь правду, по
 безуміе, оплошность и неразборчивость въ
 друзьяхъ. Онъ не видалъ, что благошво-
 рить волкамъ и коршунамъ; но несчаст-
 ный! тогда какъ многіе враны шерзали его
 сердце, онъ почивалъ ихъ друзьями, пова-
 рищами, думалъ, что они изъ любви же къ
 нему наслаждаются пищею; а они, обна-
 живъ до чиста его кости, оглодавъ ихъ и
 послѣдній мозгъ спарашельно изъ нихъ вы-
 сосавъ, ошлепѣли, оставили его изсохшаго,
 обрѣзаннаго съ ногъ до головы, не узнавая,
 не глядя на него. (да и къ чему?) — не го-
 ворятъ уже о помощи, о благодарности. Вотъ
 почему онъ спалъ пахаремъ, надѣлъ, какъ
 видишь, рубище и оставивъ опъ спыда
 городъ, за малую плату копаетъ землю,
 обезумѣвъ опъ несчастій, тогда какъ имъ
 обогащенные съ презрѣніемъ мимо его про-
 ходятъ, не зная даже, что и зовутъ его
 Тимономъ.

ЗЕВСЪ.

Ешопъ челоѣкъ не долженъ быть
 презрѣнъ; въ такихъ спраданіяхъ онъ спра-
 ведливо ропщетъ: ибо мы поснупили съ

нимъ, подобно симъ нечестивымъ льстецамъ, забывъ чловѣка, копорый пысячи самыхъ пучныхъ воловъ и козловъ сожигалъ на олпяряхъ нашихъ — еще теперь я обоняю ихъ запахъ. Впрочемъ и некогда было, здѣсь усмирялъ я мяшежниговъ, кляшвопреспупниковъ, грабипелей; памъ спрашился свящопашцевъ, копорыхъ шакъ много спало, что не возможно и усперечь!—ни на минушу не даюшь глазъ сомкнушь; за всѣми епими недосугами я давно уже не смопрѣлъ на Апшику, а особливо, какъ Философія и словопрѣнія памъ воцарились. Въ епихъ бипвахъ, въ епомъ крикѣ, невозможно внимапъ моленіямъ. Должно или, запкнувъ уши, сидѣпъ праздно, или перзапъся скукою, слушапъ, какъ они велегласно проповѣдуошь о какой-то добродѣтели, о существахъ безшѣлесныхъ и другихъ пустякахъ. Вопъ почему и забылъ я сего благочеспиваго мужа. Меркурій! Сей часъ же возми Плусуса и опведи его скорѣкъ Тимону. Плусусъ да возмепъ съ собою Сокровище, да оспанутся они оба у Тимона и да не скоро оспавяпъ его, даже когда онъ по своей добродѣтели будепъ выгоняпъ ихъ изъ дома. Чпожъ касаепся до льснецовъ, до ихъ неблагодарности, ко-

порую они передъ нимъ обнаружили , я топчасъ займусь ешимъ дѣломъ; они примуть наказаніе , дай только изгоповить перуны. Нынѣ упромъ сокрушились у меня два самыя лучшіе; я хотѣлъ поразить сильнѣе мудреца Анаксагора, увѣрявшаго учениковъ своихъ , что будто бы мы Боги во все не существуемъ ; не попалъ (Перикль рукою защитилъ своего учителя) (8), а перунъ, зажегши храмъ Кастора и Поллукса, самъ едва въ прахъ не разбился о камень. Впрочемъ и по будепъ льспедамъ славное наказаніе , когда увидятъ они Тимона вновь разбогатѣвшимъ.

МЕРКУРІЙ.

Вопъ что значить кричатъ, шумѣтъ и бѣтъ дерзкимъ! Видно не только въ тяжбахъ , но и въ прошеніяхъ ето полезно. — На примѣръ сей часъ же Тимонъ изъ бѣднѣйшаго попадетъ въ богатѣйшіе, а чѣмъ, если не крикомъ и свободною искренностію въ молишвахъ онъ привлекъ къ себѣ Дія? Еслибъ Тимонъ молча рылся, сторбасъ надъ

---

(8) Анаксагоръ обвиненъ былъ въ безбожіи. Перикль защитилъ его въ судѣ своимъ краснорѣчіемъ , котораго одну изъ главнѣйшихъ частей у древнихъ соспавляли шѣлодвиженія.

заснупомъ—и теперь еще рылся бы въ заб-
ненія.

ЗЕВЕСЬ, МЕРКУРІЙ и ПЛУТУСЬ.

П л у т у с ь .

Зевесъ, я не пойду къ нему.

З е в е с ь .

Какъ, добрый Плутусъ, когда я ещо
приказываю?

П л у т у с ь .

Потому что онъ, ей Богу, меня оби-
дѣлъ, выгналъ, . разорвалъ на часпи, меня,
друга опца его; только что не вынесъ на
жилахъ изъ дома, ну знаешь, какъ люди изъ
рукъ огонь бросающъ. Вѣдь снова же
передаспъ онъ меня шуендцямъ, лъспецамъ
и любовницамъ. Нѣпъ, Зевесъ, пошли меня
къ шѣмъ, которые будупъ цѣнишь дары
мои и пеѣисъ о нихъ, къ шѣмъ, у копо-
рыхъ я въ часпи—предметъ ихъ желаній.
Пуспъ глунцы прилѣпляюпся къ бѣдноспи,
предпочипая ее намъ и взявъ у ней ру-
бщце и заснупъ, пуспъ они довольспиву-

юся четырью оболами, они — пренебрегшіе дарами десяти-шаланіиными.

З Е В Е С Т Ъ .

Нѣтъ, Тимоиъ такъ не поспунитъ съ побою: заснупъ сей научилъ Тимона (если мышцы его не совсѣмъ почувспвипельны), предпочипашъ себя бѣдноспи. Да ты, маъ кажешся, слишкомъ любишь жалованься. Нынѣ обвиняешъ Тимона въ томъ, что онъ, опворивъ тебѣ двери, позволилъ свободно прогуливанься, не запирая, не ревнуя къ тебѣ, а иногда напрошивъ пы сердишься на богачей, говоря что они и запорами, и ключами и печанью себя запираютъ, чипобъ тебѣ и божіаго свѣта не видно было. Ты плакалъ предо мною и жаловался, что задыхаешся въ ужасномъ мракѣ и потому казался намъ блѣднымъ, сухимъ опъ заботь, проспирающимъ пальцы, какъ будпо что по расчишывая и грозилъ, схвапивши случай, убѣжашъ опъ своихъ мучишелей. Однимъ словомъ, тебѣ жестко казалось спашъ на мѣдномъ или желѣзномъ ложѣ, какъ Даная невольпо дѣвспвовать и жить подѣ руководспвомъ докучныхъ и гибельныхъ учишелей, *выгоды* и *разгста*. Ты говорилъ, что не дѣло они дѣлаютъ, итъ къ

*

тебѣ спрасать чрезмѣрную; при возмознощн не смѣя употреблять сокровищъ; безъ свободы питае: къ тебѣ любовь; будучи не господами, но неусыпными спражками, не смыкая глазъ, наблюдающими печачи и зашворы свои; почитая лучшимъ наслажденіемъ не самимъ наслаждаться, но никому не давая участвія въ удовольствіи, подобно псу, лежащему на снѣ, которій и самъ не ѣстъ правы, и голодному коню не даешь. Ты еще и смѣлся надъ пѣмъ, что они все берегутъ, хранятъ, а всего чудеснѣе, самихъ себя подозрѣваютъ, не зная, что какой нибудь презрѣнный рабъ, или управитель, или воспитатель дѣшей, тихонько ускользнувъ въ кладовую, издѣвается надъ малодушнымъ хозяиномъ, между пѣмъ, какъ онъ при лускломъ ночникѣ съ пощей свѣпильною проводитъ ночи за счешами. Какая же въ тебѣ справедливосщъ? Ты недавно епо обвинялъ, а нынѣ осуждаешь Тимона за прошивное.

П л у т у с ъ.

Если хочешь знать истину, обѣ мои жалобы справедливы. Поступокъ Тимона со мною вѣрно всякому покажется небрежнымъ, необдуманымъ, безразсуднымъ, какъ

равно и пѣхъ, копорые храняшъ, запираюшъ, меня затворами во мракъ, спараюшся о томъ, "чѣпобъ я' былъ тучень, жирень, до-родень, сами ко мнѣ не прикасаются, ни выпускаюшъ меня на свѣтъ, чѣпобъ кто нибудь не увидѣлъ;—равно и сихъ починаю безумцами; припѣснишелями; они меня невиннаго' упомляюшъ цѣпями, не зная, что вскорѣ оспавяшъ, оцдавши' какому нибудь, другому счастливицу. Я не одобряю ни пер-выхъ, ни послѣднихъ; но люблю тѣхъ, копорые умѣренно наслаждаюшся, не опка-зываюшся опъ всего, и не истощаюшъ въ мигъ всѣхъ сокровищъ. — Разсуди, о Зевесъ, ради Бога, ешъли кто, получивъ закон-нымъ образомъ молодую, прекрасную жену, не будетъ хранитъ ея, ни пипашъ къ ней нѣжной ревности, но еще самъ желая, чѣпобъ она прогуливаясь и ночью и днемъ, встрѣчала своихъ обожашелей, самъ, ошво-ривъ двери, поведетъ ея на распущиво, шоргуя ея красотою и всѣхъ къ ней сзы-вая — не ужели такой мужъ любитъ жену свою? Вѣрно, Зевесъ, ты скажешь нѣтъ, ты самъ такъ часпо влюблялся. Ешъли же кто напропивъ, взявши законно жену свободную въ домъ свой для рожденія дѣ-тей, ни самъ не коснется къ цвѣпущей

возрастомъ и красотою дѣвъ, ни другому же позволить взирать на нее; но зашворивъ ее бесплодную, будетъ хранить ея дѣвственностъ, утверждая, что онъ ее любитъ, доказывая любовь свою блѣдностью лица, изсохшими тѣломъ, впалыми глазами, не безумствуетъ ли онъ, когда вмѣсто того, чтобы наслаждаться бракомъ, убиваетъ споль благообразную, плѣнительную дѣву, какъ будто хранишель жрицы Церерыиной? Вопиь почему я жалуясь, что иные безъ милосердія рвутъ и истощаютъ меня, другіе купятъ цѣнами, какъ бѣлаго, клейменого раба.

З е в е с ь .

Да за чѣмъ же ты жалуешься? Люди обоего рода строго наказываются. Первые, какъ Таншаль, съ пустымъ желудкомъ алкаютъ, открывая уста свои на одно только злато, у вторыхъ, какъ у Финей, Гарпидіи опнимаютъ пищу у самаго рта. Но иди же къ Тимону, онъ гораздо спалъ благообразнѣе.

П л у т о с ь .

Но переспанетъ ли онъ когда нибудь, какъ дѣзъ бочки бездонной, послѣшно выдм-

вашъ меня прежде, нежели я совсѣмъ войду въ нее, какъ будто желая предупредить разливъ, чтобы я, наполнивъ ее черезъ край, не пошопилъ и его? Мнѣ кажется, я лью воду въ боѣку Данаидъ и напрасно ее наполняю, потому что дно не закрыто; при томъ же оно такъ широко, такъ легко выходитъ, что не успеешь влить воду, какъ она ужъ и выливается.

З в ѣ е с т ь . . . . .

И, такъ, если не зашворить онъ всегда открытаго дна, ты пошчасъ выпечешь и онъ снова легко найдетъ рубище и заступъ на отсѣдѣ бочки. Но ступайте, обогащите Тимона; а ты Меркурій, не забудь привести къ намъ Циклоповъ изъ Египта, чтобы они напочили перунъ нашъ; мы нуждаемся въ оспромѣ.

МЕРКУРІЙ и ПЛУТУСЪ.

М Е Р К У Р І Й .

Пойдемъ же, Плутусъ. Что это? ты хромаешь? Я не зналъ, другъ мой, что ты не только слѣпъ, но и хромя.

П л у т о с ъ .

Епо не всегда , Меркурій ! Но шолько лишь когда Юпитерь меня къ кому нибудь посылаешъ , не знаю самъ ошъ чего я иль нивь и хромаю на обѣ ноги , даже шакъ , чшо иногда я еще не достигнуль конца , а ожидающій меня ужъ и соснарѣлся . Если жъ должно оставить кого нибудь , леу на крыльяхъ , куда швои шицы ! Лишь шолько поданъ знакъ , я ужъ провозглашенъ побѣдителемъ , перескочилъ все респалище шакъ , чшо иногда и зрители не замѣнили .

М е р к у р і й .

Не правда ! Да я многихъ могу назвашъ тебѣ , копорымъ вчера не на чшо было купить веревку , чшобы удавишься , а нынѣ у нихъ ошкуда взялось богатштво и роскошь ; разѣзжаютъ на бѣлыхъ коняхъ шѣ , у копорыхъ и осла никогда не бывало , украшающа пурпуромъ , золошыми кольцами и , я думаю , сами не вѣрятъ , чшо они не во свѣ богаты .

П л у т о с ъ .

Епо дѣло другое , Меркурій ; тогда хожу я не на своихъ ногахъ , не Зевесъ , но Плутосъ .

шонъ посылаетъ меня къ нимъ — Плутонъ всещедрый, обильный въ дарахъ своихъ, чпо и имя его показывается (9). Когда нужно меня переселишь опъ одного къ другому, шощасъ описавъ на бумагѣ, спарашельно скрѣпивъ подписью и печатью, взявши меня въ беремя, перепасквтаюиъ. А мершвый господинъ мой лежишь себѣ въ какомъ нибудь шемномъ уголкѣ, вешая просныня наброшена на голыя колѣна, лежишь—несчастливая добыча кошекъ. А наслѣдники уже на площади ждущъ меня, разинувъ ршы, какъ неоперенныя пшашки, лепечущія при видѣ лепящей къ нимъ матери. Какъ снимушь печать, разорвушь обвершку, опкроюшь завѣщаніе, шушь провозгласишь новымъ господиномъ моимъ или родшвенникъ, или льспець, или какой либо служишель ужъ съ бришой бородой, предпочшительшо другимъ юношамъ великую награду принимающій за разнообразныя удовольствія, которыя онъ, уже въ возрастѣ, доставлялъ господину. Онъ, кто бы ни былъ, схвапивъ меня вмѣстѣ съ за-

---

(9) Имя *Πλούτων* происходитъ отъ слова *πλούτιω* обогащаю.

вѣщаніемъ , несется на колесницѣ , вдругъ переименовавъ себя изъ какого нибудь прежняго Пиррія , или Дрома , или Тивія , въ Мегаклеи , или Мегабизы , или Прошархи , осмавляешъ другихъ , кошорые , напрасно зѣвая , глядятъ другъ на друга и справедливо сожалѣютъ о томъ ; что такая рыба сорвалась съ уды , не малую пожравши добычу . Онъ нападаетъ на меня , жестокій , не зная приличія — онъ , кошорый , спрашася цѣпей , потчасъ подымалъ уши , при всякомъ внезапномъ ударѣ хлыста и мѣльницу свою почипалъ храмомъ , — онъ не только спановипся несносенъ всѣмъ , его вспрѣчающимъ , но обижаетъ людей свободныхъ , сѣчетъ рабовъ своихъ , какъ будто испытывая , позволяшъ ли ему ешо ? — до тѣхъ поръ пока или прилѣпленный къ сладостраспію , или изъ любви къ лошадамъ , или предавшй себя самага въ руки льстецовъ , кошорые клянущся , что онъ благообразиѣ Нирея , знашиѣ родомъ Цекропа или Кодра , мудрѣ Улисса , въ шесинадцашъ разъ богаче Креза — въ минушу несчастный все , что собралъ по немногу нарушенными клятвами , грабежемъ и обманами . — расточиплѣ.

МЕРКУРІЙ.

Ты говоришь почти бывалое. Но скажи мнѣ, когда ты ходишь на ногахъ своихъ, какимъ образомъ, будучи такъ слѣпъ, находишь дорогу? Какъ узнаешь лица, къ которымъ посылаетъ тебя Зевесъ, починая ихъ достойными богатства?

Плутусъ.

Ты думаешь — я спрашиваю, кто они?

МЕРКУРІЙ.

Безъ сомнѣнія. Ты вѣрно, пренебрегши Ариспида, не пойдешь къ Гиппонику, Каллію и другимъ Аѳинянамъ, не спующимъ и овола. Но безъ шупокъ, какъ ты исполнишь посланія Зевеса?

Плутусъ.

Расхаживаю взадъ и впередъ да шѣхъ поръ, пока неосторожно попаду къ комунибудь, и первый, меня поймавшій, опводитъ домой и владѣетъ мною, благодаря тебя, Меркурій, за неожиданную добычу.

МЕРКУРІЙ.

Такъ ты обманываешь Зевеса? Онъ думаетъ, что ты обогащаешь только шѣхъ, которыхъ по мнѣнію его достойны.

Плутусъ.

Нѣтъ, я справедливъ, другъ мой! За чѣмъ Зевесъ, зная слѣпошу мою, посылаетъ меня искать такой вещи, которой найми

невозможно, которая давно уже оставила смертных, когда и сама Линкей не скоро найдешь ее—такъ рѣдка и мала она? Въ городахъ же добрыхъ очень мало, все наполнено злыми, но и не мудрено, что я нападаю на злыхъ и они меня ловятъ.

МЕРКУРІЙ.

Какъ же ты, оставляя ихъ, бѣжишь такъ свободно, не видя дороги?

ПЛУТУСЪ.

Когда дѣло дойдешь до побѣга, откуда возьмутся глаза и ноги.

МЕРКУРІЙ.

Опѣвай еще мнѣ на епо, какимъ образомъ ты слѣпой, да кромѣ того надо признаться, блѣдной, хромой, имѣешь столько обожателей, что всѣ почти смертные къ тебѣ устремляютъ взоры и овладѣвши побою, почищаютъ себя счастливыми; безъ тебя же не перпятъ и самой жизни! — Немало людей я знаю, которые такъ несчастно тебя любили, что бросались съ высокихъ утесовъ въ глубокія бездны морей, вообразивъ, что ты презираешь ихъ; ибо сначала не кинулъ на нихъ взглядъ.

Впрочемъ я увѣренъ, ты и самъ согласишься, если знаешь себя, что они бѣснующся, преслѣдую тебя съ такою любовію.

П л у т у с ь.

Ты думаешь, что они видятъ меня такимъ, какъ я есмь, видятъ, что я слѣпъ, хромъ и имѣю другіе недостатки.

М е р к у р і й.

Да какъ же, Плутусъ, если только они сами не слѣпы?

П л у т у с ь.

Они не слѣпы, другъ мой, но невѣжестиво, заблужденіе, нынѣ всѣмъ овладѣвшія, омрачаютъ ихъ взоры. Да я и самъ, чпобъ не вовсе казаться безобразнымъ, надѣваю прекрасную личину, позолоченную, украшенную дорогими каменьями, и облеченный въ разныя шкани, являюсь передъ ними. Они же, думая видѣть самую красоту олицетворенную, пылаютъ спраспїю и губятъ себя, если не овладѣютъ мною. Но когда бы кто нибудь въ нагопѣ меня показалъ имъ, вѣрно оиибъ себя прокляли, увидя слѣпопу свою, узнавъ, что они обожали лице столь ненавистное, столь безобразное.

МЕРКУРІЙ.

Да какъ же , пріобрѣвши богатство и познакомившись съ тою личиною , они все еще обманываются , и если кто вздумаетъ опинять ее , скорѣй опидадутъ свою голову , нежели личину ? Не лъзя повѣрять , чпобъ они , проникая въ швою внутренность , не знали , что еша личина позолоченная .

ПЛУТУСЪ.

У меня не мало , Меркурій , въ ёпомъ помощниковъ .

МЕРКУРІЙ.

Кпожь они ?

ПЛУТУСЪ.

Лишь только кто либо первый , со мною встрѣтившись , распворитъ насшежь двери и приметъ меня къ себѣ , вмѣстѣ со мною уградкой входятъ высокомѣріе , безуміе , гордоспъ , изиѣженноспъ , дерзоспъ , заблужденіе и пысячи другихъ спутниковъ . Когда они всѣ овладѣютъ его душою : онъ удивляется вещамъ обыкновеннымъ , спремипся ко вредному , а меня , виновника всѣхъ золъ , къ нему вошедшихъ , хранишь окруженнаго сими спражами и скорѣе все вы-

першишь, нежели согласишься меня опшиспить.

МЕРКУРІЙ.

Да швое шѣло шакъ скользко; Плутуешь, сколь легко убѣгаешь, | столь трудно теби удержашь; у тебя нѣшть на шѣлѣ ни одного швердаго крючка, за который бы можно было ухвашиться; но шы подобно вьюну, или змѣ, какъ то скользишь между пальцами. А бѣдность напрошивъ шакъ липка, шакъ легко поймашь ее, шакъ брючковашо ея шѣло, чшо, допронувшись до нее, въ ней прилипнешь и не легко опшпашь. Но мы заболшались и забыли о важномъ дѣлѣ.

Плутуешь.

О какомъ?

МЕРКУРІЙ.

Да мы не ведемъ съ собою Сокровища, которое намъ всего нужнѣе.

Плутуешь.

Не заботься о немъ. Опшправляясь къ вамъ, я всегда опшавляю его въ землѣ и велю ему сидѣшь у запершой двери и никому не опшворяшь ее, если не услышишь моего голоса.

МЕРКУРІЙ.

Мы уже вступаемъ въ предѣлы Аппики.
Слѣдуй за мною, ухватись крѣпче за полу
одежды, пока мы дойдемъ до пущыни Ти-
мона.

ПЛУТУСЪ.

Хорошо дѣлаешь, Меркурій, что ведешь
меня; иначе ябъ могъ, заблудившись, на-
пасть на Ипербола или Клеона. Но что
это за звукъ? какъ будто желѣзомъ бьютъ
о камень!

МЕРКУРІЙ.

Еще Тимонъ роетъ каменную, пвер-
дую землю. Ба, ба, ба! при немъ Бѣднось,
Трудъ, Воздержаніе, Мудрость, Мужество
и вся толпа, надъ коей царствуетъ Гладь;
но они гораздо лучше своихъ пѣлохрани-
телей.

ПЛУТУСЪ.

Лучше бы намъ убѣжать скорѣе, Мер-
курій! Что можемъ мы сдѣлать важнаго
надъ человѣкомъ, окруженнымъ шаковымъ
полчищемъ?

МЕРКУРІЙ.

Иначе угодно Зевесу: оставимъ боязнь.

МЕРКУРІЙ, ПЛУТУСЪ, БѢДНОСТЬ съ ея
свиною, ТИМОНЪ.

БѢДНОСТЬ.

Куда ведешь ты, Меркурій, естаго
слѣпца?

МЕРКУРІЙ.

Мы посланы къ Тимону отъ Юпитера.

БѢДНОСТЬ.

Какъ! снова Плутусъ къ Тимону, послѣ
того какъ я приняла его, удрученнаго бѣд-
спвіями Роскоши и предавъ Мудрости и
Труду, одарила его и мужеспвомъ и достоин-
спвомъ! Вы такъ презираете бѣдность,
такъ легко вамъ ее обидѣшь, что опни-
маете у нее единое достояніе, возвра-
щенное снова къ добродѣтели, дабы Плу-
тусъ, овладѣвъ имъ, предалъ его снова Дер-
зости и Тщеславію и содѣлавъ подобнымъ
прежнему, изнѣженнымъ, малодушнымъ и
безразсуднымъ, бросилъ его мнѣ, какъ изно-
шенную одежду.

МЕРКУРІЙ.

Бѣдность! такъ угодно Зевсу.

БѢДНОСТЬ.

Удаляюсь. И вы, о Трудъ и Мудрость,
Мнемозина. Часть IV.

и вы, другіе спутники, послѣдуйте за мною. Быть можетъ, онъ узнаетъ послѣ, что лишился во мнѣ и благодушельной помощи и наставницы всего лучшаго. Пока былъ онъ со мною, здравый пѣломъ, добрый духомъ, онъ велъ жизнь человека, наблюдалъ себя, все прочее почиталъ чуждымъ, какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ.

МЕРКУРІЙ.

Они удаляются; подойдемъ къ нему.

МЕРКУРІЙ, ПЛУТУСЪ, ТИМОНЪ.

Тимонъ.

Кпо вы, проклятые? Или пришли сюда мѣшать прудящемуся наемнику? Но не съ радостію опселъ пойдете; вы всѣ ужасны! Сей часъ раздавлю васъ сими грудами камней.

МЕРКУРІЙ.

Нѣтъ, Тимонъ, не бросай! Ты не на людей ихъ бросишь. Я Меркурій, онъ Плутусъ. Зевесъ, услышавъ мольбы твои, насъ послалъ къ тебѣ. Прими въ добрый часъ сіи сокровища и оставь пруды свои.

Тимонъ.

Вы хопь и Боги по словамъ вашимъ .
но у меня возрыдаеше. Я всѣхъ равно не-
навизижу — Боговъ и людей , а ешому слѣ-
пому, кто бы онъ ни былъ , непремѣнно
бышь убишу моимъ заступомъ.

П л у т у с ъ :

Уйдемъ, Меркурій, ради Бога! Онъ, мнѣ
кажешся, въ припадкѣ. Уйдемъ, чшобъ не
было худо!

МЕРКУРІЙ.

Не дурачься, Тимонъ. Оспавъ свои ди-
кій и грубый нравъ, прими въ объятія
благодѣтельное счасіе , пвори снова бо-
гашыхъ, будь первымъ изъ Афинянь, и пре-
зри неблагодарныхъ, счасливыхъ однимъ
побою.

Тимонъ.

Мнѣ въ васъ нѣшь нужды. Не иѣшайте
мнѣ. Заступъ — вотъ мое собственное
богашство. Я блаженнѣйшій изъ смерт-
ныхъ, если никто меня не шрогаешъ.

МЕРКУРІЙ.

Епо безчеловѣчно, мой другъ !

*Дію скажу ли сіи негастныя смертнаго
рѣчи! (10)*

Тебѣ можно ненавидѣшь людей за спраданія, отъ нихъ прешерпѣнныя; но какъ же ненавидѣшь Боговъ, которые о тебѣ пекутся?

Тимонъ.

Къ тебѣ, Меркурій, и къ Зевсу храню великую благодарность за спаранія ваши; Плутуса же ни за что не приму.

Меркурій.

Да почему жъ?

Тимонъ.

Попому что онъ нанесъ мнѣ тысячи бѣдливій, предалъ меня льстецамъ, знакомя съ людьми злосовѣтными, возбудилъ во мнѣ ненависть, сокрушилъ меня сладоспращіемъ, подвергнулъ зависти, и чтожь наконецъ? оставилъ меня сираго коварно, измѣнически. Но благодѣтельная Бѣдность, упражняя меня въ прудахъ мужеспвенныхъ, съ истиною и свободою бесѣдуя со мною, мнѣ за пруды доставила необходимое, научила презирать всѣ богатства, во

---

(10) Стихъ изъ Гомеровоу Иліады.

мнѣ самомъ основавъ всѣ надежды жизни и показавъ, сколь велико по мое сокровище, копораго не въ силахъ опныпъ ни льспець ласкапельспвомъ, ни клеветникъ — спрахомъ, ни народъ — гнѣвомъ, ни орапоръ — своимъ мнѣніемъ, ни пиранъ — злоумышленіемъ. Укрѣпленный трудами, дѣятельно обрабатываю сіе поле, не вижу градскихъ бѣдспвій и засшупъ мнѣ доспавляешъ довольство. И такъ возвратись, Меркурій, къ Юпишеру съ Плутусомъ. Я доволенъ буду и тѣмъ, если онъ всѣхъ людей спенашъ заспавишъ.

МЕРКУРІЙ.

Совсѣмъ нѣпъ, другъ мой! Не всѣ сотворены на спенаніе. Оспавъ пвой гнѣвъ, пвой незрѣлыя заблужденія и прими Плутуса. Не должно презирашъ даровъ Юпишера.

ПЛУТУСЪ.

Хочешъ ли, Тимонъ, чшобъ я оправдался передъ тобою? Или ты сердишся, чшо я говорю?

ТИМОНЪ.

Говори, да только скорѣе, безъ предисловій, не такъ какъ записные Орапоры.

Я позволю тебѣ сказать не много, и по
для Меркурія.

П л у т о с ъ.

Кажется мнѣ бы можно побольше поговорить за свое ужасное обвиненіе. Разсмотри, какую нанесъ я тебѣ обиду? я, которъй былъ виною всѣхъ твоихъ удовольствій и почестей, и первенства, и вѣнцовъ, и другихъ опличій. Черезъ меня ты сдѣлался достойнымъ уваженія, тебя прославили и спали искашь. Если жъ ты поспрадалъ ошь льсепцовъ, я не виновенъ. Напротивъ я ошь тебя претерпѣлъ обиды, ты меня такъ безчестно бросилъ въ руки людей пресупныхъ, горделивыхъ, коварныхъ и всѣми умыслами прошиву меня возстающихъ. Наконецъ ты говоришь, что я тебя предаль. Я напротивъ тебя обвиняю, какъ ты, всѣми способами меня изгоняя, едва по шеѣ не вышолкалъ изъ дома. И вмѣсто нѣжныхъ тканей, почпенная Бѣдность одѣла тебя въ ешо рубище! Меркурій свидѣшель, какъ умолялъ я Зевса дозволишь мнѣ не ходишь къ тебѣ; споль неприязненно меня изгнавшему.

МЕРКУРІЙ.

Но видишь ли ты, Плутусъ, какимъ онъ спалъ нынѣ? Поживъ съ нимъ долѣе — и ты къ нему привыкнешь. Рой, Тимонъ, свою землю. А ты, Плутусъ, вели явишься сокровищу изъ подъ заплата; оно услышитъ твоей голосъ.

Тимонъ.

Должно покориться, Меркурій, и снова разбогатѣть. Чего не претерпитъ смертный, когда Боги принуждаютъ? Но посмотри, куда ввергаешь ты меня несчастнаго? До сихъ поръ я провождалъ жизнь блаженную, и снова теперь приму сіе золото, а вмѣстѣ съ нимъ ужасныя заботы, право незаслуженныя.

МЕРКУРІЙ.

Терпи, Тимонъ, для меня, хоть оно и трудно и несносно; по крайней мѣрѣ, чтобы льстецы твои лопнули отъ зависти. А я чрезъ Египту полечу на небо.

~~~~~

ПЛУТУСЪ и ТИМОНЪ.

Плутусъ.

Онъ улешълъ, какъ кажешся. Миѣ слышался шумъ крыльевъ. Ты же останься здѣсь. Я уйду отъ тебя и пришлою къ тебѣ Сокровище. Ударяй болѣе землю. А ты, Сокровище златое, покорись себѣ Тимону и позволь ему взятьъ тебя. Рой же, Тимонъ, доспигаи глубины — я удалюсь.

ТИМОНЪ, *одинъ*.

Дѣйснвуй, о заступъ, да укрѣпишься ты, да не ушрудишься, вырывая наружу изъ нѣдръ земли Сокровище! О Зевесъ чудопворный, вы благосклонные Кориванпы, ты — Ермій щедролубивый откуда миѣ сполько золота! Не сонъ ли епо? Не схвашишь бы миѣ по пробужденіи горящихъ угольевъ? Но нѣтъ — епо золото клейменое, красноватое, полновѣсное и на видъ прелестнѣйшее!

О злато, даръ прекрасный смершнымъ! (11)

(11) Стихъ изъ Пиндара.

Подобно огню пламенѣющему, ты бли-
стаешь и ночью и днемъ. Приди, о милое,
возлюбленное Сокровище! Нынѣ я только
увѣрился, что Юпитеръ нѣкогда превра-
тился въ золото. Какая дѣвица не приняла
бы на открытыя перси споль прекраснаго
любownika, лиющагося чрезъ кровлю? О Ми-
дась, о Крезъ — вы, священныя сокровища
Дельфовъ, сколь вы ничтожны предъ Ти-
мономъ, предъ богашствомъ Тимона, съ ко-
торымъ не сравнишь и Царь Персїи! О
заслупъ, ты — любезное рубище! Теперь
всего лучше посвящайъ васъ Богу Пану. (12)
Самъ же я куплю всю епу пуспыню, по-
спрою надъ сокровищемъ башню, буду
спокойно въ ней жить одинъ и здѣсь по
смерти думаю найши себѣ и гробъ саяый.
Мною рѣшено, ушверждено закономъ на
осташокъ жизни удалиться отъ всѣхъ, не
знать никого и всѣхъ презирашь. Другъ,
знакомый, поварищъ, олтарь соспрананїя—
все епо одни пѣсни. Ушѣшашъ плачущаго,
пецись о немущемъ, — беззаконїе, нару-
шенїе обычаевъ. Жизнь моя да будетъ
уединенна, какъ жизнь люпыхъ звѣрей и

(12) По перемѣнѣ рода жизни древнїе имѣли обы-
чай приносить жертвы Богамъ защитникамъ

единный другъ мой — Тимонь! Всѣ прочіе — враги, злоумышленники. Бесѣда съ ними — язва. Когда увижу одного изъ нихъ — пошью день несчастнѣйшій. Они ни чѣмъ для меня не оплчны — опть мраморныхъ или мѣдныхъ, спашуй. Не примемъ опть нихъ ни вѣспника, не заключимъ съ ними договора. Пустыни и горы да будутъ опдѣлять насъ. Трибы, Куріи, сограждане и самое опечесство — все лишь холодныя, безпольныя названія — одно щеславіе людей безумныхъ. Да разбогатѣетъ единный Тимонь, да презришь оубъ всѣхъ, да наслаждается жизнью одинъ самъ съ собою, устранный опть лести и похвалъ несперныхъ! Да онъ одинъ приносилъ жертвы Богамъ, самъ себѣ и сосѣдъ и ближній! На всегда полагаю любить одного себя и если придетъ кончина, самому себѣ возложилъ на главу вѣнецъ смерти (15). Мизантропъ — да будетъ моимъ именемъ сладостнѣйшимъ, а признаки моего нрава — суровость, жестокость, грубость, гнѣвъ, безчеловѣчіе. Увидѣвши кого нибудь старающаго въ огнѣ и молящаго о помощи — шущилъ смолою

(15) На мертвыхъ обыкновенно полагали вѣнцы при похоронахъ.

и масломъ. Если бы кого несъ мимо меня дождевый пошокъ и погибающій, проспирая руку, молилъ о спасеніи — ударилъ его въ голову, чпобъ онъ погрузился и не могъ уже выплыть. Такъ да воспріимуть они dospойное. Предложилъ сей законъ Тимонъ, сынъ Ежекратовъ, Колипшейскій, утвердилъ его въ совѣщаніи съ самимъ собою самъ же Тимонъ. Быть по сему, мы опредѣлили и пвердо сему послѣдуемъ. — Но впрочемъ я весьма бы желалъ, чпобъ всѣ узнали мое внезапное обогащеніе,—для нихъ епо бь было ппжелѣе вискълицы. Но что такое? Откуда еша быспроша? Оиговсюду сбѣгаются запыленные, запыхавшіеся, ну почно у нихъ чупше на золото! Чшо дѣлать? или взошедши на епощъ холмъ, бросая въ нихъ сверху камни, прогнашь ихъ? Или хощь одинъ разъ нарушилъ законъ и начашь съ ними разговоры, чпобъ удобнѣе нанесшь удары презрѣннымъ? Епо, я думаю, лучше. И шакъ примемъ ихъ — они уже близко. Посмотримъ, кто изъ нихъ первый? — Гнаѳонидъ! — епощъ льспець, который вчера мнѣ, просящему милоспыню, прошянулъ веревку, а у меня выпивалъ цѣлыя бочки, Хорошѣ онъ сдѣлалъ, чшо пришелъ. Онъ прежде всѣхъ у меня зарыдаешъ.

ТИМОНЪ и ГНАӨОНИДЪ.

Гнаөонидъ.

Не говорилъ ли я, что Боги не оставяють Тимона, мужа доблестнаго? Привѣтствую тебя, о Тимонъ благоразумный, кроткій и веселый собесѣдникъ!

Тимонъ.

Здравствуй, Гнаөонидъ, ненасытнѣйшій изъ врановъ, преспуниѣйшій изъ смертныхъ!

Гнаөонидъ.

Ты все по прежнему шупишь. Но гдѣ же яспва? Я тебѣ принесъ новую пѣсенку изъ новосочиненныхъ диөирамбовъ.

Тимонъ.

Ты споешь мнѣ что нибудь въ родѣ Елегіи, весьма чувствительное—вошь подѣешимъ заспуномъ.

Гнаөонидъ.

Какъ! ты бьешь меня Тимонъ? Геркулесъ—будь свидѣтелемъ! Ой, ой, ой! Я представляю тебя въ Ареопагъ за ешираны.

Т и м о н ъ.

И если еще помедлишь уййи, можетъ бытъ обвинишь меня въ смертоубійствѣ.

Г н а е о н и д ъ.

О нѣтъ! но ты совершенно вылѣчишь мои раны, если не много посыплешь на нихъ золопча: ничпо такъ не остановляешь крови, какъ ешо лѣкарство.

Т и м о н ъ.

Ты все еще медлишь.

Г н а е о н и д ъ.

Нѣтъ — бѣгу. Добро тебѣ, коль ты такъ измѣнился!

Т и м о н ъ.

Кпо ешо плѣшивый—высупаетъ шакъ важно? Филіадъ, самый безспыдный изъ всѣхъ льспецовъ. Я наградилъ его цѣлымъ полемъ, дочери далъ приданого на два шаланпа за похвалу, копорою онъ одинъ, при всеобщемъ молчаніи, перевозносилъ мой голось, подшверждая кляпвою, что онъ сладкозвучнѣ лебединаго, а потомъ, когда я больной, нуждаясь въ изцѣленіи, пришелъ

къ нему — епопъ честный человекъ оп-
благодариль меня палкой.

ТИМОНЪ и ФИЛІАДЪ.

Филіадъ.

О безстыдство! нынѣ только узнаете
вы Тимона? Нынѣ лишь Гнаеонидъ и другъ
и собесѣдникъ? Онъ справедливо постра-
далъ за свою неблагодарность. Вотъ мы
такъ издавна пріишли, ровесники, земляки;
но всегда учтиво обходимся, чтобъ не оби-
дѣшь другъ друга. — Здравствуй, Государь
мой! Берегись сихъ ужасныхъ льстецовъ,
которыя всегда готовы къ сполу, но впро-
чемъ ничѣмъ другимъ опъ врановъ не оп-
личаются. Нынѣ не надо никому вѣрять;
всѣ злы и неблагодарны. Я несъ было тебѣ
палантъ для твоихъ необходимостей; но
дорогою услыхалъ, что ты пріобрѣлъ не-
смѣнное богатство и поному пришелъ
дать тебѣ сіи наставленія. Но ты такъ
премудръ, что, можешь быть, и не ну-
ждаешься въ словахъ моихъ: ты и самому
Неспору могъ бы давать совѣты.

Тимонъ.

Точно такъ, Филиадъ; но подойди сюда, дай мнѣ наставитьъ тебя вопъ ешимъ за спупомъ.

Филиадъ.

О люди! Епошь неблагодарный разбилъ мнѣ черепъ за мои полезныя совѣты!

Тимонъ.

Но вопъ и претій — епо Орапоръ Димей съ опредѣленіемъ въ рукъ, кошорый упверждаетъ, что онъ мнѣ родственикъ. Я въ одинъ день отдалъ за него республикѣ 16 талантовъ, когда за недоимокъ онъ былъ осужденъ, заключенъ въ оковы; я, сжалившись, освободилъ его, а недавно, какъ пришлось ему дѣлать казну для зрѣлицъ прибоъ Ерексійской и я попросилъ слѣдующей мнѣ части, онъ сказалъ, что не знаешь, гражданинъ ли я?

ТИМОНЪ и ДИМЕЙ.

Д и м е й.

Привѣтствую тебя, Тимонъ, великое украшеніе народа, опора Аѳинянъ, защита Еллады! Давно уже народъ и оба совѣща собрались и тебя ожидаютъ. Но прежде выслушай опредѣленіе, которое я о тебѣ написалъ: „Поелику Тимонъ, сынъ Ехекратовъ, Колиншейскій, мужъ не только отличный честностью и добродѣтелью, но и всѣхъ мудрѣйшій въ Елладѣ, всю жизнь свою многое совершалъ во славу республики, какъ то: въ одинъ день побѣдилъ на Олимпійскихъ играхъ и борьбою, и въ ристаніи на прекраснѣйшихъ колесницахъ....

Т и м о н ъ

Но я никогда не участвовалъ въ играхъ Олимпійскихъ.

Д и м е й.

Чтожъ за бѣда? Когда нибудь да будешь. Тупъ еще прибавлено многое кой-что гораздо лучше: „въ прошедшемъ году для блага гражданъ одержалъ побѣду около

Ахарны, истребивъ тысячу Пелопонис-
цовъ.“

Тимонъ.

Какъ? Да меня и въ списокъ нѣтъ, я и
не бралъ оружія.

Димей.

Ты скромничаешь; но мы, забывъ это,
были бы неблагодарны. „Предлагалъ мно-
гія благія мнѣнія и совѣты, мудро управ-
лялъ войскомъ и чрезъ сіе не мало пользы
принесъ республикѣ: опредѣлено совѣ-
помъ, народомъ, въ судѣ Еліейскомъ (14)
по прибавъ, каждымъ народомъ Аштики
въ особености и всѣми вообще —
возлѣ Милервы въ градской крѣпости
соорудить золотую статуу Тимона съ
перунами въ правой рукѣ и лучами во
кругъ головы, увѣнчать его семью золо-
тыми вѣнцами и обнародовать вѣнцы нынѣ
на новыхъ праздникахъ Діонисійскихъ, ко-
торые для Тимона непременно учредить
должно. Сказалъ сіе мнѣніе Орашоръ Ди-

(14) Судъ Еліейскій значнѣйшій судъ у Афинянъ,
въ кошоромъ разбирались дѣла народныя;
онъ сосправленъ былъ изъ тысячи человекъ.

мей, ближайшій его родспвенникъ и ученикъ; ибо Тимоень превосходень въ искусствѣ орапорскомъ, какъ и во всемъ, гдѣ пожелаешь.“ — Вотъ какое шебѣ опредѣленіе! Я хопѣлъ было привести къ шебѣ и сынка, копорато въ честь швоего имени назваль Тимономъ.

Т и м о н ь.

Какъ, Димей? Да ты никогда не былъ жекаптъ, что и я знаю.

Д и м е й.

Но я женюсь, Богъ дастъ, будущимъ годомъ, нарожу дѣшей и моего первенца (ужь вѣрно будешь сынокъ) нареку въ честь швою Тимономъ.

Т и м о н ь.

Не знаю, женишься ли ты, послѣ шакихъ ударовъ?

Д и м е й.

Ой, ой, ой! Какъ — Тимоень? ты принялся за насилія? ты смѣешь бить людей свободныхъ, чисто свободныхъ, тогда какъ самъ не гражданинъ? Но скоро ты за все

строга будешь наказанъ и за то, что под-
жегъ крѣпость Аѳинскую.

Т и м о н ъ.

Но злодѣй, вѣдь крѣпость не зажжена—
ты явно клеветишь.

Д и м е й.

Но ты разбогатѣлъ, ты подрылъ казно-
нилице.

Т и м о н ъ.

И оно не подрыто — опять еще ложь.

Д и м е й.

Когда нибудь да будетъ — ужь ты все
взялъ, что въ немъ было.

Т и м о н ъ.

Такъ вопль шебъ въ другой разъ.

Д и м е й.

Ой, ой моя спинушка!

Т и м о н ъ.

Не кричи — еще будетъ и претій.
Смѣшно бы было, если бь я, безъ оружія

поразивши тысячу Лакедемонянъ , не сладилъ съ подобнымъ шебъ человѣчкомъ. Напрасно бы тогда были мои побѣды на играхъ Олимпійскихъ. Но ешо кто? Не Философъ ли Эрасиклей? Такъ онъ самый. Развѣсилъ свою бороду , поднялъ брови , ворчишь что-то про себя , идетъ , бросая на все суровые взгляды Типана , закрывъ волосами чело свое , какъ будто самъ Борей, или Тришонъ , что на карпинахъ Зевксисовыхъ. Воишь онъ — одѣлъ просто , походкой скромень , въ одеждѣ благоразумень , упрямъ много говоритъ о добродѣтели , обвиняя любящихъ наслажденія шѣлесныя , восхваляя умѣренность , но послѣ какъ умывши руки (15) сядетъ за ужинъ и мальчикъ подаспъ ему огромную чашу (онъ охотникъ до вина чистаго), тогда-то, какъ будто упившись водою Лены , совершенно пропивное показываетъ упренимъ своимъ наставленіямъ , какъ коршунъ хвапаетъ куски , толкаетъ сосѣда , всю бороду вымаравъ яспвами , ѣстъ за проихъ , гнется , какъ будто думая въ блюдахъ кушанья найши добродѣтель и чисто выпи

(150) бычай древнихъ передъ столомъ.

раешъ пальцемъ опроспанныя чаши, чтобы ни крошки въ нихъ не оспалось. Онъ всегда пребуешъ для себя одного или цѣлый пирогъ, или окорокъ и потомъ—обыкновенное слѣдствіе алчности и невоздержанія, забавляется не пѣснями и плясками, но злословіемъ и гнѣвомъ. Тупь-по за чашею вина пойдуть рѣчи о воздержаніи и благопристойности; онъ разсуждаетъ, падая опять безсилія и лепечетъ смѣшнымъ образомъ. Наконецъ выносятъ его изъ-за стола полусоннаго. Но презвѣый, онъ никому не уступилъ ни въ обманѣ, ни въ дерзости, ни въ сребролюбіи. Онъ — первый льстецъ, за божбою дѣло не спанешъ; ложь и безстыдство имъ управляють. Впрочемъ онъ премудръ и ученъ. Ешотъ добрый человекъ у меня зарыдаешъ. Ба, ба, ба! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались мы, Орасиклей, съ побою?

О Р А С И К Л Е Й.

Не съ тѣмъ я пришелъ къ тебѣ, Тимонъ, какъ тѣ, которые, изумившись цвочему богатству сбѣжались, окриленные надеждою серебра, злата и пировъ обильныхъ, чтобы польстивъ человекъ, подобно тебѣ просному и щедролубивому. Ты знаешъ —

на ужинъ съ меня довольно хлѣба, лучшее мое кушанье — травы, а приправа—горсть соли, пишье — въ источникѣ, ешо рублище лучше всякой порфиры; золото же я почитаю не драгоценнѣе рѣчныхъ камней. Для себя одного пришелъ я, боясь, чпобъ не развратился ты богатствомъ, симъ гибельнымъ, коварнымъ достояніемъ, кошрое многимъ часто причиняло неизцѣлимыя бѣдспвія. Послушай меня, брось его въ море, оно не нужно для человека добраго, могущаго созерцать сокровища любомуудрїи. Ты не бросай его въ глубину, другъ мой! но вошедши въ воду по колѣна, брось его не подалеку отъ берега — лишь бы я одинъ видѣлъ. Если жъ не хочешь, то еще лучше вынеси его скорѣе изъ дома, не оставь ни овола, раздай все бѣднымъ, кому пять драхмъ, другому мнась, претьему — полпаланша (16). Не забудь полько, чпо Философъ достоинъ двойнаго или

(16) Оволь—шестая часть драхмы — 15 копѣекъ. Драхма — всила 62 грана, 90 копѣекъ.

Мнась — сто драхмъ Аттичскихъ — 90 рублей.

Талантъ — 750 и 1000 рублей.

пройнаго подарка. А мнѣ, я не о себѣ прошу, но чпобъ помочь бѣднымъ друзьямъ моимъ, съ меня довольно будетъ, если насыпешь ешу сумочку, въ копорую едва ли взойдетъ и два медимна Егинеискихъ (17). Мудрецъ долженъ быть умѣренъ и не замыслишь ничего сверхъ сумы своей.

Т и м о н ъ.

Это хорошо — Эрасиклей. Но прежде нежели наполню тебѣ мѣшокъ, дай мнѣ наполнишь пивою голову полчками, съ прибавкою ешаго заскупа.

Э р а с и к л е й.

О народо-правленіе! о законы! Преспунникъ насъ смѣешь бишь въ свободной республикѣ.

Т и м о н ъ.

Ты жалуешься, добрый Эрасиклей? Или я обмѣрилъ тебя? Пожалуй я еще сверхъ мѣры прибавлю чешыре хиника (18). Но

(17) Медимнъ — мѣра Греческая для швердыхъ шоваровъ.

(18) Хиникъ — мѣра хлѣбная.

что емо? Какое множество ихъ сходится!
Влепсій, Лахесь, Гнифонъ — цѣлое полчище,
но они у меня заспенаюшъ. Не лучше ли
взошедши на эту скалу, дашь опдыхъ за-
ступу; а самому, набравши множество кам-
ней, сыпать на нихъ градомъ?

В л е п с і й.

Не бросай, Тимонь! мы уйдемъ.

Т и м о н ъ.

Но не безъ крови, не безъ ранъ!....

С. Ш е в ы р е в ъ.

XII.

О Ч К И.

(Е л е г и я).

Не удивись, что я, съ хорошими глазами,
 На помощь къ нимъ искусство пригласилъ;
 И зрѣью моему, спѣсенному очками,
 Стеклянные границы положилъ.
 Я молодъ.... но давно на лбу моемъ морщины,
 Печать и думы и шрудовъ;
 Я въ опытѣ узрѣлъ души моей сѣдины
 И скорбь дополнила число моихъ годовъ.

* * *

О! было время золотое,
 Когда въ очкахъ волшебницы мечты
 Я мѣръ прекраснѣй зрѣлъ — и сердце молодое,
 Надеждой полное, не знало пустошы.
 Какъ огонь, таинственный повѣренный Природы,
 Питаясь на землѣ, стремился къ небесамъ,
 Равно душа моя, предупреждая годы,
 Опъ сущности земной небеснаго къ мечтамъ,
 Стремилась.... Ею все въ шворенки оживлялось:
 Надеждой будущность была озарена,
 Жизнь настоящая веселью отдана

И другомъ искреннимъ минувшее казалось....

.

Но сладкой сонъ не продолжился;

Сперва я съ дружбою оставленъ былъ вдвоемъ;

А памъ и съ ней проспился.

И жизнь предстала мнѣ угрюмымъ цвѣпникомъ ,

Гдѣ время розы убиваешь ,

Гдѣ время пернїя растишь ,

Гдѣ свѣжїй миршъ любви весною лишь блеститъ ,

И смерть гдѣ, можешь быть , лавръ позднїй на-

саждаешь.

* * *

Теперь все тошъ же мїръ, но я уже не тошъ.

Предъ опыпомъ мечты, надежды замолчали;

Очарованья нѣтъ — и хладный грузъ печали

Мой духъ проснувшїйся гяѣшетъ.

Въ толпѣ приятелей ищу напрасно друга;

Ищу, кому бы могъ свой пламень передашь,

Съ кѣмъ могъ бы за одно я мыслишь, ощущашъ....

У всѣхъ на языкѣ услуга,

У всѣхъ на сердцѣ зла печашъ.

Среди младыхъ красотъ напрасно пращу младость,

Ищу напрасно пошъ, съ кѣмъ могъ бы раздѣлишь

Надежды, скорби, радость,

Кѣмъ могъ бы сердца я пустыню заселишь.

Вопще!... И часто длань холодную сжимая,

Копорую обрядъ, не дружба подаешь;

Иль взоры на себя, Алина, устремляя,

Вздыхаю и печаль къ очкамъ моимъ зовешь :

„О спекла вѣрныя, скажите ,

„Что дружбы и любви земля не лишена;
 „Что дружба искренна и что любовь вѣрна
 „И прежнюю мечтой хоть мало мнѣ польстите.“

* * *

Но если въ жизни сей могу быть счастливъ я;
 Когда Алины взоръ мнѣ къ счастью путь укажетъ
 И грудь любовію взволнуется твоя;
 Когда сильнѣй всѣхъ словъ твое молчанье скажетъ,
 Что я побой любимъ; когда твоей нѣжный гласъ,
 Приятный, какъ весны лепучее дыханье,
 Произнесетъ стыдливое признанье;

Тогда, клянусь, въ топъ самый часъ,
 Чтobъ быть счастливѣе, познавъ блаженства цѣну,
 Чтobъ видѣть, жить, дышать для милой и любви,
 Я снова прогляну — и вмгъ украсятъ спѣну
 Очки разбитыя мои.

XIII.

ЛИВОНІЯ.

(Посвящ. Е. Б. Я.)

Не встанешь ты изъ вѣковаго праха,
 Ты не блеснешь подъ знаменемъ Креста;
 Тяжелый мечъ наслѣдниковъ Рорбаха,
 Ливоніи прекрасной красота!
 Прошла пора твоихъ завоеваній,
 Когда въ огняхъ превоги боевой,
 Вожди побѣдъ, смирители Казани,
 Смирялися, блѣднѣя, предъ тобой!

Но тишина постыднаго забвенья
 Не все, не все у славы опияла:
 И черныя дѣла опустошенья,
 И доблести возвышенной дѣла....
 Онѣ живутъ для Музы пѣснопѣнья
 Для гордости Поэтова чела!

Рукою лѣтъ разбиныя громады,
 Гдѣ бранная воспичывалась честь,
 Гдѣ торжество невѣдало пощады

И грозную разгорячало мечь —
 Несмѣлый внукъ Ливонца удалаго
 Глядишь на вашу краснорѣчивый прахъ —
 И нѣтъ въ груди волненія жиааго,
 И нѣтъ огня въ безсмысленныхъ очахъ !

* * *

Таковъ ли взоръ любимца вдохновенья ,
 Въ душѣ его такая ль тишина ,
 Когда ему, подъ рубищемъ забвенья ,
 Является святая спарина !
 Исполненный шайнственной опрады ,
 Онъ зришь въ мечтахъ минувшіе вѣка —
 Душа кипитъ; горятъ, яснѣютъ взгляды
 И падаетъ къ струнамъ его рука !

Н. Языковъ.

XIV.

П Ъ С Н Я.

Живу мой другъ побой всечасно ,
 Ты правишь бытиемъ моимъ
 И съ сердцемъ говорю согласно :
 Живу мой другъ побой однимъ.

* * *

Въ глазахъ моихъ все украшаешь
 Мой другъ! присутствіемъ своимъ ,
 И каждый мигъ напоминаешь ,
 Что я живу побой однимъ.

* * *

Пусть бурею природа пмишся,
 Все взоромъ прояснишь своимъ,
 И въ сердцѣ снова повшорится:
 Живу мой другъ побой побой однимъ.

* * *

Съ побой въ печальномъ разлученъ,
 Живлюся образомъ твоимъ
 И въ сердцѣ слышу изреченье :
 Живу мой другъ побой однимъ.

* * *

Все быстро время увлекаетъ,
Но другомъ я живу моимъ
Любовь и время побѣждаетъ,
Живу мой другъ тобой однимъ.

* * *

Настанетъ часъ разлуки вѣчной,
Въ гробъ съ именемъ сойду своимъ
Услышишь гласъ любви сердечной:
Жила, мой другъ тобой однимъ.

XV.

СЕКТА ИДЕАЛИСТИКО-ЭЛЕАТИЧЕСКАЯ.

(Отрывокъ изъ Словаря Историі Философіи).

(Съ сожалѣніемъ должно признаться, что мы Рускіе еще не богаты Философическими сочиненіями. Правда мы богаты курсами Словесности, Учебниками, ками, крапками и проспранными Рипориками и Пиппиками, Физическими и Химическими книгами, — но въ нихъ Философія почтена вещью поспороннею, излишнею. Нѣтъ ни одного уже не говорю полнаго курса Философіи, нѣтъ даже ни одного Журнала, котораго хотя бы нѣсколько страницъ были посвящены Философіи, — копорой бы знакомилъ насъ съ усиліями Геніевъ, друзей человѣчества, подвизающихся на пути къ сей основѣ человѣческихъ знаній, и безъ коей всякое знаніе не имѣеть никакаго существеннаго значенія, почно

также, какъ всякое шло безцвѣтно когда
 не подвержено дѣйствию свѣта. Я уже
 имѣлъ случай упоминать о снахъ, со-
 вершенно новыхъ и прекрасныхъ по части
 современнаго Любомудрiя, помѣщенныхъ
 въ Вѣспникъ Европы 1822 г. (*).

Но, упомилась рука, метавшая бисеръ —
 и шею наши Журналы по прежнему на-
 полняюцца спишками — о радости и мла-
 дости — нелѣпыми полкованiями о беспо-
 лезности Философiи, и ш. п. Но скажуль
 мнѣ, что Журналистамъ надобно сообразо-
 ваться съ духомъ Публики — согласенъ,
 но не лзя ли съ одной спороны сообра-
 зуюся съ онимъ съ другой спаранься
 привлечань чипашелей хотя мало по малу
 къ заняпiямъ болѣе возвышеннымъ. — Мы
 живемъ въ XIX столѣпiи !

Не говорю уже о высшей необходимости
 истинной Философiи; этой необходимости
 не выполкуешь глухонѣмымъ; но если бы кто
 захошѣлъ внимательнѣе посмоирѣшь на
 отношенiя, связующiя явленiя съ ихъ на-

(*) Не считаю нужнымъ оправдываться въ томъ,
 что не я Авторъ сихъ статей. Онѣ написаны
 человекомъ, который не поидеть въ соспзѣ-
 тельство съ Г. Булгаринымъ. С о з.
 Мимозима. Часть IV. 11

чалами: то нашель бы, что единственная причина тому, что мы до сихъ поръ и въ искусствахъ и наукахъ — только подражали есть презрѣніе къ Любомудрїю. Ибо возьмемъ для примѣра частный случай: гдѣ у насъ для художника нишь Аріаднина въ лабиринтѣ искусства; онъ стремится сотворить что-либо новое, оригинальное, а ему во всѣхъ нашихъ весьма не философическихъ Естествохъ твердятъ, что образованіе художника должно состоятъ въ изученїи образцовъ (*pos grands maitres*, какъ говорятъ поклонники Лагарповъ и Болѣперовъ) и къ етому присовокупляющъ опъ время Аристотеля до сихъ поръ еще повторяемое, но еще непонятое неопредѣленное какое-то подражаніе природѣ. Вовлеченный въ заблужденіе условными правилами, пораженный произведенїемъ какого-либо Генія; художникъ забываетъ о собственной дѣятельности и вмѣсто того, чтобы быть соперникомъ сего Генія становится подражателемъ. По неволѣ художникъ останавливается на окружности, когда вѣшь ему проводника къ средоточію, изъ коего всѣ явленія представились бы ему въ гармонической, живой цѣлости.

Ешаго мало ; не только бояшся говорить о Философіи, но даже, какъ замѣчено прежде меня, до сихъ поръ нѣкопорые почитаютъ сію науку не только бесполезною, но даже вредною ; до сихъ поръ Философа не могутъ себѣ представити иначе, какъ въ образѣ Французскаго говоруна 18 вѣка (*); много ли такихъ, которые могли бы измѣрить, сколь велико разстояніе между истинною, небесною Философіею — и Философіею Вольперовъ и Гельвеціевъ? а до сихъ поръ найдутся люди, готовые еще сказать съ Сумароковымъ :

Во мудрованіи не шрашь напрасно словъ,
 Коль хочешь въ Небѣ быть, не буди Философъ.

Но Сумароковъ имѣлъ право сказать это въ свое время !

Да не почтутъ сіи мысли написанными для того, чпобъ возвысити въ глазахъ читателей цѣну сочиненія, которое я имъ на судъ предоснавляю. Хотя всякій

(*) По сему-то мы для отличія и называемъ истинныхъ Философовъ — *Любомудрами*. С.

трудъ по сей часпи заслуживаетъ уваженіе, уже по своему безкорыстію, ибо часпи одна Донъ-Кищопова слава ожидаетъ рыцарей, осмѣливающихся возжигать свѣпильникъ Философіи и воспавать съ онымъ пропивъ закоренѣлыхъ предразсудковъ и слабоумія; но и Философическое сочиненіе можетъ быть дурно, какъ всякое другое, — и попому не заслуживать вниманія.

Желая сколько въ моихъ силахъ; распроспанить свѣдѣнія въ наспоющемъ смыслѣ полезныя, я уже около двухъ лѣтъ тружуся, хотя и непоспоанно, надъ составленіемъ *Словаря Исторіи Философіи*. Почитаю нужнымъ сказать, что въ немъ, сошвѣпспвенно его названію чипашели не должны искасть описанія частной жизни Философовъ, какъ-по обыкновенно въ Словаряхъ бываетъ; такія подробности, драгоценныя для Поепа, ничпожны въ глазахъ Любомудра; въ Словарѣ мною составляемомъ будущъ исключительно помѣщены одни изложенія самихъ Системъ; ему будетъ предшеспвовать обзоръ всѣхъ главнѣйшихъ ученій и вліаніе каждаго изъ оныхъ на всеобщее совершенспваніе чело-вѣчества; къ сему-по обзору Словарь

и будетъ принадлежать какъ бы для по-
вѣрки. Зная, что одно изъ главнѣйшихъ
достоинствъ всякаго историческаго сочи-
ненія есть достоверность, я вездѣ гдѣ
только могъ сослался на самые источники,
а за недоспахомъ оныхъ на людей, уже
заслужившихъ довѣренность ученаго свѣща,
каковы: Бруккеръ, Буле, Теннеманъ, Шпекъ,
Дежерандо, Шлуцманъ и проч. (*). По
прилагаемому здѣсь пусть мыслящіе рѣ-
шатъ — оставишь ли мнѣ свой трудъ,
или продолжашъ его съ новымъ рвеніемъ;
въ послѣднемъ случаѣ приглашаю всѣхъ за-
нимающихся Философическими науками спо-
собствовать мнѣ къ скорѣйшему изданію
сего Словаря присылкою изложеній Си-
стемъ различныхъ Философовъ. Онѣ бу-
дутъ приняты съ благодарностію (**).

(*) Частный человекъ не можетъ имѣть всѣхъ
древнихъ, весьма рѣдкихъ изданій; а у насъ въ
Москвѣ къ сожалѣнію еще нѣтъ открытой
Публичной Библиотеки, при пеперешней дѣя-
тельности умовъ, необходимо нужной. С.

(**) Разумѣется со всѣми Журнальными услови-
ями, касательно не помѣщенія и проч. Для
сего здѣсь собственно и помѣщается и оп-
рывокъ изъ Словаря со всѣми принадлежно-

Здѣсь для образца предлагаю на судъ читателямъ нѣсколько опривковъ изъ моего Словаря. Я нарочно выбралъ составившихъ Секпу Идеалистико - Елеапическую. Сія Секта на которую до сихъ поръ мало обращали вниманія (1) замѣчательна по многимъ отношеніямъ :

а) Въ ней первой явилася нѣсколько стройная Система (2) и въ семъ отношеніи самый Анаксимандръ, почитаемый чудомъ древняго міра, долженъ уступить Елеапикамъ; Анаксимандръ, который болѣе поражаетъ великостію своего Генія, смѣлыми идеями касательно мірозданія, какъ бы предчувствіемъ истины, нежели существенною пользою, принесенною Любому-дрію въ его цѣлости.

спями дабы желающія участвовать въ ономъ, могли видѣть какую форму желаю я дать изложеніямъ Системъ. С.

(1) Выключая Германскихъ Писателей. Особенно замѣчательны труды Фюллеборна по сей часши. С.

(2) Чрезвычайно любопытный обзоръ сего періода въ ходѣ ума человѣческаго находится у современнаго намъ мыслителя Штуцмана. (См. *Stuzmann's Philosophie der Geschichte der Menschheit* § 68). Также см. Дежерандо *Hist. comp. d. Syst. de Philos.* t. I. p. 448. С.

в). Секста Идеалистико-Евклидическая философия съ Пифагоромъ была какъ бы предпеченою возвышенныхъ мыслей самаго божественнаго Платона, далѣе повторилася въ *оредней Академіи* (3), *црко, медь вь нуда, между* такъ называемыми Александрийскими Нео-платониками (4) одушевила во *вракъ XVI*

(3) Т. е. разумья здѣсь Аркезилая и Карнеада. Въ семи случаяхъ мы держимся раздѣленія Дежерардо (см. *Hist. comp. d. Syst. de Philos. t. 3. p. 106*). Теннеманъ (см. *Grundr. der Geschichte der Philos.*) также не смѣшиваетъ ихъ съ Академіею Филона и Антіоха; ибо, сіи два послѣдніе Секста-поро, явственно, отличаются отъ первыхъ. Антіохъ, не узнавалъ Платона въ сочиненіяхъ Филонovýchъ, а самъ по свидѣтельству Цицерона былъ болѣе Спокъ, нежели Академикъ (*Cicer. Quaest. Acad. II. c. 4. 6. 22*); тогда какъ Аркезилай, по свидѣтельству Секста Емпирика, держался совершенно ученія Платонова; и если казался Скептикомъ; то это была только личина, съ помощію которой онъ, испытывалъ своихъ учениковъ. По сему-то многіе находили большое сходство между Аркезилаемъ и Сократомъ; приведенное Секстомъ, Емпирикомъ обстоятельство, еще болѣе подтверждаетъ сіе мнѣніе; ибо сомнѣніе Аркезилаево не означаетъ ли незнанію Сократову? С.

(4) Т. е. разумья здѣсь Пломнина, или Нуменія. Известны споры ученыхъ о

стольнія необыкновенное явление → Джорданъ Бруно, (5) породила великаго духомъ

С. С.

помъ, кому изъ нихъ двухъ (Плопина и Нуменіи) принадлежишь честь созданія Нерялапоцизма. Сюда же должно причислишь и Аммонія, которій по свидѣтельству Евсевія былъ учителемъ Плопина и которому первому впаало на мысль соединишь учение Академіи съ учениемъ Ашцен, Сюда же причисляюща Порфирій, Ямблхій, Превль и проч. С.

(5) Можно довольно хороше поинише получишь о семъ Мыслишелъ прочитавши въ Бруккеръ *Inst. Hist. Philos. Per. tert. p. II, III, IV, V et VI.* — Бруно въ жизнь свою подвергнулся обидей учасши мужей великихъ: современники не могли оцѣнишь его, они его не понимали. Фрегерій въ своемъ огромномъ Словарѣ: *Theatrum virorum eruditione clarorum*, напечатанномъ въ 1688, въ которомъ помѣщены всѣ возможные ученые отъ 1718 до 1680 года, большею частью совершенно не заслуживающіе вниманія, — Фрегерій совсѣмъ не упоминаетъ о Джорданѣ Бруно. Одна ненависть Фрегерія къ Бруно какъ Капилика не могла произвестнн пакото пропуска. Велъ (см. *Dict. T. F. p. 672*) также нападаетъ на Бруно, по причинѣ, о которой мы упоминаемъ въ слѣдующемъ замѣчаніи. Съ Беля — писали во всѣхъ книгахъ мнѣніе о Бруно; но любопытнн знашь на чемъ основывается самъ Бель, — онъ говоритъ: *On prétend, qu'il (Bruno) fat des livres, ou il attaquaît les vérités de*

Спинозу, (6) наконецъ была основаніемъ
Теоріи многихъ новѣйшихъ Мыслителей, |

la foi... Jean Henri Ursin m'apprend cela...
il rapporte toutes ces choses sur la foi de
Scioppius qui en avait fait la relation dans
une certaine lettre. Le Sieur Nicodeme dit
qu'on ne sait pas certainement si tout ce que
Jean Henri Ursin debite est veritable,“ и
проч. (См. D. t. I. p. 672, 673 и Зам. В.)

Вопль основаніе вѣрхъ ложныхъ толковъ
о Бруно — вѣрхъ послѣ ешаго Истори-
камъ. Въ послѣдствіи лучше начали цѣ-
нить его: Карпезій обязанъ ему мно-
гими своими мыслями, хотя и не ска-
залъ ешаго. С.

(6) Тѣ, которые до сихъ поръ оскверняютъ
высокое шило Философа именами Воль-
перовъ и Гельвѣціевъ удивятся эпи-
тету, приданному мною Спинозѣ; но
для мыслящихъ сей эпитепъ не пока-
жется страннымъ. Люди, каковы Бель,
Вольперъ и имъ подобные, спремивші-
еся подрывъ основаніе Христіанской
Религіи, встрѣчали важное прошиву-
дѣйствіе въ Системѣ Спинозы, совер-
шенно основанной на нравственности
Христіанской. Она одна изъ всѣхъ по-
гда бывшихъ Системъ могла рѣшить
вопросы, приводившіе въ недоумѣніе
другихъ Седшаторовъ, которые хотя
и вѣдѣли заблужденія Деистовъ и Атеи-
стовъ; но сами не имѣя швердаго осно-
ванія не были въ состояніи рѣшитель-
но обіразить нападенія Софистовъ;
члобы избавишься оцъ такого препяш-
ствія Софисмы рѣшились предшавить

далеко осипавившихъ за собою всѣ усилія прежде бывшихъ Любомудровъ.

Система Елеашиковъ не можетъ не заключать въ себѣ многихъ заблужденій,

Систему Спинозы совершенно въ превращенномъ видѣ и обвинилъ его въ своихъ собственныхъ преслупленіяхъ: Бель напалъ на Спинозу съ длинными, запущанными Софизмами, Вольтеръ съ обыкновеннымъ своимъ орудіемъ — насмѣшкою. Не лзя равнодушно читати нелѣпости, которыя Бель вводитъ на глубокомысленнаго Любомудра; прудно повѣришь въ наше время такому явному обману; но пусть сомнѣвающійся въ этомъ заглянетъ въ *Diction. Hist. et Critique* P. Bayle, edit. de 1720 t. 3. въ спашью о Спинозѣ, съ принадлежащими къ оной замѣчаніями, изъ коихъ опличительнѣйшіе по своей нелѣпости подъ буквами: A. K. L. и особенно N. и проч. — и потомъ сравнишь сію спашью съ изданіями въ 1802 году въ Енѣ швореніями Спинозы (*), коихъ полное заглавіе таково: *Benedicti de Spinoza Opera, quae supersunt omnia, iterum adenda curavit, praefationes, vitam auctoris, nec non notitias, quae ad historiam scriptorum pertinent, addidit Henr. Eberh. Gottlob Paulus.* Такова участь людей, опереживающихъ свой вѣкъ, возвышающихся надъ понятіями обыкновенными: во время жизни Спинозы — сдокойспвіе его было нару-

(*) Сіе изданіе весьма рѣдко, оно попалось мнѣ случайно.

какъ и всѣ системы, современныя младенчеству рода человѣческаго. Но Историкъ-мыслитель съ любопытствомъ и восхищеніемъ взираетъ на усилія младенчествующаго ума человѣческаго, спрежняющагося къ открытію тайнъ спивъ возвышенныхъ. Одно Откровеніе могло вознести до нихъ человѣка и показать ему путь истинный, чуждый заблужденія. *Haec est via recta et secunda, in ea errare non possumus.*

шаемо невѣждами-современниками, не понимавшими его; и до сихъ поръ тѣже люди, которые называютъ Вольтера Философомъ, чествяшъ Спинозу гнуснымъ названіемъ Атеиста, тогда какъ споишъ заглянушъ хотя въ письма, писанныя Спинозою къ разнымъ лицамъ (находящияся въ упомянутомъ изданіи) чшобы увѣрился въ прошивномъ. Но щепно побороишъ усиліе духа; вращающася въки и попомки преклоняющъ колѣно предъ прахомъ мужа великаго, долго бывшаго въ презрѣніи; а срамъ ложится на могилу ничтожныхъ, прежде неправедно прославленныхъ. С.

КСЕНОФАНЪ.

(Кор. ξένος — чужеземецъ; φαίνεσθαι — казаться).

За 536 лѣтъ до Р. Х. около 61 Олимпиады (1).

Ксенофанъ, по мѣсту своего рожденія названный Колофонскимъ, естъ основатель Елеатической Секты, получившей сѣ названіе отъ города Елея въ Греціи, гдѣ сѣ секта образовалась.

Основаніе сѣ Секта получила отъ Италійской; распалась на два отдѣла: на Секту Идеалистико-Елеатическую и Атомистико-Елеатическую, иначе на Елеатиковъ-Метафизиковъ и Елеатиковъ-Физиковъ (2).

Ксенофанъ первый изъ Философовъ показаль свои умствованія умозрѣнію (3).

(1) Ето исчисленіе по Тейнману; оно почитается достовернѣйшимъ. С.

(2) О составлявшихъ сѣ послѣднюю Секту и о ея отличіи отъ Идеалистической будеть упомянуто въ своемъ мѣстѣ. С.

(3) Замѣчательно въ отношеніи къ духу времени, что Ксенофанъ, подобно Пармениду, Емпедоклу, Фалесу и другимъ преподавалъ свое ученіе стихами (см. Plut. de Orac. § XXXIV). У древнихъ во время младенчества рода человѣческаго Философія произрастала на полѣ Поезіи и была какъ бы чуждымъ, слу-

Пифагорейцы стремились разнообразіе предметов привести къ однимъ началамъ; Ксенофанъ пошелъ далѣе: онъ силился самымъ сѣмъ начала вывести изъ безусловнаго единства: Его не удовлетворяли предположенныя его предшественниками: вѣчная, первоначальная стихія, и вѣчная, дѣйствующая сила; сѣмъ предположенія весьма многихъ явленій не объясняли; онъ не разрѣшали главнаго вопроса Ксенофанова о причинѣ образованія предметовъ.

„Что существуетъ, то вѣчно,“ (*) говорилъ онъ: „ибо ничто не происходитъ изъ ничего.“ (4)

„Если ничто изъ ничего не происходитъ: то вселенная, не могла бытъ

чайнымъ на немъ распѣніемъ; нашъ вѣкъ, вѣкъ возмужалости; въ наше время Поезія есть кажется случайное распѣніе; оно произрастаетъ не свободно, не отъ внутренней дѣятельности, но отъ внѣшнихъ усилій. Не нашему ли вѣку дошлось въ удѣлъ преимущественно поприще Любомудрія?

(4) *Ἄιδιον εἶναι φησὶ εἴ τι ἐστὶν, εἴπερ μὴ ἐνδέχεται γενέσθαι μηδὲν ἐκ μηδενός. Arist. de Xenophane. См. St. Gesch. der Phil.*

(*) Да не подумаютъ иные, будто бы мы принимаемъ мнѣнія Ксенофана и другихъ Елеатиковъ за истину; мы предлагаемъ ихъ, только какъ матерьялы для исторіи, какъ предметъ для разсужденій и опроверженій.

созворенною; ибо въ такомъ случаѣ она не существовала до своего рожденія, была ничто (5). Сверхъ того, „продолжалъ онъ“ если бы существо (или существа) могло бытъ созданнымъ, то оно должно существовало бы произойти отъ основанія (*πρωτότυπον*) съ нимъ однороднаго, или разнороднаго. Въ первомъ случаѣ сие основаніе повторило бы только самаго себя; второе же не возможно, ибо въ существѣ происшедшемъ отъ основанія съ нимъ разнороднаго, должно непременно находиться нѣчто такое, чего нѣтъ въ самомъ основаніи, слѣдственно такое, которое не имѣетъ никакого основанія, что нелѣпо.

„Существо не созданное, но предвѣчное претпять существовать не можетъ, ибо нѣтъ ничего внѣ его, чтобы

По изслѣдованіямъ Фюллеборна между ошривками Аристотеля, подъ названіемъ: *De Xenophane, Zenone et Gorgia* — первые два суть точное изложеніе Ксенофановой Сиспемы.

- (5) См. *Plut. de Plac. Philos. l. I. § IV.* „Ксенофанъ думалъ,“ говоритъ, „что вселенная вѣчна и неизмѣняема и не могла бытъ созданною, не предвѣчною. Также см. *Eus. Praep. Evang. l. II. § VIII, Plut. § IV.*

могло положишь ему предѣль; два существа предвѣчныя взаимно бы себя ограничили и существованіе бы пресцало. Сіе существо предвѣчное, единое должно бытъ неизмѣняемо; ибо оно естъ *все* и вмѣстѣ *нищо*: оно ни одного особеннаго свойства въ себѣ не заключаешъ, но все безъ исключенія въ себѣ содержишь; не откуда приобрѣси ей новаго свойства.“ (6)

„Такимъ существомъ Ксенофанъ предсказывалъ себѣ Бога. „Ксенофанъ возрѣлъ на вселенную,“ говоришь, Аристопель „и назвалъ *единое* — Богомъ.“ (7) Отсюда выводилъ онъ заключенія, коими поражалъ

(6) Dogmata Xenophanis ita exponit Aristoteles: (*Metaph. l. I. c. 5*) fieri non posse, ut ex nihilo quidpiam existat: *aeternum* itaque esse et *semper* fuisse, quidquid est; quod aeternum sit, esse infinitum, unum, ex omni parte sibi simile, immobile et immutabile; Deum esse hoc unum incorporeum, aeternum, cujus substantia globosa sit; nihil illud cum hominibus commune habere, totum videre, audire esse simul omnia, nec corpore, nec animo homini comparandum. *Bruck. H. Ph. p. 246 § IV.*

(7) *Εἰς τὸν οὐρανὸν ἀποβλέψας, τὸ ἓν εἶναι φησὶ τὸν θεόν. Arist. Metaph.*

защипниковъ полиеизма; или многобожія и даже смѣлся надъ ними (8).

„Какъ Богъ есть существо всесовершенное“ говорилъ Ксенофанъ „все въ себѣ заключающее и никакимъ особеннымъ свойствомъ неоплечимое, но онъ — *едино*. Если допустить существованіе нѣсколькихъ Боговъ, то необходимо допустить должно и то, что они суть равны или неравны въ совершенствѣ; если они равны, то ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть существомъ совершеннымъ, бвше *Все*; если они не равны, то менѣ совершеннѣйшій долженъ подпастъ подъ власть болѣе совершеннаго и слѣдственно преспатъ бытъ существомъ всесовершеннымъ.

(8) См. Плути. *о сусвѣрии* § XXXIV, гдѣ онъ приводитъ слова Ксенофана Египтянина, которые принося жершвы Богамъ, поражали себя въ грудь и другіе знаки опчаянія показывали: „Если шѣ, кромѣ вы приносите жершвы — Боги (и слѣдственно милосердые и всевѣдушіе)“ говорилъ Ксенофанъ „по за чѣмъ вы ихъ упрашиваете; если они люди — за чѣмъ приносите имъ жершвы?“ Также у Плутиарха сохранены стихи Ксенофана, въ которыхъ онъ говоритъ, что нѣтъ человека, который бы зналъ навѣрное, что такое боги и проч. (См. *о тѣнии Поетовъ* § VIII).

„Богъ“ продолжалъ Ксенофанъ будучи единымъ, вѣчнымъ, вмѣстѣ и не конеченъ и небезконеченъ: не конеченъ ибо предѣла имѣть не можетъ подобно тѣлу физическому; не безконеченъ,—ибо ето есть свойство ничтожества, а Богъ не есть оно. Онъ не движимъ, ибо нѣтъ столь великаго пространства, гдѣ бы онъ могъ двигаться; онъ движимъ, ибо дѣятельность есть свойство возможнаго совершенства. Онъ подобенъ — лишь самому себѣ; но какъ ничто не можетъ выразить существа единого, вездѣ самому себѣ подобнаго, кромѣ шара, какъ неподверженной чувствамъ точки изъ самой себя во всѣ направленія равно протягающейся, то приличіе всего изображеніе Божества представлятъ въ видѣ сферы.“ (9) Изъ сего можно заключить, что Ксенофанъ никакъ не почиталъ сферу за самое Божество, какъ нѣкоторые думали (10), но только за Символь онаго.

(9) См. Замѣчаніе 6 къ Ксеноф. и Зам. 1-е къ Парм.

(10) Какъ напр. Бель; (см. *Dict. Hist. Art. Xenophane* p. 2887. Зам. В.) находя сходство между Ксенофаномъ и Спинозою, котораго онъ старался не понимать, Бель не хотѣлъ понимать также и Ксенофана.

Ксенофана не устрашало разногласіе его положеній съ явленіями, подлежащими чувсвамъ. (11). Въ такомъ случаѣ онъ говорилъ, что чувсва насъ обманываютъ и что не должно довѣрять имъ, что въ чувственныхъ предметахъ мы не можемъ открыть истины, а только подозрѣвать оную. Такимъ образомъ въ отношеніи къ предметамъ чувственнымъ, онъ былъ Скептикомъ, тогда какъ рѣшиительно допускалъ справедливость тѣхъ познаній о вселенной, которыхъ мы чрезъ чувсва

Любопытно видѣть какъ переполковываетъ онъ слова Цицерона о Ксенофанѣ. (См. Тамъ стр. же 2886 и *Cicer. de Nat. Deor. p. I*). Здѣсь не лзя довольно распространиться о семъ предметѣ; въ своемъ мѣспѣ будетъ о немъ упомянуто.

- (11) Понятія его о явленіяхъ въ Природѣ чрезвычайно сбивчивы и смѣшанны. Онѣ никакъ не соглашаются съ его умозрѣніями; епо объясняется тѣмъ, что Ксенофанъ совершенно опдѣлялъ познаніе міра духовнаго отъ познанія міра вещественнаго. Изложенія сихъ понятій относятся къ Исторіи Физики и потому не входятъ въ составъ нашего Словаря. Сверхъ того, о нихъ толкуется во всѣхъ Словаряхъ. Мы старались знакомить нашихъ читателей съ предметами болѣе важными и неизвѣстными.

приобрѣсти не можемъ: каковы понятія о вѣчности, единствѣ, безконечности, по-жественности—ибо ихъ нѣтъ въ чувствен-ныхъ предметахъ. Не здѣсь ли мелькаютъ искры идей Платоновыхъ? (12).

(11) Въ Федонѣ, Платонъ заставляетъ Со-кратѣ спрашивать у Симмія: какимъ внѣшнимъ чувствомъ онъ можетъ по-спидгнуть или осязать не только пра-ведное, доброе, прекрасное, но даже ве-личину, здравіе, силу, однимъ словомъ—сущность вещей? — *Ἄλλ' ἄλλη τινὲ αἰσθῆσει τῶν διὰ τοῦ σώματος ἐφήψω αὐτῶν; λέγω δὲ περὶ πάντων, οἷον μεγέθους πέρι, ὑγείας, ἰσχύος, καὶ τῶν ἄλλων ἐνὶ λόγῳ ἀπάντων τῆς οὐσίας et caet. Plat. Phaedr. in Bibl. Class. Script. Pros. Graecor. t. XXVI p. 87.*

ПАРМЕНИДЪ.

(Кор. *παράμενω* — ожидашь).

За 504 лѣтъ до Р. Х. — около 61 и 80 Олимпіады (1).

Елеатикъ-Метафизикъ, послѣдователь Ксенофана Колофонскаго.

Ксенофанъ говорилъ, что чувства обманываютъ; Парменидъ еще болѣе развилъ сію мысль: (2) онъ утверждалъ, что посредствомъ ихъ не лзя открыть никакой истины; вмѣстѣ стремился согласить чувственные представленія съ умозрѣніемъ; потому главнымъ его вопросомъ было — различіе познаній умозрительныхъ съ опытно-ными.

„Опытность показываетъ“ говорилъ Парменидъ „что чувства насъ обманыва-

(1) По Бруккеру — около 69 Олимпіады.

(2) Парменидъ, подобно Ксенофану и другимъ излагалъ ученіе свое стихами. (*Pl. de Or. § XXXIV*). Въ началѣ своей Поемы, сохраненной Секспомъ Емпирикомъ (*Adv. Log. VII*), Парменидъ говоритъ; что не должно вѣряться чувствамъ, зрѣнію, или слуху; что опровергнувши лишь сихъ путеводителей и положась на одинъ умъ, можно достигнуть истины. *Деж. Hist. Phil.*

юпъ; и если даже допустимъ, что онъ насъ и не обманываютъ, то нельзя отрицать, что онъ знакомятъ насъ съ одними признаками, особенностями предмета, а не съ его сущностию; епо дѣло духа (3).“

„Умъ увѣряетъ насъ въ томъ, что существующее существуетъ и что ничтоже-ство, или несуществованіе невозможно (4).

„Ничто не происходитъ изъ ничего. Люди, введенные въ заблужденіе чувствами, смѣшиваютъ существованіе съ ничтоже-ствомъ; но есть одна вѣрная дорога къ истинѣ: она имѣетъ цѣлю — сущность предметовъ. То что не имѣло начала, не имѣетъ и конца. Оно все, оно едино, неподвижно, безконечно (5). Ибо откуда

(3) Buhle's Lehrbuch der Geschichte der Philosophie I B.

(4) Парм. "Επὶ, ex collect. Füllebr. V. 59.

(5) Замѣчательны слова Платоновы о Мелиссѣ и Парменидѣ, влагаемые въ уста Сократу (*Plat. Theaet. in Biblioth. Class. Script. Pros. Graec. t. XXVI p. 236*): послѣ разговора о полководцахъ Ираклиповыхъ послѣдователей касательно покоя и движенія, Сократъ говоритъ: „я совсѣмъ было позабылъ, Θεοδωρὲ, о другихъ, проповѣдающихъ утверждавшихъ.... Такъ же и о говоренномъ Мелиссомъ и Пар-

произойти ему? Изъ ничтожества? — Невозможно; не лзя постигнуть ничтожества, или несуществованія. Какая сила могла извлечь что-либо изъ ничтожества, (6) и именно въ определенное время, ни раньше, ни позже? — Нѣтъ! *Сущность вещей безначальна и безконечна.*

„Между тѣмъ, чувства показываютъ, что все въ Природѣ переходитъ: является и исчезаетъ непрерывно; (7) если сіе справедливо, то вѣчто происходитъ изъ ничего и вышеприведенное положеніе ума ложно; если же сіе несправедливо — то

менидомъ о томъ, что все едино, поспоянно, само собою условлено (*αὐτὸ ἐν αὐτῷ*) и что нѣтъ происранства гдѣ бы оно могло двигаться.“ Согласно съ симъ говоритъ и Евсевій (*Praep. Evang. l. II. c. VIII. § V*): „Парменидъ утверждалъ, что вселенная, вѣчна и недвижима; едина и не произошла отъ чего-либо; ибо продолженіе есть *μῆνις* ложное, что чувства не могутъ довести до истины; что существующее вѣ существованія не существуетъ въ самомъ дѣлѣ и проч.“ См. также Платонова *Парменида*.

(6) *Парм.* "Επη. Ex coll. Fül.

(7) *Buhle's Lehrbuch. d. Gesch. d. Phil. I b.*

или иѣшь истиннаго сущесствованія, или видимыя измѣненія сущь обмань чувствъ, измѣненія, основанныя на какомъ-то сущесствованіи, но которое можно постигнуть однимъ умозрѣніемъ. (8) *Сущность вещей постигается однимъ умозрѣніемъ,—не лзя осязатъ ее. Въ семъ смыслѣ — всякій предметъ въ Природѣ есть мысль.*“

Такимъ образомъ изъ сихъ сбивчивыхъ понятій можно заключить то, что Парменидъ отдѣлилъ Философію умственную, или умозрительную Философію Истины, отъ Философіи чувственной, или какъ называлъ онъ Философію Мнѣнія (9).

Основаніемъ предметовъ чувственныхъ Парменидъ полагалъ Свѣтъ и теплогу

(8) „Можно иногда только полагаться на чувства, когда представлениі оныхъ поддерживаются умозрѣніемъ.“ *Парм. „Еπὶ Ἐκ σολ. Φύλ.*

(10) *Ea quae veresimiliter ei tribui possunt, his comprehenduntur, — говоритъ Бруккеръ (Iac. Bruc. Inst. Hist. Phil. Per. I. II. c. XI § VIII). philosophiam duplicem esse, vel secundum opinionem et sensum, id est, secundum mutabilem materiae naturam, vel secundum veritatem et rei essentiam et caet.*

, Еѳирный огонь (10) благой, понкой, самъ съ собою вездѣ пожеспивенный, и ничему другому неподобный, пребывающій лишь въ самомъ себѣ (слово въ слово: онъ лишь съ собою: *ἀτὰρ κα̅κείνο κατ' αὐτό*); прошивоположное ему: мракъ, существо швердое, шяжелое (11).“

(10) *αἰθέριον πῦρ*
 “*Ἠλιον ὄν, μέγ' ἀραιὸν, ἑαυτῷ, πάντοσε ταῦτόν,*
Τῷ δ' ἑτέρῳ μὴ ταῦτον ἀτὰρ κα̅κείνο κατ' αὐτό
Ἄντια, νικτάδα ἢ πυκνὸν δέμας ἐμβρωδές τε.
 Παροι. Ἐπη — Ex. coll. Füll.

(11) Сверхъ шого, онъ первый сказалъ, что луна освѣщается солнцемъ. (*Plut. de Plac. phil. l. II. c. I. § 26*).

МЕЛИССЪ.

(Кор. μέλισσα — пчела, μέλι — медъ).

Около 450 до Р. Х. около 83 Олимпіады.

Елеапикъ Мѣтафизикъ, послѣдователь Парменида.

Парменидъ почиталъ сущность вещей существомъ опвлеченнымъ, подлежащимъ одному умозрѣнію, но не сомнѣвался въ точномъ измѣненіи предметовъ, ощущаемыхъ чувствами. Мелиссъ напротивъ представлялъ себѣ сущность вещей чѣмъ-то вещеспвеннымъ и сей вещеспвенности, не имѣющей никакой опредѣленной формы, онъ придавалъ свойства, до которыхъ довело его умозрѣніе (1).

„Если сущность вещей (2) по умозаключенію Парменида,“ говорилъ Мелиссъ, „едина, нераздѣльна, по она не можетъ имѣть какой-либо опредѣленной формы и въ пространствѣ не можетъ быть постигаема. Постигнуть ее можно лишь во

(1) Buhle's Lehrbuch d. Gesch. Phil. 1 b.

(2) *Plut. de Plac. Philos.* l. I. c. XXIV, *Bruc. Inst. Hist. Philos. Per.* I. l. II, c. XI § X.

времени, которое въ сущности вещей заключается совершенно, ибо существующее не можетъ престаить существовать.“ (3)

Мелиссъ подобно Ксенофану и Пармениду утверждалъ, что не лзя постигнуть что такое Боги; но сіе говорилъ онъ только въ отношеніи къ древней Религіи; Бога онъ почиталъ, какъ сущность вещей, единую, нераздѣльную, безконечную (4).

(3) *Arist. Phys.* III.

(4) *Laert.* l. IX. *Плут.* о гтеніи Поетовъ.
§ VIII.

З Е Н О Н Ъ.

(Кор. Ζῆν Dor. вмѣсто Ζῆν — опъ Ζῆω — живу).

Около 504 лѣтъ до Р. Х. Между 79 и 80 Олимпіады.

Елеазикъ-Метафизикъ, ученикъ и послѣдователь Парменида.

Зенонъ — явленіе весьма достопримѣ-
чательное въ лѣтописяхъ ума человѣче-
скаго. Онъ явился на сцену въ то время, |
когда всѣ были вооружены противъ Елеа-
зиковъ за ихъ недовѣрчивость къ чув-
ствамъ. Парменидовой идеѣ объ един-
ствѣ противуполагали многоразличіе пред-
метовъ, утверждаемое опытностію; |
опроверженію движенія — противупоспав-
лялась безпрестанное измѣненіе пред-
метовъ, ощущаемое чувствами. Зенонъ рѣ-
шился поразить противниковъ ихъ же
собственными оружіемъ: рассуждая о ка-
комъ-либо предметѣ, онъ какъ бы бралъ
сторону своего соперника, развивалъ ея
собственную мысль и доводилъ ее — до
нелѣпости.

Вопъ нѣкоторыя его силлогизмы, ко- |
торыми онъ приводилъ въ затрудненіе за-
щитниковъ опытности;

Опроверженіе движенія :

Положимъ, что пущенная стрѣла (1) движется; но въ каждое мгновеніе она находится въ пространствѣ ей равномъ; слѣдственно она въ семь пространствѣ находится въ покоѣ; слѣдственно она каждое мгновеніе находится въ покоѣ и въ движеніи, что невозможно.

Опроверженіе пространства :

Положимъ, что пространство существуетъ. Въ такомъ случаѣ оно гдѣ-либо находится; т. е. предполагаетъ другое пространство; это пространство предполагаетъ еще другое пространство и такъ до безконечности — слѣдственно нѣтъ пространства (2).

Такого рода сужденія заставили нѣкоторыхъ почитать его Скептикомъ; но это неправда; одно мѣсто у Платона (3) весьма ясно показываетъ, что Зенонъ держался ученія Парменидова и что силлогизмы его были только оружіе для нападенія на противниковъ его учителя.

(1) *Arist. Phys.* I. VI. с. IX.

(2) *Arist. Phys.* I. IV. с. III.

(3) *Plat., Parm.*

Зенонъ не составилъ никакой особенной системы (4); его цѣлю было поддерживать мнѣнія Парменидовы, доказать, что опытность имѣеть множество различныхъ сторонъ изъ коихъ каждая можетъ быть справедлива и несправедлива, и что слѣдственно опытность ведетъ къ заблужденіямъ; наконецъ, что одно умозрѣніе можетъ довести насъ до истины.

Онъ замѣчалъ еще тѣмъ, что примѣръ его силлогизмовъ возбудилъ многихъ подражателей и произвелъ гибельную Секту Софистовъ (*).

Здѣсь оканчиваю мой опривокъ. Размышляя о сектѣ Елеашиковъ находимъ, что всѣ они взаимно себя поддерживаютъ и какъ бы дополняютъ; такъ, что не каждый въ особенности, но всѣ вмѣстѣ только образуютъ полную Систему; основаніе оной—идея существа безконечнаго, единаго, безусловнаго, пождественнаго со вселенною (5). Вообще открываемъ въ нихъ мысли глубокія, но смѣшанныя,

(4) *Eus. Prep. Evang.* I. II. c. VIII. § 6.

(5) Tennemanns *Geschid. d. Philos.* p. 67.

(*) См. *Софисты*.

видимъ хаосъ готовящійся преобразиться въ новый міръ, но еще не обратившійся; сравнивая же усилія древнихъ мыслителей съ усиліями новѣйшихъ, невольно вспоминаемъ слова Тидемана :

„Исторія Философіи, въ своей цѣлости представляеть зрѣлище самое утѣшительное: духъ человѣка, однажды возбужденный, не только никогда всцѣпъ не обращался, но даже и не оспанавливался: вѣка не прерывали его стремленія; въ то время когда въ Греціи ослабѣла спрость къ познаніямъ, Философія перешла въ Аравію и тамъ новыя области подчинила своему владычеству; когда любовь къ открытіямъ поухла у Арабовъ, тогда возгорѣлась она на Западѣ и Сѣверѣ Европы и пролила свѣтъ посреди мрака; наконецъ когда Европейцы ограничились спорами о словахъ, тогда снова возбудили ихъ опъ сна древнія оспашки Греческой мудрости, принесенныя изъ Константинополя. Нѣтъ вѣка, который бы не былъ ознаменованъ появленіемъ Мыслителя возвышеннаго, который бы не расширилъ круга познаній человѣческихъ. Что Духъ человѣчества спремится непрестанно — ешо неоспоримо; что онъ спремится къ благородному и

возвышенному — епо доказываетъ Испорія. Сколь утѣшительна еша истина! какъ возвышаетъ она душу, особливо въ наше время, когда сполько козней, сполько не-лѣпостей полагають препону совершенствованію; но опираясь на великодушныхъ своихъ служителей, оно торжесствовало, оно будетъ торжесствовать и ничто не остановитъ его спремленію къ лучшему; ибо надъ вселенною царствуетъ *добро* высочайшее: пустьъ наука не достигла еще совершенства, копораго мы отъ нея пребудемъ; епо не должно ослаблять нашу дѣятельность. Предъ нами мириады вѣковъ, и въ сихъ мириадахъ сколько новыхъ открытій, сколько свѣтлыхъ путей, сколько новыхъ сокровищъ ожидаютъ человѣка! Спремленіе духа его медленно — намъ говорятъ о помъ времена прошедшія; но придетъ сіе щасливое время, ласкающее насъ надеждами споль сладкими, обещающее намъ сполько новыхъ успѣховъ, — когда бы то ни было — но придетъ оно!“

О д в с к .

Но знай, красой далекихъ странъ
Не очаровано мое воображенье.

Подъ небомъ лучшимъ обрѣспи

Я лучшей доли не умѣю;

Вновь не могу душой моею

Въ краю цвѣтущемъ разцвѣсти.

Межъ тѣмъ опъ приходи судьбины,

Межъ тѣмъ опъ подлинной оправы бытія,

Въ покоѣ раболѣпномъ я

Ждашь не хочу моей кончины;

На яростныхъ волнахъ, въ борьбѣ со гнѣвомъ ихъ —

Она оправдиѣ гордынѣ человека,

Какъ жаждалъ радостей младыхъ

Я на зарѣ младаго вѣка,

Такъ нынѣ, Океанъ! я жажду бурь своихъ.

Волнуйся, опѣнай утесистыя грани,

Онъ веселилъ меня, швой грозный, дикій ревъ,

Какъ зовъ къ давно желанной брани,

Какъ мощнаго врага мнѣ чемъ по лесный гнѣвъ.

* * * *

XVIII.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ: ЭДА.

Была безпечна, весела,
 Когда-то добренькая Эда;
 Одною Эдой и жила
 Когда-то дѣвичья бесѣда;
 Она привѣшно и свѣшло
 Когда-то всѣмъ глядѣла въ очи;
 Чшожь измѣнить ее могло?
 Чшожь это упрю облекло
 И такъ внезапно въ сумракъ ночи?
 Она разсѣянна, грустна,
 Въ бесѣдахъ вовсе не слышна;
 Какъ прежде яснаго привѣша
 Ни для кого во взорахъ нѣтъ:
 Вопросы долго ждущъ опшѣша
 И часто спраненъ сей опшѣтъ!
 То жарки щеки, то безцвѣсны,
 И пайной горести плоды
 Не рѣдко свѣжіе слѣды
 Горячихъ слезъ на нихъ замѣсны!
 Бывало слишкомъ зашалипъ
 Съ красошкой хитрый поспоалець,
 Она къ устамъ приспавипъ палець,
 Ему съ улыбкой имъ грозипъ;
 Когда жъ ей серьги подарипъ
 Или плашокъ повѣса ловкой,

Она красивою обновкой
 Похвасташь къ матери бѣжишь,
 Потомъ его благодарить
 Веселымъ книксомъ. Шаловливо
 На соннаго его порой
 Плеснешь холодною водой
 И убѣгаешь шоропливо
 И долго слышенъ дѣтской смѣхъ.
 (*)
 Гдѣ время то? при немъ она
 Какой-то робостію нынѣ
 Въ своихъ движеньяхъ смущена!
 Веселыхъ щупокъ и въ поминѣ
 Теперь ужъ нѣтъ! Простыхъ рѣчей
 Съ нимъ даже дѣва не заводитъ
 Какъ будто спалъ онъ недругъ ей;
 За то порой съ его очей
 Очей задумчивыхъ не сводитъ!
 За то порой, наединѣ
 Къ груди лукавца вся въ огнѣ
 Сама бѣдняжка припадаетъ
 И спрасити гибельной полна
 Сама успа свои она
 Къ лобзаньямъ спраснымъ обращаетъ!

Идешь поспѣшно день за днемъ.
 Гусару дѣва молодая
 Уже покорснвуешь во всемъ,
 За нимъ она какъ лань ручная
 Повсюду ходитъ: по чешой

(*) Точки поставлены самимъ сочинителемъ.

Приемлетъ ихъ въ полдневной зной
 Густая сѣнь дубравы сонной;
 То приютишь безмолвный боръ ,
 То приглашаютъ громы горъ
 Въ свой сумракъ нѣгѣ благосклонной;
 Но чаще въ ближній долъ они
 Нисходятъ разными пущами,
 Тамъ надъ прозрачными струями
 Ручья веселаго, въ шѣни
 Густыхъ березъ, рябинъ узорныхъ,
 Обросшихъ, вѣсти нѣтъ когда,
 Два камня, — падшіе шуда
 Съ высотъ сосѣдственныхъ нагорныхъ;
 Они садятся на праву.
 Порой любовникъ въ помной дѣни
 Послушной дѣвѣ на колѣни
 Кладетъ усталую главу,
 Безпечнымъ сномъ глаза смыкаетъ.
 Она отъ друга своего
 Докучныхъ мошекъ отгоняетъ;
 Власами мягкими его
 Рукой младенческой играетъ!
 Когда-жъ подыметъ луна
 И дикой край подъ ней задремлетъ,
 Въ приютъ украмной свой она
 Къ себѣ — — его приемлетъ.

Но дѣва нѣжная моя
 Томится пайною тоскою.
 Разъ обыкновеню порою
 У водъ любимаго ручья
 Они возсѣли молчаливо.
 Глазами въ шихомъ забытши
 Шалунъ слѣдилъ его струи,
 Предъ нимъ бѣгущія игриво.

Дорогой сорвануый цвѣшоукъ
 Онъ какъ шо бросилъ въ быспрой шоукъ.
 Вздохнула дѣва молодая!
 На друга голову сѣлоня,
 „Такъ“ прошептала „и меня
 Мигъ полелѣя, полаская,
 Такъ на погибель бросишь ты!“
 У добродуцный красоты
 Уста въ шо время улыбулись;
 Но шущъ же скорбь взяла сѣде
 И на глазенкахъ у нее
 Невольно слезы наверхулись!
 Она косынкою своей
 Ихъ отерла и веселѣи
 Глядѣшь спараяся на друга:
 „Нѣшь, нѣшь, не ксшапи мнѣ шоска!
 Сего дня жизнь моя сладка,
 Сего дня я швоя подруга!
 И завтра будешь ты со мной,
 И день еще, и спашься можешь,
 Я до разлуки роковой
 Не доживу! Господь поможешь.“

Сковадъ пошоки зимнѣи хладъ
 И надъ спремнинами своими
 Съ границныхъ горъ уже висяшь
 Онѣ горами ледяными;
 Изъ подъ сугробовъ снѣговыхъ
 Кой гдѣ вспавая головами
 Скалы чернѣють: снѣгъ буграми
 Лежишь на сѣснахъ вѣковыхъ.
 Кругомъ все пусто. Зашумѣли,
 Завыли зимнѣи мяшели.

Что съ блѣдной дѣвицей моей?
 Попухъ огонь ея очей,
 Въ ней Эды прежней нѣтъ и пѣни:
 Изнемогаетъ въ цвѣтѣ дней,
 Но чужды слезы ей и пѣни.
 Какъ небо зимнее блѣдна,
 Въ молчаньи грусти безнадежной
 Сидитъ недвижно у окна
 Сидитъ и бури вѣи мятежной
 Уныло слушаетъ она,
 Мечтая: „нѣтъ со мною друга,
 Давно увянулъ счастья цвѣтъ:
 Чпожь для меня кончины нѣтъ?
 Когда, когда сметешь ты вьюга
 Съ лица земли мой легкой слѣдъ!
 На сонъ желанной, сонъ глубокой,
 О, скоро ль гробъ меня возметъ;
 И на него сугробъ высокой
 Дыханье бури нанесетъ!“

* * * *

XIX.

Л Е Д А.

Въ странѣ роскошной, благодатной,
 Гдѣ Европейскій древній шокъ,
 Среди долины ароматной
 Капится свѣшелъ и широкъ;
 Вдоль берега, Леда молодая,
 Еще не мысля, но мечшая,
 Стопами шихими брела.
 Ужъ близокъ полдень; небо знойно:
 Кругомъ все пусто, все спокойно,
 Рѣка прохладна и свѣшла;
 Берега спрегупъ кусты густые....
 Покровы пали на цвѣшты
 И Леды прелести нагія
 Прозрачной влагой приняты.
 Легко возлегшая на волны,
 Легко скользипъ по нимъ она:
 Роскошно пѣнясь, перси полны
 Лобзаешъ жадная волна;
 Но зашумѣлъ проросникъ прибрежный
 И лебедь спройный, бѣлоснѣжный
 Изъ за него явился ей.
 Сначала онъ, чуть зримый окомъ
 Блуждаешъ въ опływѣ широкомъ
 Кругомъ возлюбленной своей;
 Въ пучинѣ часто йсчезаетъ,
 Но сокрываясь ошъ глазъ

Изъ водъ глубокихъ выплываетъ
 Все ближе къ милой каждый разъ.
 И вошь плыветъ онъ рядомъ съ нею;
 Ей смѣлоспъ лебедя мила:
 Рукою нѣжною своею
 Его осанистую шею
 Младая дѣва обняла,
 Онъ жмется къ дѣвѣ, онъ украдкой
 Ей перси нѣжныя клюетъ;
 Онъ въ пѣсни радостной и сладкой
 Какъ бы красы ея поетъ,
 Какъ бы поетъ живую нѣгу!
 Межь шѣмъ, влечетъ ее ко берегу:
 Выходишь на берегъ она!
 Успавъ, въ тѣни густаго древа,
 На мураву ложился дѣва
 На длань главою склонена.
 Межь шѣмъ не дремлетъ лебедь страстной:
 Онъ на колѣняхъ у прекрасной
 Нашелъ убѣжище свое;
 Онъ сладкозвучно воздыхаетъ,
 Онъ влажнымъ клевомъ вопрошаетъ
 Уста невинныя ея...
 Въ изнемогающую дѣву
 Огонь желанія проникъ:
 Уста раскрылись; помно клеву
 Уже ошвѣтспивуетъ языкъ;
 Ужь на глаза съ живымъ помлѣньемъ
 Набросивъ пышные власы,
 Она нечаяннымъ движеньемъ
 Раскрыла всѣ свои красы...
 Приюсть свой прежній покидаетъ
 Тогда нескромной лебедь мой;
 Онъ помно шею обвиваетъ

Вкругъ шеи дѣвы молодой;
 Его напрасно опклоняешь
 Она дрожащею рукой:
 Онъ завладѣлъ —
 Запретепалъ крылами онъ,
 И вырывается у Леды
 И дѣшства крикъ и нѣги спонъ.

* * * *

~~~~~

XX.

РАЗЛИЧНЫЯ ПОТРЕБНОСТИ.

Для ума поиребенъ Геній,
 Для разсудка — опытъ лѣтъ;
 Для гусара — конь игреній;
 Для прелестницы — корсетъ;
 Для романа нужно чувство,
 Для сапиры — ѣдка соль;
 Торгашамъ (*) плутовъ искусство,
 Скареду — Тарпюфа роль;
 За дѣвицами — смотрѣнье,
 Для ревнивыхъ — спс очей
 Для влюбленныхъ — снисхожденье,
 И терпѣнье . . . . для мужей!

С. Н.

~~~~~

(*) Не Литерашурнымъ ли? *И з д.*

XXI.

НА СВИДАНИЕ СЪ СЕСТРОЮ.

Вошь, мой другъ, и братъ швой нѣжный
 Возвращень опять къ тебѣ:
 Видишь образъ швой любезный, —
 И не вѣришь самъ себѣ

Въ сладкомъ сердца упоеньѣ
 Госпю мнился, будшо сонъ
 Льстишь его воображенье,
 Чшо мечшой обманушь онъ.

Ахъ! увѣрь его скорѣе,
 Чшо прошла пора мечшашъ,
 Обними его нѣжниѣ,
 Дай себя разцѣловать !

И своєю лаской милой
 Разгони, мой другъ, разсѣй
 Мракъ въ душѣ его унылой,
 Сердце бѣдное согрѣй.

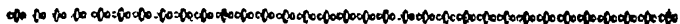
Много слезъ въ семь разлученьи
 Сирошой одинъ онъ лиль,
 Много скорби, огорченья
 Безъ тебя опять сносилъ

Но почшо воспоминаемъ
 Намъ смущашъ споль сладкой часъ? —
 Ты со мной вѣнецъ желаньямъ!
 Кто шеперь счастливей насъ?

С. Н.

СТАТЬИ ОСОБЕННЫЯ.

I.

*Короткій отвѣтъ Кн. Одоевскаго Г-ну
Булгарину.*

Скажише мнѣ, Милостивый Государь, Г. Булгаринъ, какой умный и благовоспитанный человекъ рѣшившися позволить себѣ вольности выходящія за предѣлы всякой благопристойности, которыя вы позволили себѣ въ послѣднихъ Но-хъ Литературныхъ Листковъ вашихъ. Васъ прогнѣвали жесткія истины, сказанныя мною вамъ подѣ видомъ шутки, совсѣмъ не обидной; васъ раздосадовало то, что я не подорожилъ вашими похвалами. Вѣрю! Но послушайте, Г. Булгаринъ; что не нуждаюсь въ похвалахъ вашихъ я доказалъ епо въ III-й части Мнем.; что не обижаюсь вашею бранью—доказываю вамъ шеперешнее мое хладнокровіе. Я молодъ, не произвелъ ничего еще пакого, чтобы могло дать мнѣ право даже на званіе Автора: если суждено мнѣ быть хорошимъ Писателемъ, то брань ваша не достигнетъ до меня; суждено мнѣ быть дурнымъ Сочинителемъ, никакія похвалы Г. Булгарина не спасутъ меня опъ забвенія. — Теперь же оканчи

*

ваю навсегда Журнальные перебранки, они мнѣ прискучили, постараюсь даже и вамъ не опвѣчать болѣе, ибо время я *также* опредѣляю, какъ опецъ Хемницерова Меша-физика.

Вошь вамъ мой опвѣпъ, Г. Булгаринъ; другой спаль бы опвѣчать вамъ совсѣмъ иначе; но я — не хочу; я и пакъ довольно унижалъ себя, по молодости входя въ сношенія съ людьми, кошорыя разсуждашь не въ состоянїи, а шупокъ не понимающъ и не споятъ. Прощайте!

P. S. Сверхъ того прошу васъ, Г. Булгаринъ, увѣдомишь меня и моихъ чипашелей изъ какой *извѣстной рукописи* по вашему мнѣнїю, взяпа моя повѣспъ; ешаго не должно было оставляшь на догадку; если вы хошѣли сказать, что мое сочиненіе взяпо изъ *собсшвенной* моей рукописи — въ такомъ случаѣ удивляюсь вашему остроумїю.

2.

*Замѣчанія на письмо къ Изд. Л. Л.
Госп.—Ий - ова.*

Читатели спросятъ можетъ бытъ насъ, почему мы не оповѣщаемъ на Криптику Г. Ий - ова, помѣщенную въ 21 и 22 Н. Л. Л.; не оповѣщаемъ по двумъ причинамъ, 1-е, оповѣшны на всѣ его возраженія находящяся уже въ III часпи Мнем., а 2-е, что онъ Г. Ий-овъ переважно доказываетъ, будто-бы давно забытый Бутервекъ шеперь въ великой модѣ, спавитъ его на одну доску съ Шлегелемъ, и сверхъ того говоритъ: *Излишняя ученость едва ли не вреднѣе полу-учености.* (*) Увѣрю моего милаго и забавнаго Рецензента, что ни я, и никто даже самъ Издапель Сѣв. Арх. и Лип. Л. (что ешаго убѣдительнѣе?) неподозрѣваюшь его Г. Ий-ова въ излишней учености — въ етомъ страшномъ грѣхѣ, а Читателямъ моимъ объяснитъ честь имѣю, что я, съ такими учеными людьми, каковъ Г. Ий-овъ никогда не спору, а вспрѣчаясь съ ними униженно кланяюсь и говорю: „Точно шакъ, Милоспивый Государь, вы правы!“

(*) Съ дипломатическою точностію выписаны слова сіи достойныя Сѣвернаго Архива и Липер. листковъ изъ статьи Г. Ий-ова въ 21 и 22 Но Лип. Лист. на 94 стр. стр. 5 и 6 съ вер-

3.

*Нѣсколько словъ о Мнемозинѣ самихъ
Издателей.*

Принимаясь говорить о нашемъ Изданіи, мы не знаемъ должно ли намъ прежде благодарить Публику за благосклонное принятіе онаго, или извиняться почти въ непростишительной медленности, съ кою вышла послѣдняя часть.

Надобно признаться, что Мнемозина явилась въ свѣтъ подь созвѣздіемъ, весьма неблагопріятнымъ: при самомъ началѣ печатанія два камня, приготовленные для lithографированія карпинокъ къ I-й части лопнули; и хотя съ большею поспѣшностію (*) были нарисованы вновь каршинки, однакожь не смотря на шо, задержали выходъ первой части; замедленіе оной повлекло за собою замедленіе и прочихъ частей; къ етому же присоединилися другія обстоятельства, копорыя, какъ обыкновенно говорятъ, совсѣмъ не важны для Публики,

(*)И потому весьма неудачно.

но весьма важны для Издашелей. Теперь—, желая хотя нѣкоторымъ образомъ вознаградишь нашихъ подписчиковъ за долгое, и судя по часнымъ, присылаемымъ къ намъ прѣбояніямъ, довольно неперпѣливое ожиданіе, мы увеличили IV часть почти въ половину болѣе прошиву прежнихъ; не знаемъ будешь ли она по етому лучше, но знаемъ, по крайней мѣрѣ, что въ свѣтѣ полщина часто замѣняешь многія другія достоинства.

Замѣчательно, что Мнемозина еще прежде своего выхода надѣлала много шума: одно названіе оной помѣщенное въ объявленіи, заставило нашихъ ученыхъ людей ломать себѣ голову: многіе, очень многіе добивались, что такое Мнемозина, почему, за тѣмъ, и какъ она Мнемозина; одинъ изъ таковыхъ Философовъ, желая показашь свою ученость прѣважно спрашивалъ у Издашелей: „Мнемозина — не одна ли изъ фурій?“ (*) другіе подобные сему Философы не могли постигнуть какимъ образомъ Изданіе въ родѣ *Альманаховъ* можетъ быть въ 4 тома. Опъ такихъ Судей нѣчего было ожидать добраго и появленіе I-й части Мнемозины подпвердило епо заключеніе.

(*) Нужно ли говорить, что онъ смѣшивалъ Мнемозину съ Немезидою.

Сперва наше Изданіе слегка разшевелило маленькое самолюбіе маленькихъ людей, считающихъ себя великими; въ послѣдствіи времени объявивъ въ немъ почти всѣмъ Русскимъ Журналамъ, почти всѣмъ старымъ предразсудкамъ (*),— оно необходимо должна была навлечь на себя негодованіе преданныхъ онымъ, должна была испытать всю силу смѣшнаго Журнальнаго мщенія; Издатели предвидѣли это, знали участь, которая ожидаетъ всякаго, осмѣливающаго издѣваться надъ закоренѣлыми заблужденіями — и заранѣе презирали ничтожный крикъ самолюбиваго невѣжества, которое, будучи довольно своимъ щаспливымъ состояніемъ, не хочетъ и не можетъ вообразить, что за тѣмъ кругомъ, которымъ оно себя ограничило, существуютъ какія либо знанія, какой либо особенный образъ сужденія. — Издатели, повсюду, презирали недоброжелательныя о себѣ толки; главнѣйшая цѣль Изданія нашего была — распространить

(*) А что новость, какая бы она ни была всегда находить порицателей, тому могутъ служить доказательствомъ нелѣпыя нападки на *Горе отъ Ума*, Комедію Грибоѣдова, на произведеніе истинно дѣлающее честь нашему времени, блистающее всею свѣжестію творческаго вымысла; произведеніе заслужившее уваженіе всѣхъ своихъ читателей, кромѣ нѣкоторыхъ привязчивыхъ говоруновъ, которые, сами не имѣя способности производить, досаждаютъ за чѣмъ другіе ее имѣютъ.

нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ въ Германіи; обратишь вниманіе Русскихъ читателей на предметы въ Россіи мало извѣстные, по крайней мѣрѣ, заставишь говорить о нихъ; положишь предѣлы нашему присрасію къ Французскимъ Теорикамъ; наконецъ покажешь, что еще не всѣ предметы исчерпаны, что мы опыскивая въ чужихъ спранахъ бездѣлки для своихъ занятій, забываемъ о сокровищахъ, вблизи насъ находящихся. И Издатели Мнемозины могутъ похвалиться, что нѣкоторымъ образомъ достигли своей цѣли; Литературные листки, Сынъ Отеч., Сѣв. Архивъ, нападая на Мнемозину, списывали и теперь еще списываютъ изъ нее сужденія о Французской Словесности, о необходимости народной Поезіи; даже въ Литературныхъ Листкахъ, Мнемозина заставила полковашъ о Шеллингѣ и Окенѣ, хотя и на изворотѣ; заставила Журналистовъ говорить о Нѣмецкихъ мыслителяхъ такъ, что иногда подумаешь, будто бы наши крипики въ самомъ дѣлѣ читали сихъ послѣднихъ. — Знакъ добрый! Можешь быть, недалеко уже то время когда сужденія, основанныя на законахъ непремѣняемыхъ, произведенія, блистающія порядкомъ и свѣтлостію мыслей, займутъ мѣсто нашихъ обыкновенныхъ, пусныхъ, сбивчивыхъ, Журнальныхъ Теорій и Литературныхъ уродовъ; когда истина воспорже-

спивуешъ надъ заблужденіями и умолкнуть наши ничтожныя Судіи въ Наукахъ.

За дѣло ли принимались Издатели Мнемозины о томъ пусть разсудятъ люди *мыслящіе*; но, по крайней мѣрѣ, мы дѣлились съ чипапелями тѣмъ, что сами имѣли, дѣлились малымъ — конечно, но не хопѣли морочить Публику наслышными знаніями; не поступали подобно тѣмъ, которые издають Горація, не зная Латинскихъ склоненій, которые выдають себя за Археологовъ и дѣлають на каждомъ шагу ученическія ошибки, оговариваясь пословицей: *дѣло мастера боится*, не поступали подобно тѣмъ, которые заучивъ нѣсколько страницъ изъ Башше подводятъ все то, что на глаза попадется подъ свои условныя правила.

Наконецъ, да позволено будетъ нашему самолюбію сдѣлать еще одно замѣчаніе: что мнѣнія, которые мы желали распространить несовершенно ложны, въ томъ увѣряетъ насъ то, что ни одно изъ нашихъ мнѣній не было опровергнуто, а что вмѣсто того, наши противники прибѣгнули къ обыкновенному орудію безсилія: — они спали шолковать о вредѣ отъ излишней учености; спали укоряютъ насъ въ хвастовствѣ знаніями; однимъ словомъ, опвѣчали намъ пономъ, который обыкновенно употребляютъ просполодимы, говоря: *„мы люди неутеные.“* — Вѣримъ!

На сей годъ прекращаемъ наше Изда-
ніе, при благопріятнѣйшихъ обстоятель-
ствахъ можеть бысть, возобновимъ его; и
не смотря на всѣ 'его' недоспашки, мы ла-
скаемъ себя надеждою, что люди мыслящіе
и испинно просвѣщенные, если и будутъ
порицаѣть насъ за недоспашки исполненія,
то не похуляѣтъ за намѣреніе.

Впрочемъ за чѣмъ на прощаньи со-
ришья и съ пѣми изъ нашихъ Судей,
копорыхъ уличаемъ въ невѣжествѣ и за-
коснѣніи; миръ со всѣми! Въ доказатель-
ство же нашей къ нимъ благосклонности,
посвящаемъ имъ нижеслѣдующее преданіе:

ОДИССЕЕВЪ КОНЬ.

*(Посвящается многимъ судіямъ и нѣкото-
рымъ Читателямъ Мнемозины).*

Вы вѣрно знаете, друзья мои, милого
просподушнаго *Калликона*! Знаете какимъ
слабоуміемъ, испинно завиднымъ въ наше
время, одарила его Природа. Вы вѣрно по-
мните, что сдѣлалъ онъ, захопѣвши пре-
даться Морфею: какъ положилъ онъ подъ
голову глиняный сосудъ, какъ сосудъ по-
казался ему жесткимъ и какъ чшобы сдѣ-
лать свое изголовье годнымъ къ упопре-
бленію, онъ вздумалъ набить его соломою.

Про епаго самаго *Калликона* я нашель
странное сказаніе въ одной древней руко-

писи. Ученые Комментаторы увѣряють, что она подложная; но чего они не выдумаютъ? Рукопись, вопреки всѣмъ епимъ Господамъ, утверждаетъ, что мой герой находился въ числѣ пѣхъ воиновъ, копорые были засажены спи́रिकомъ Одиссеемъ въ деревянную лошадь предъ Троею.

Опягопѣвъ опъ даровъ Вахвовыхъ, Калликонъ безопасно попягивался на самомъ мѣстѣ желудка въ огромномъ чревѣ.

„Какъ душно и шемно шеперь на свѣшѣ говорилъ онъ своему шоварищу....“

— Не вѣкъ здѣсь бышь—опшвѣчалъ ему воинъ, придетъ время и мы выйдемъ опсюда — пригошовой оружіе.

„Выйдемъ?.... куда?“

— На свѣшѣ, въ Троею!

„И кто шевѣ сказалъ епо—“ возразилъ Калликонъ засмѣявшись „я давно уже шопрѣлъ во всѣ шпороны и шеперь швердо увѣрилъ, что и Греція и Троея и весь свѣшѣ — все здѣсь, въ епомъ желудкѣ, что больше ничего не шущеспвуемъ и шущеспшвовашъ не можешъ.“

Вы смѣшешъ, друзья мои, рѣчи шпшподушнаго Калликона, но берешпшешъ! шоприше какъ смѣхъ вашъ разшешевелилъ Калликоновъ нашего времени, какъ грозно вышладывають они на васъ изъ своихъ шелудковъ, въ кошорые шпшпшались съ головой и съ ногами!

О д в с к.

КОМЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНІЕ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЕЙ МНЕМОЗИНЫ.

Ф И Л О С О Ф І Я .

Части : I. II. III. IV.

1. Афоризмы изъ различ- ныхъ Писателей по ча- сти Современнаго Гер- манскаго Любомудрія (Кн. Одоевскаго) . . .	—	84	—	—
2. Каншъ — изъ Спаль- Голшейнъ (А. Боров- кова)	—	—	95	—
3. О способахъ изслѣдова- нія Природы (пл) . . .	—	—	—	1.
4. Секща Идеалистико- Елеаническая — оспры- вокъ изъ Словаря Исто- рии Философій (Кн. Одо- евскаго)	—	—	—	160.

ИЗЯЩНАЯ ПРОЗА.

Апологи:

6. Старики, или Островъ Панхам (Кн. Одоевскаго)	I	—	—	—
7. Дервишъ (его же) . . .	—	—	1	—
8. Солнце и младенецъ (его же)	—	—	4	—
9. Два Мага (его же) . . .	—	—	7	—
10. Алогій и Епименидъ (его же)	—	—	9	—

	Части:			
	I.	II.	III.	IV
11. Эмблемы (В. Т—ва)	—	—	24	—
12. Радуга — цвѣпы—Ино- сказанія (Кн. Одоев- скаго	—	—	88	—
13. Новый Демонъ (его же)	—	—	—	35.
14. Моя управительница (его же)	—	—	—	42.
15. Слупники жизни (П. Полеваго)	—	—	—	56.
16. Одиссеевъ конь (Кн. Одоевскаго	—	—	—	255.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ.

17. Извлеченіе изъ Запи- сокъ Генераль - Маіора Д. В. Давыдова	13	—	—	—
--	----	---	---	---

ПУТЕШЕСТВІЯ.

18. Опрывки изъ Пеше- шествія по Германіи (В. Кюхельбекера)	61	51.	—	—
19. Опрывокъ изъ Пеше- шествія по Германіи и Полуденной Франціи (В. Кюхельбекера)	—	—	34	—
20. Опрывокъ изъ Пеше- шествія по Полуден- ной Франціи (В. Кю- хельбекера)	—	—	—	66.

ПОВѢСТИ, ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНОВЪ, СМѢСЬ.

21. Адо — Есно ская По- вѣсть (В. Кюхельбе- кера)	119.	—	—	—
---	------	---	---	---

	Части : I. II. III. IV.			
	Страницы :			
22. Елладій—Картина изъ свѣтской жизни (Кн. Одоевскаго)	—	94	—	—
23. Бельфегоръ — изъ Махиавеля съ Ипальянскаго	—	—	63	—
24. Слѣдствія Сапирической спапьи — опривоку изъ Романа (Кн. Одоевскаго)	—	—	125	—
25. Характеръ (его же)	—	—	63	—
26. Тимонъ, или Мизантропъ — изъ Лукіана — съ Греческаго (С. Шевырева)	—	—	—	105
27. Многомѣры изъ Жанъ-Поля Рихтера — съ Нѣмецкаго (В. Кюхельбекера)	182	—	—	—
28. Земля Безглавцевъ (В. Кюхельбекера).	—	143	—	—
29. Извлеченіе изъ Письма къ Е—ду (О. М.)	172	—	—	—
30. Листки изъ Парнасскихъ Вѣдомостей (Кн. —двск—)	—	—	—	51.
31. Мысли (С. Н.	—	—	—	—

КРИТИКА и АНТИКРИТИКА.

32. Замѣчаніе на Рипорику Г. Мерзлякова (Кн. Одоевскаго)	62	—	—	—
33. О направленіи нашей Поезій особенно Лирической въ послѣднее десятилѣтнее (В. Кюхельбекера)	—	29	—	—

	Страницы :			
34. Письмо въ Москву къ В. К. Кюхельбекера о запѣяхъ Новостей Ли- тературы и Инвалида Г. Воейкова (Кн. Одоев- скаго)	—	—	165	—
35. Опвѣсть Г. С. (В. Кю- хельбекера)	—	159	—	—
36. Нѣчто въ родѣ Опе- чашки или опвѣсть Кн. Шаликову (Кн. Одоев- скаго)			безъ	No.
37. Разговоръ съ Э. В. Булгаринымъ (В. Кю- хельбекера)	—	—	157	—
38. Прибавленіе къ сему разговору или Замѣчанія на спашью: Журнальныя спашьи (Кн. Одоевскаго)	—	—	178	—
39. Корешкой опвѣсть Кн. Одоевскаго Г. Булгарину	—	—	—	227.
40. Замѣчаніе о ученомъ и глубокомысленномъ Ий- овѣ	—	—	—	229.
41. Мнѣніе о Мнемозинѣ самихъ Издашелей	—	—	—	230.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Отрывки Драматическіе:

42. Отрывки изъ Аристо- фана (Кн. Шаховскаго)	26	—	—	—
43. Прологъ Трагедіи съ хорами: <i>Аргивяне</i> (В. Кюхельбекера	—	1	—	—
44. Отрывокъ изъ Трагедіи Маріи Стуаршъ (Ник. Павлова)	—	86	—	—

Части: I. II. III. IV.

СТИХОТВОРНЫЕ РАЗ-
СКАЗЫ:

45. Свяшополкъ (В. Кю-хельбекера)	53	—	—	—
46. Ручей Улькушь (С. Нечаева)	112	—	—	—
47. Конналь и Гальвина (В. Вердеревскаго)	116	—	—	—
48. Видѣніе	—	47	—	—
49. Суета суеписивій	—	—	—	—
50. Ерощы (Е. Раича)	—	152	—	—
51. Рогдаевы псы (В. Кю-хельбекера)	—	—	13	—
52. Выкупъ Оссіана (Писарева)	—	—	147	—
53. Амуръ Живоисецъ (В. Кюхельбекера)	—	—	—	63.
54. Олимпійскія игры (его же)	—	—	—	96.
55. Отрывки изъ Поемы: Эда (****)	—	—	—	216.
56. Леда (****)	—	—	—	221.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХО-
ТВОРЕНІЯ:

57. Давидъ (А. Г.)	24	—	—	—
58. Къ Богу (В. Кюхельбекера)	51	—	—	—
59. Елегія (Н. Павлова)	111	—	—	—
60. Елегія (П. а)	—	68	—	—
61. Пѣснь Справальца (А. Мансурова)	70	—	—	—
62. Проклятіе (В. Кюхельбекера)	—	72	—	—

	Части : I. II. III. IV.			
63. Прощаніе Вои́на (Кн. Вяземскаго)	45	—	—	—
64. Оди́ночествѣ — изъ Ламаршина (Волкова)	—	140	—	—
65. Новая Нина (С. Нечаева)	—	133	—	—
66. Демонъ (А. Пушкина)	—	—	11	—
67. Заспѣльная пѣснь Грековъ (С. Нечаева)	—	—	58	—
68. Упованіе на Бога (В. Кюхельбекера)	—	—	84	—
69. Свиданіе (—й—)	—	—	155	—
70. Смерть Байрона (В. Кюхельбекера)	—	—	190	—
71. Жертвы Амуру (—й—)	—	—	—	49.
72. Гимнъ Бакхусу — изъ Гомера (В. Кюхельбекера)	—	—	—	92.
73. Къ Морю (А. Пушкина)	—	—	—	102.
74. Очки (Елегія)	—	—	—	153.
75. Ливонія (Н. Языкова)	—	—	—	156.
76. Пѣсня	—	—	—	158.
77. Буря (****)	—	—	—	214.

ПОСЛАНИЯ :

78. Къ Графу Чернышеву въ деревню (Кн. Вяземскаго)	47	—	—	—
79. Къ ** при посвященіи перевода Трагедіи: Марія Стюартъ (Н. Павлова)	171	—	—	—
80. Рыльеву (К. а)	—	155	—	—
81. Къ *** (С. аго)	—	—	31	—
82. Къ Ниинѣ	—	—	60	—
83. Къ Барону Розену (В. Кюхельбекера)	—	—	93	—

Части : I. II. III. IV.

С М Ъ С Ъ.

	Страницы :			
84. Эпиграммы (П....аго)	110	—	—	—
85. Опрывки изъ Поемы : Искусство любить (В. Головина)	136	168	—	—
86. Эпиграммы (Кн. В..аго)	—	44	—	—
87. Вечеръ (А. Пушкина)	—	85	—	—
88. Сонетъ (С....аго)	—	—	23	—
89. Слеза	—	—	33	—
90. Надпись къ портрету Автора Краской Геогра- фiи въ спихахъ	—	—	62	—
91. Альбомъ (С. Нечаева)	—	—	86	—
92. Различныя попребно- сти (его же)	—	—	—	223.
93. На свиданiе съ се- спрою (его же)	—	—	—	224.

ИМЕНА ПОДПИСАВШИХСЯ НА МНЕМО-
ЗИНУ, ПО ВРЕМЕНИ ПОДПИСКИ.

В ъ М о с к в ѣ :

Его Сіятельство Кн. П. И. Одоевскій 2 экз.

Ея Превосходительство В. И. Ланская.

Его Сіяш. Кн. А. А. Масальскій.

Его Сіяш. Кн. Ю. И. Трубецкій.

Ея Сіяш. Граф. Н. А. Зубова.

———— Гр. Мих. Ю. Виелгорскій.

———— Гр. Маш. Ю. Виелгорскій.

Его Выс. Ст. Н. Бѣгичевъ.

Его Выс. Д. Н. Бѣгичевъ.

Его Выс. Н. А. Чирковъ.

Ея Прев. А. П. Глазова.

Его Сіяш. Кн. В. С. Львовъ.

———— Кн. В. В. Львовъ.

Его Выс. С. Д. Полторацкій.

Его Прев. П. Л. Давыдовъ.

Его Выс. В. Л. Давыдовъ.

Его Выс. А. Л. Давыдовъ.

Его Сіяш. Кн. В. М. Кугушевъ.

Ея Выс. Е. И. Мещерина.

Его Сіяш. Кн. И. С. Одоевскій.

Его Выс. Г. И. Дурновъ.

Его Сіяш. Кн. Н. И. Трубецкій.

Его Выс. С. П. Жихаревъ.

Ея Выс. Вакселева.

Его Выс. Мальцевъ.

Его Выс. П. П. Коробинъ.

Его Прев. Н. М. Сипягинъ.

- Его Выс. А. В. Всеволодскій.
 Его Прев. Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ.
 Его Выс. Я. Ѳ. Скоряшинъ.
 Его Выс. Алмазовъ.
 Его Выс. Б. И. Ионъ.
 Его Выс. Ершовъ.
 Его Выс. М. А. Дмипріевъ.
 Его Сіят. Кн. С. М. Голицынъ.
 Его Бл. И. Н. Герингъ.
 Его Выс. И. В. Чершковъ.
 Его Выс. П. И. Колошинъ.
 Его Выс. Ѳ. Ѳ. Малышевъ.
 Ея Прев. В. Н. Нарышкина.
 Его Выс. Ѳ. Ѳ. Машюшкинъ.
 Его Выс. И. П. Нѣмовъ.
 А. Ф. Смирдинъ. 20 экз.
 Его Выс. Ленивецъ.
 Его Прев. И. А. Барашинскій.
 Его Выс. М. Ф. Мишьковъ.
 Его Выс. М. Л. Яковлевъ.
 Его Выс. Н. А. Охопниковъ.
 Его Выс. А. Ѳ. Ягубовичъ.
 Его Выс. С. Д. Нечаевъ.
 Его Выс. Н. М. Коншинъ.
 Его Выс. П. А. Степановъ.
 Его Выс. Нащокинъ.
 Незвѣстный.
 Его Прев. А. И. Тургеневъ.
 Ея Прев. А. П. Дурасова.
 Его Выс. В. А. Обрѣзковъ.
 Его Выс. Н. М. Бравинъ.
 Его Выс. П. Я. Жаровъ.
 Его Выс. Д. П. Глѣбовъ.
 Его Выс. Ушаковъ.
 Его Выс. Д. П. Яковлевъ.

Х

Его Выс. Прев. А. С. Кологривовъ.
Его Прев. А. А. Писаревъ.
Его Прев. Д. Н. Баншышъ-Каменскій.
Его Выс. С. А. Хомяковъ.
Баронъ Шшейнгель.
Е. А. Лукошкинъ.
С. О. Суворовъ.
Господинъ Казановъ.
Оберъ Прав. Мейсперъ П. И. Милицкій.
Его Выс. Кавалевъ.
Ея Выс. Е. П. Спрукова.
Его Бл. В. П. Ивашевъ.
Его Выс. Л. О. Богдановичъ.
А. А. Кулиновскій.
Ямбургскаго Улан. Полка Юнкеръ Н. П. Волковъ.
Его Благ. А. А. Елагинъ.
Я. В. Сленинъ.
Баронъ С. Н. Пешровъ.
Юс. Ев. Смолинъ.
Н. А. Сабининъ.
Ген. Лейп. И. В. Черпковъ.
Его Вл. А. А. Санниковъ.
Его Бл. Горноспаевъ.
Его Выс. В. М. Кулебякинъ.
Коллеж. Совѣш. И. Д. Грезовскій.
Пол. А. Л. Пошихинъ.

Въ Петербургъ:

Его Пр. Ар. Ал. Спалыпинъ.
Его Бл. М. М. Данауровъ.
——— П. П. Мяслевъ.
——— Ф. С. Хомяковъ.
——— Пусловскій.
Камеръ-Юнкеръ Собанскій.

Неизвѣстный.

Его Бл. И. Д. Лужинъ.

Его Выс. Н. В. Ланской.

Его Сіаш. Кн. В. А. Долгорукій.

———— Кн. М. Ф. Голицынъ.

———— Кн. Мещерскій.

———— Кн. Гагаринъ.

———— Гр. Ливень.

———— Гр. Е. Ф. Комаровскій.

———— Гр. Мансшейфель.

Его Бл. А. А. Сухаревъ.

Его Выс. П. П. Свиньинъ.

Книгопр. Ив. Ив. Большой-Заикинъ.

Въ разныхъ Городахъ:

Его Выс. А. Я. Жмакинъ.

Его Бл. В. И. Мелиховъ.

Его Бл. А. И. Скворцовъ.

Ея Выс. Н. И. Жуковъ.

Его Выс. И. А. Впоровъ.

Его Сіаш. Глав. 1-й Арміи Гр. Ф. В. Остенъ-Сакенъ.

Его Прев. Гр. Гр. Бѣлоградскій.

Его Сіаш. Гр. В. А. Мусинъ-Пушкинъ.

Его Выс. В. А. Глинка.

Его Сіаш. Гр. М. Д. Толстой.

Его Выс. Сп. О. Вишневскій.

П. Ф. Ивановъ.

Его Выс. Ф. П. Игнашъевъ.

Его Выс. П. П. Бабкинъ.

Ея Выс. А. А. Наумова.

Его Выс. М. П. Зеровъ.

Его Выс. И. Ф. Ефимовъ.

Его Выс. П. П. Алмазовъ.

ХІІ

- Его Выс. А. И. Биркенъ.
Его Выс. П. И. Яблочковъ.
Его Выс. П. Я. Исуповъ.
Его Выс. Н. М. Сышинъ.
А. И. Оедоровъ.
Ея Выс. Л. Я. Лярская.
Его Выс. Ник. А. Мельгуновъ.
А. Е. Лавровъ. 2 экз.
Ея Выс. Н. Б. Трегубовская.
Его Прев. Р. И. Ховенъ 13 экз.
Его Выс. И. Лихонинъ.
Его Выс. С. П. Петровъ.
Его Выс. И. П. Соболевъ.
Его Выс. И. Б. Ивановъ.
Ея Выс. Е. И. Сабинина.
Его Выс. О. П. Михайловъ.
Его Выс. И. О. Ружницкій.
Гвар. Шп. Кап. Н. А. Лопухинъ.
Его Сіап. Гр. С. М. Каменской.
Лейп. 6-го Фл. Эк. П. Спавицкій.
Его Выс. Бл. И. Я. Пошемкинъ.
Его Выс. Бл. А. М. Маршыноровъ.
Его Бл. Г. Ал. Костомаровъ.
Арш. Подпол. Флиге.
Ген. Маіоръ Спаль.
Симб. Вице Губ. Грибовскій.
Его Бл. А. М. Маршыноровъ.
Ком. 41-го Ег. пол. Пол. Авенариусъ.
Ком. Низов. пѣхоп. пол. Подпол. Левеншаль.
Каз. Драг. пол. Шп. Кап. А. Н. Чершковъ.
Ея Выс. С. В. Гринева.
Его Выс. С. С. Веселовскій.

О П Е Ч А Т К И

в ъ IV ч а с т и .

		Напечатано:	Читай:
Стран.	Стр.		
3	1 с. н.	усамприваюшя	усматриваюшя
93	7	— нарусь!	нарусь!
—	4	— повеземъ	повеземъ
95	2 с. в.	уетранишья	устранишья
98	2	— вѣковъ	вѣнокъ
102	15	— тишину	тишину
104	1	— онуспѣлъ	опуспѣлъ.
114	1	— заспуномъ	заспуномъ
147	6	— казновилице	казнохранилице
156	1	— шы	шы
158	5 с. н.	тобой тобой	тобой
160	6 с. в.	Правда, мы бо- гаты	Правда, мы небѣд- ны
—	7	— ками	Лечебниками
171	2	— младенчешву	младенчеству
191	9	— стремленію	стремленія
192	8	— въ голосѣ	въ головѣ
211	4	— оною	оной
212	1	— дѣйствующіе	дѣйствующія
—	14	— дѣйствующіе	дѣйствующія
223	7	— дѣйства	дѣйства.
232	2 с. н.	главнѣишя	главнѣишяя.

Непредвидѣнные обстоятельства задержали выходъ сей IV части уже по оппечатаваніи оной. Конечно теперь всякое оправданіе поздно, но Издатели осмѣливаются замѣнить, что какъ ихъ Изданіе, по однимъ полемическимъ страницамъ, составляющимъ прибавочную часть, можетъ быть названо *періодическимъ*, по ранній или поздній выходъ сей части не долженъ, кажется имѣть вліянія на достоинство (какое бы оно ни было) страницъ, помѣщенныхъ въ оной. Что же касается до полемическихъ страницъ, находящихся въ сей части у коихъ время должно оппять и малѣйшую цѣну, какую онѣ только могутъ имѣть, по Издатели просятъ охотниковъ до такого рода сочиненій, для лучшаго уразумѣнія, вспомнить жаркіе споры за II и III-ю часть Мнемозины; сверхъ того предувѣдомляемъ ихъ (Гг. охотниковъ), что они съ лихвою будутъ вознаграждены за сію потерю; ибо по стараніямъ нашимъ, мы имѣемъ довольно количество досужихъ и очень горячихъ проповѣдниковъ, а пошому вѣроятно, что по выходѣ сей части загорятся снова въ періодическихъ изданіяхъ жестокіе споры, опгъ коихъ произойдетъ несомнѣнно почто та же самая польза, какая произошла и опгъ споровъ за II и III-ю часть.

Еще два слова: совсѣмъ оппечатавшая картинка къ сей части, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ должна была быть уничтожена, а другая въ замѣну ея печатается и немедленно будетъ доставлена Гг. подписчикамъ.

СЛЕЗА — РОМАНСЪ.

Слова А. С. Пушкина. Музыка М. Яновлева.

Grazioso.

Голосъ

Форте - Пиано

2.

— Скажи, что смотришь на дорогу?
 Мой храбрый спросил: —
 Еще по ней ты, слава Богу,
 Друзей не проводил? —

3.

Он глупи поникнув голову,
 Я скоро прошептал:
 «Гусарь! ужь ишь ее со мною?»
 Вдохнул и замолчал.

4.

Слеза повисла на рѣсницѣ
 И канула въ бокалъ...
 — Дитя! ты плачешь о дѣвицѣ?
 Стыдись! — онъ закричалъ.

5.

«Оставь, гусарь! — охъ сердцу больно,
 Ты знашь не горевалъ:
 Увы! одной слезы довольно,
 Чтобъ оправить бокалъ.»

Разсматривалъ цензоръ И. Снегиревъ.